

[Polaris]

Борис Фортунатов

ОСТРОВ ГОРИЛЛОИДОВ

Затерянные миры
Том VII

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

XLIII

Salamandra P.V.V.

Б. Фортунатов

ОСТРОВ ГОРИЛЛОИДОВ

Затерянные миры

Том VII

Издание 2-е,
дополненное

Salamandra P.V.V.

Фортунатов Б. К.

Остров гориллоидов (Затерянные миры, т. VII). Илл. А. Шпира, В. Сварога. Изд. 2-е, доп. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2016. – 260 с., илл. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. XLIII).

В Тропический институт приезжает по приглашению своего учителя молодой советский ученый. Вскоре он узнает, что здесь, в глубине Французской Гвинеи, на недоступном острове биологи и военные проводят чудовищные эксперименты... Незаслуженно забытый роман Б. Фортунатова, впервые опубликованный в 1929 г., стоит в одном ряду с такими произведениями, как «Человек-амфибия» А. Беляева и «Собачье сердце» М. Булгакова. Во втором издании книги расширены комментарии и добавлен рассказ «Последний тур».

Книга «Остров гориллоидов» продолжает в серии «Polaris» ряд публикаций произведений, которые относятся к жанру «затерянных миров» – старому и вечно новому жанру фантастической и приключенческой литературы.

© Ya. Leontyev, статья, 2006-2016

© M. Fomenko, комментарии, 2016

© Salamandra P.V.V., подготовка текста, оформление, 2016

ОСТРОВ ГОРИЛЛОИДОВ

I.

ПИСЬМО ИЗ АФРИКИ

Андрей Николаевич Ильин, ассистент по кафедре гистологии* Московского университета, был вполне правильно устроенный молодой человек высокого роста, с широкими плечами, простодушной российской физиономией и еще более несложной психологией. Наукой своей он увлекался горячо, футболом еще больше, газеты прочитывал весьма бегло, советской власти искренно сочувствовал и политикой, как ему казалось, совершенно не интересовался.

Великих открытий за ним не числилось, да и в будущем вряд ли они предвиделись, но известное имя он уже к тридцати трем годам заработал. Жизнь молодого ученого катилась как по рельсам, и, казалось, его будущее можно было предсказать с точностью до одной тысячной, когда он получил письмо с иностранной маркой.

* Гистология — наука о микроскопическом строении организмов животных и растений (*Здесь и далее редакционные примечания взяты из первого издания*).

Ильину приходилось поддерживать корреспонденцию с границей, но марка одной из африканских французских колоний была все же необычной, и он с некоторым интересом разорвал конверт.

Фразы были официальные и шаблонно любезны, но фамилия «Идаев» сразу покрыла все содержание письма. Так неожиданно было это, когда-то такое знакомое имя, что Ильин невольно привстал со стула, положил письмо, затем снова его развернул и перечел. Машинально держа письмо в руке, он быстро зашагал по комнате.

Старый учитель! Около пятнадцати лет прошло с тех пор, как Ильин видел его в последний раз, но, как живое, встало из глубины памяти это худощавое, с седой бородкой и веселыми глазами лицо. Словно не было вовсе долгих лет и великих потрясений войны и революции, и как будто только вчера он, еще студент, говорил с любимым профессором за несколько дней до отъезда его в Тропический институт, только что созданный в глубине лесов Южной Гвинеи. Ласково улыбались близорукие глаза, но смотрели они поверх его, Ильина, и чувствовалось, что в них залегла сосредоточенная мысль и что вряд ли профессор толком видел своего собеседника.

Идаев уехал и не вернулся. Научных сообщений под его именем в печати не появлялось; через несколько лет, как это часто случается, о нем перестали вспоминать, и удивительно было видеть теперь это имя, давно забытое и вдруг вернувшееся в мир живых.

Содержание письма было чрезвычайно просто: Тропический институт в Гвинее предлагал Ильину занять должность ассистента в лаборатории профессора Идаева и уведомлял об условиях и оплате работы. Вот и все.

Но с того мгновения, когда скользнули по сознанию первые строки, решение уже было принято. Расхаживая взад и вперед по комнате, Ильин обсуждал план действий на ближайшие дни.

Квартиру необходимо за собой оставить: неизвестно, как там пойдут дела и долго ли придется пробыть в этой самой Гвинее. На время отсутствия можно поселить Му-

рашкина с женой (без права занятия отдельной площади). Работу с трипанозомами можно просто бросить. Все равно из нее ничего не выходит. С Лидочкой тоже два месяца одна канитель, и нет никакой надежды на лучшее. Разговор с профессором будет довольно кислым, но если его, Ильина, приглашают за границу, да еще ни много ни мало в знаменитый институт в Гвинее, то с высокого дерева ему наплевать на какого-то там профессора Колпакова...

Затем пришлось обдумать еще ряд дел, потому что Ильин был человек положительный и ничего не любил делать наобум.

* * *

Оказалось, что получение заграничного паспорта вовсе не такая отчаянно безнадежная вещь, как это принято думать.

Разговор с профессором вышел действительно кислым, но Ильин предусмотрительно приберег его к самому концу. Лидочке решено было написать прямо из Африки, что, несомненно, должно было произвести на нее нужное впечатление.

Об остальных хлопотах Ильина нечего рассказывать, потому что все люди более или менее одинаково кончают дела перед отъездом, и нет ничего скучнее описания сборов в дорогу. А кроме того, все это не имело никакого отношения к дальнейшему.

II.

В ТРОПИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ

Когда маленький речной пароходик остановился у пристани, и Ильин сошел на берег, его первое впечатление было довольно безотрадно. Сонная, желтая, в низких берегах река. Справа бесконечное плоское болото, поросшее редкими мангровыми деревьями. Левый берег, немного более высокий, покрыт лесом. Только под самыми зданиями института почва повышалась, образуя длинный пологий холм. Скат холма к реке был превращен в густо разросшийся парк.

На вершине, в тени тропических деревьев стояли одноэтажные здания лабораторий и дома научных работников с широкими верандами, а внизу, налево, у самой реки и довольно далеко вне ограды парка теснились многочисленные хижины рабочих, большею частью негров.

Появление Ильина на территории института, как это и следовало ожидать, прошло незамеченным. Очутившись среди многочисленных построек, он отчетливо представил, каким в сущности маленьким винтиком этого крупного механизма ему предстояло быть.

Идаева найти сразу не удалось, и даже фамилия его почему-то оказалась многим неизвестной. Примерно через полчаса обнаружился молодой человек довольно плюгавой внешности, ведавший какими-то хозяйственными функциями и осведомленный о предстоящем прибытии Ильина. Этот «завхоз», весьма любезно раскланявшись, немедленно отправился отводить ему помещение.

Небольшая ослепительно чистая комната выходила двумя окнами на реку. Пальма с толстым, как бочка, стволом и глубоко рассеченными листьями, росшая в промежутке между окнами, закрывала их сверху и создавала внутри комнаты спасительную тень. В остальном — комната была, как комната: стол, несколько стульев, длинная плетеная

качалка, большая кровать с пологом от москитов и пара явно бездарных картин на стене.

По сообщению того же молодого человека, большинство научных работников обедало за табльдотом в соседнем здании, но на сегодня «мсье еще не записан, и потому горничной будет дано распоряжение подать ему в комнату чай. Кроме того, мсье придется завтра явиться к директору, который принимает от одиннадцати до часу...»

После чая Ильин отправился осматривать парк, потом берег реки, потом лес, простиравшийся далеко к западу, и вернулся обратно уже в темноте, потому что сумерек, на которые он бессознательно рассчитывал, не оказалось, и после захода солнца сразу наступила черная ночь. А еще через десять минут молодой ученый спал, как убитый.

* * *

Вместо директора Ильина принял какой-то вежливый старичок в сером полотняном костюме и с аккуратно подстриженными бобриком седыми волосами. Через несколько дней Ильин уяснил себе, что директор и не мог его принять: профессор барон Делярош был слишком важной персоной, чтобы разговаривать с каким-то приезжим ассистентом. Что касается Идаева, то его здесь не оказалось. Он работал в другом отделении института, расположенном вверх по реке.

Старичок объяснял все это с величайшей предупредительностью.

— Когда можно будет увидеть профессора Идаева? — спросил Ильин.

— Пока невозможно. В Ниямбе ведутся работы, временно не подлежащие опубликованию, и доступ туда для посторонних воспрещен.

Почему мсье все же приглашен ассистентом к Идаеву — этого старичок не знал. Пока мсье Ильин будет работать здесь как ассистент профессора Кремье, но впоследствии

директор, вероятно, даст распоряжение перевести его туда, где работает Идаев.

Старичок настолько явно ничего не значил, что Ильин не стал затягивать разговор и отправился к профессору Кремье. Профессор был занят в лаборатории и просил передать, что он «примет мсье завтра».

Делать пока было нечего, и часов до пяти Ильин болтался по окрестностям, а затем отправился обедать. Здесь впервые ему пришлось соприкоснуться со своими будущими сослуживцами, и первый блин этот вышел круглым и плотным комом.

Столовая была отделана весьма изящно. Стильная мебель, стены, облицованные каким-то темным деревом, почти художественная сервировка стола — все это здесь, в тропической Африке, показалось Ильину неожиданным. Через широкие двери виднелась вторая такая же большая комната с мягкой мебелью и роялем.

Ильин уселся у края длинного общего стола, положил на стул шляпу, сообщил подошедшему гарсону свое имя и в ожидании обеда принялся рассматривать окружающую публику. В комнате находилось лишь несколько человек, так как большинство обедающих уже разошлось. С первого же взгляда Ильин понял, что его запыленные ботинки, весьма посредственно сшитый пиджак и мягкий воротник рубашки мало гармонировали с костюмами остальных обедающих.

До чего трудно человеку избежать психического давления со стороны других особей человеческого рода, даже если они кажутся ему бесконечно далекими, ничтожными и чужими! Ильина скребнул по настроению взгляд сидевшего напротив высокого старика профессорского вида, который, приподняв брови, удивленно дважды провел глазами вдоль его фигуры. Что значило для Ильина мнение беседовавшей со стариком полной, лет сорока, довольно основательно подрисованной дамы? Однако краска невольной залила его лицо, когда она в свою очередь подробно рассмотрела костюм вновь прибывшего и слегка пожала плечами.

Через несколько минут дама поднялась, заглянула в висевшее напротив зеркало и вместе со своим спутником направилась в соседнюю комнату. Через широкие двери было видно, как они, смеясь, разговаривали с каким-то молодым офицером. Ильину показалось, что разговор шел о нем, потому что раза два собеседники оглянулись в его сторону. Затем все трое прошли через столовую к выходным дверям.

Лейтенант был настолько вытянут, и такое сознание своего величия выражалось в нем от кончиков сапог до пробора над гладко выбритой физиономией, что на этот раз уже Ильин с некоторым интересом раза два провел по нему глазами, и их взоры на мгновение встретились. По лицу лейтенанта скользнула брезгливая улыбка. Может быть, виною тому было чувство досады, испытанное минутой назад, но внезапно слепой гнев ударил Ильину в голову, и, не отдавая себе отчета в том, что он собирается делать, Ильин быстрым движением поднялся со стула и шагнул вперед.

Однако лейтенант уже прошел, и Ильин снова опустился на свое место. Руки его слегка вздрагивали. Столовая была почти пуста, и за исключением лакея, который смотрел на него с выражением некоторого недоумения, никто не заметил его стремительного движения и возбужденного вида.

Поспешно проглотив обед, Ильин нахлобучил шапку и вышел в сад. Все это было абсолютно глупо. Хорошо еще, что так обошлось и он не учинил скандала в первый же день по прибытии, а то какой был бы срам возвращаться сейчас же в Москву и снова являться к профессору Колпакову с просьбой принять на службу!

В будущем до подобной слабости себя допускать нельзя, но нельзя и ручаться, что, близко соприкасаясь со здешним обществом, он не напорется на какую-нибудь глупую историю. Пренебрежительного к себе отношения он, Ильин, никогда не допустит, какие бы это последствия не имело. Однако рисковать вылетом из института тоже не следует. Отсюда вывод — поскорее заняться тем, для чего он прие-

хал: работать, составлять себе имя, взять все что можно от Африки и поменьше путаться с этой сомнительной публикой. А обедать он будет дома.

* * *

На следующий день Ильин познакомился с Кремье, который оказался высоким, стройным, несмотря на свои пятьдесят лет, и очень элегантным, даже в лабораторном халате, мужчиной. Держался он холодно, но просто, и непродолжительный разговор вполне разъяснил Ильину его положение.

Оказывается, он был приглашен в лабораторию Идаева по его же рекомендации и настоянию, но затем было решено оставить Ильина на территории института. Дело в том, что в Ниамбе развернута работа, не подлежащая по различным причинам оглашению, и доступ туда чрезвычайно ограничен. Кроме того, Идаев тяжело заболел, и хотя жизни его не угрожает опасность, но на скорое выздоровление его мало надежды. Поэтому Ильину предлагается занять место ассистента в лаборатории Кремье. Профессор несколько знаком по литературе с работами мсье Ильина и считает, что мсье будет для него чрезвычайно ценным сотрудником. В случае его несогласия администрация, принося свое глубокое извинение, конечно, оплатит обратный проезд и возместит все прочие издержки.

Мсье Ильин согласен остаться? — Он, Кремье, очень рад и просит своего нового коллегу принять с завтрашнего дня участие в оборудовании лаборатории, которая находится сейчас в стадии развертывания.

III.

МЕХАНИК ДЮПОН

Со времени прибытия Ильина в институт прошло уже более недели, но приступить к работе еще не удалось, так как красились стены, прокладывались трубы, и вообще все в лаборатории было перевернуто вверх дном.

С другой стороны, благодаря этому завязалось знакомство Ильина с Дюпоном. Плотный, чернявый, с квадратной физиономией механик-водопроводчик, торчавший по своим делам целыми днями в лаборатории, оказался очень веселым и разговорчивым парнем. Собственно, нельзя было точно установить, когда от деловых замечаний по поводу укладки труб они перешли к посторонним разговорам, из которых получилось затем нечто вроде дружеских отношений.

Молчаливость никогда не входила в число добродетелей Ильина, а вместе с тем как-то вышло, что с Кремье невозможно было поддерживать какой-либо разговор, кроме чисто делового. С прочими же научными работниками и вовсе не было общения.

Конечно, первое время разговоры с механиком велись со всей необходимой дипломатией, потому что... черт его знает?... и вообще никогда не следует говорить лишнего, особенно в чужих местах. В этом же роде держался сначала и Дюпон: охотно слушая рассказы о советской республике, сам говорил мало и осторожно. Отсюда Ильину было легко сделать соответствующий вывод, после чего разговаривать стало проще.

В институте Дюпон служил около года, но о содержании происходившей здесь работы ничего не знал, да и мало этим интересовался. Об Идаеве он также ничего не слышал. Что же касается Ниамбы, то о ней Дюпон сообщил Ильину довольно бестолковые и несообразные вещи. Разговор на эту тему зашел на третий или на четвертый

день после того, как Ильин засел в амбулатории. На вопрос Ильина Дюпон немного помялся, потом взглянул на собеседника и вдруг широко улыбнулся.

— Знаете, — сказал он, — я бы вам не советовал спрашивать здесь всех и каждого об этом заведении. Дело в том, что вокруг Ниамбы наворотили какую-то особую тайну. На службу туда принимают только по контракту на пять лет и без права выезда раньше срока. Я думаю, что администрация вряд ли придет в восторг, узнав, что вы интересуетесь этим местом. Да, впрочем, я и сам знаю о Ниамбе очень немного. Только вы никому не рассказывайте, что я говорил с вами об этом. Порядки здесь строгие, и я, наверное, полетел бы за это со службы... обратно через океан, в Европу.

Ильин засмеялся.

— Думаю, что мне тоже нет особого расчета объявлять во всеуслышание, что я интересовался вашими маленькими секретами. А спрашиваю о Ниамбе я только потому, что меня самого пригласили именно там работать, а затем неизвестно почему планы переменялись.

Механик на минуту задумался.

— У меня есть там приятель-негр, работающий на пристани, — сказал он, — но я его давно не видал. Вообще же болтают черт знает что, а насколько это правда, я сказать не могу.

Ильин выжидающе молчал.

— Ну... Во-первых, при мне оттуда никто не возвращался — ни белый, ни черный, за исключением двух-трех лиц из администрации. Во-вторых, туда везут много материалов, приборов и продовольствия. В-третьих, Ниамба — остров среди такого болота, по которому нельзя пройти ни в какое время года. И потом... за последние годы туда привезено несколько больших партий негритянок — этак, пожалуй, несколько сот, если не больше. Скажите, на какого черта им могут быть нужны негритянки?..

Ильин потер себе лоб:

— Не знаю... А вы как думаете?

— Никак! Откуда же мы можем знать, если с Ниамбой нет никаких сношений? Ну, вот, пожалуй, и все. Только, значит, еще раз... пожалуйста, этот разговор — между нами.

В коридоре раздались голоса негров, тащивших тяжелый ящик. Ильин открыл дверь и, когда носильщики в сопровождении рыжего бельгийца-смотрителя вошли в лабораторию, механик сосредоточенно свинчивал два колена трубы.

* * *

Период дождей закончился как-то неожиданно, но трудно было сказать, изменилась ли от этого погода к лучшему. Медленно просыхала насквозь пропитанная водой почва. Утро обыкновенно бывало вполне прилично, но к середине дня воздух переполнялся знойным, как в бане, паром, тело делалось тяжелым и вялым, и слабеющей воле не удавалось принудить его даже к незначительному действию.

Работа в лаборатории Кремье протекала в области для Ильина совершенно чуждой, а погода располагала к лени, и творческого увлечения делом молодой ученый не чувствовал. Кремье был крупным специалистом по эмбриологии гибридов*, особенно гибридов между далеко отстоящими друг от друга видами. В его лаборатории создавались посредством искусственного оплодотворения весьма замысловатые помеси — в данный момент преимущественно между различными породами местных змей. Затем анатомировались и изучались зародыши на различных стадиях развития. Часть материала получалась для обработки

* Эмбриология — наука о развитии живого существа в зародышевый период его жизни. Гибриды (помеси) — в животном и растительном мире — потомство родителей, принадлежащих к различным видам, иногда даже родам. Например — помесь курицы с фазаном, лошади с ослом (мул), многие сорта георгинов, роз, яблок.

из других лабораторий, в частности несколько раз доставлялись зародыши помесей между различными видами обезьян.

Один из препаратов — четырехмесячный зародыш помеси гориллы с шимпанзе — был принесен в самом начале работы Ильина в лаборатории и особенно врезался в его память отвратительной несоразмерностью частей.

Эмбриологией Ильин никогда раньше не интересовался, да и в будущем не предполагал заниматься. Кроме того, передавая какое-либо задание, Кремье редко снисходил до объяснения его смысла и цели, а в таких условиях интерес к работе быстро таял.

В общем, Ильин проводил в лаборатории не больше того, сколько требовалось, с наступлением же полуденной жары, следуя примеру Кремье и его второго ассистента Латура, укрывался в свою комнату или в глухие углы парка. Впрочем, иногда, если имелись какие-либо неотложные задания, работа возобновлялась вечером.

Латур был весьма практичный молодой человек. В Африку он приехал из-за крупного жалованья и через полгода предполагал возвратиться обратно, так как скопил достаточно денег, чтобы открыть у себя на родине, в Мобеже, кабинет для бактериологических анализов. О выгоды и солидности этого дела он мог распространяться подолгу. Другой возможной с ним темой разговора были женщины, что же касается науки, то это было, во-первых, «ремесло, как все прочие», во-вторых, прекраснейшее средство, чтобы составить себе имя, — а «без имени нельзя упрочить свое положение в свете»... На иные темы разговор с Латуром был затруднителен, и знакомство это оказалось несколько скучным.

Поэтому Ильин обрадовался, встретив однажды на пути домой механика Дюпона, который после окончания установки труб больше не показывался в лаборатории. Физиономия механика просияла, и он крепко пожал протянутую руку.

— Ну, как ваши дела с Кремье? — спросил он. — У меня уже давно не было случая заглянуть в ваше заведение, и я

очень рад, что вас встретил. Вы знаете, здесь просто не с кем перекинуться словом: либо недоступные боги, вроде вашего Кремья, либо каналы, способные продать за пять франков отца с матерью, если бы кто польстился на такое добро. Что вы хотите? Путный человек не заберется в колонию, особенно в здешние болота, будь они прокляты!

— А зачем же, в таком случае, вы сами попали сюда? — заметил Ильин, бессознательно сворачивая вслед за механиком на боковую дорожку.

— Я? — Дюпон пожал плечами и высоко поднял брови. — А почему вы думаете, что я путный человек? Вот и вас каким-то ветром перенесло из Москвы на другую сторону земного шара. Я никогда не сделал бы этого, будь я на вашем месте... или хотя бы даже и в моей шкуре, но на вашей родине.

Улыбающееся лицо Дюпона вдруг стало серьезным, он замолчал и быстрее зашагал по аллее. Ильин окинул своего спутника долгим взглядом и попытался протянуть в том же направлении нить разговора.

— А почему бы и нет? — спросил он, беря механика под руку. — К нам, правда, не так-то легко попасть людям нежелательным — с нашей, конечно, точки зрения. Но для друзей границы Союза всегда открыты. И знаете, коли на то пошло, когда кончится срок моей работы в институте, я постараюсь помочь вам в исполнении вашего желания, если, конечно, к тому времени оно у вас не испарится.

— Я не знаю, что я отдал бы, — сказал Дюпон, — если бы это удалось осуществить! Впрочем, и то сказать, мне ведь нечего отдавать, кроме своей головы, а относительно ее ценности, наверно, нашлось бы несколько различных мнений... Вы знаете, за прожитые мною сорок лет выпадали, случалось, здорово красивые куски жизни, но с самыми паршивыми промежутками, потому что без этого ведь не проживешь. И все-таки редко мне хотелось так, как сейчас, перейти на другие рельсы и как можно круче свернуть в сторону...

Дюпон остановился, поднял голову и опять заговорил, сначала медленно, с длинными промежутками между словами, затем все быстрее и быстрее:

— По ту сторону океана также не очень-то все похоже на христианский рай, и крепко бы пригодились там кое-какие лекарства из вашей советской аптеки, но все-таки в Европе среди прочих водятся и живые люди, а сюда она высыпает самого последнего сорта человеческие отбросы. Поверите ли, прекрасные ребята попадают, пожалуй, только среди негров, хотя в них слишком много детского, а наши, даже рабочие... — Дюпон махнул рукой и энергично плюнул. — То есть пара-другая приличных людей, конечно, найдется. Но среди научных работников вы первый, с кем приятно встретиться. Это, должно быть, оттого, что вы из России... Ну, вот мы и на границе! Мне в поселок. До свидания!

Дюпон остановился в воротах парка и протянул Ильину руку. Тот, улыбаясь, задержал в своей руке жилистую лапу механика.

— А почему бы вам не пригласить меня к себе домой? — спросил он. — Ведь, надеюсь, вы не думаете, что для меня ограда парка является также государственной границей?

Лицо Дюпона просияло. Он молча взял Ильина под локоть и быстро зашагал по направлению к видневшимся во тьме огонькам рабочего поселка.

Сидя у Дюпона, новые друзья кипятили кофе, болтали на разные темы и расстались уже за полночь. История Дюпона оказалась, по его выражению, «несколько угловатой». Он был участником мировой войны и пошел на фронт, охваченный патриотическим подъемом первых дней войны. Профессия шофера дала ему доступ в авиацию. Потом с блеском развернулась его карьера летчика-истребителя, и за полгода работы на фронте четыре боша* были спущены с облаков в пламени горящих аэропланов. Осколок снаряда из зенитного орудия покончил с этой полосой жизни,

* Бош — презрительная кличка немцев.

и начались месяцы мучительной возни в госпиталях с раздробленной костью ноги.

Летный состав по характеру его работы в период империалистической войны сравнительно мало соприкасался с оборотной стороной всего происходившего, но в госпиталях Дюпону пришлось на опыте узнать, что в войне есть кое-что еще кроме славной победы и славной гибели. Гнусные гноящиеся раны и нестерпимые муки лежащих кругом сотен искалеченных людей, потом выход из госпиталя с упорно незаживавшей ногой и, наконец, почти двухлетняя голодовка в последние годы войны, когда остановилась вся жизнь страны, сжатой тисками пайка и военного хозяйства.

О дальнейшем Дюпон говорил глухо, но было видно, что сгоревшее увлечение первых дней войны перешло в противоположную крайность и что созданная лазаретом и голодовкой ненависть вряд ли ограничилась разговорами за бутылкой вина...

Ильин возвратился домой поздно ночью. Сам он войны не пережил. Она была для него лишь прошедшим где-то близко историческим событием, и теперь его нервы странно напряглись от соприкосновения с неугасшей за долгие годы живой человеческой ненавистью.

IV.

ПРИЗЫВ ИЗ НИАМБЫ

После душного дня поразительно приятна была относительная прохлада ночи. Слабый, но освежающий ветерок тянул вниз по реке, наверху в прорезах листьев горели и переливались звезды, а внизу песок дорожки резко отделялся от черной стены окаймлявших ее кустов.

Внезапно в двух шагах от гулявшего в парке Ильина из темноты выросла фигура громадного негра, затем другая тень пониже, и раздался голос механика:

— У меня к вам новости, Ильин, от вашего соотечественника, работающего в Ниамбе. И новости... немного по секрету.

— От Идаева?

— Не знаю. Оттуда приехал мой товарищ, грузчик, и привез вам записку.

— Наш камрад из Ниамбы дал бумагу, — заговорил негр на ломаном французском языке. — Сказал: дать молодому русскому.

Ильин в темноте встретил руку негра и схватил небольшую, в несколько раз сложенную бумажку.

— Кто ее писал?

— Не знаю. Он сказал: дать молодому русскому. Больше ничего. Я плыл в лодке. Пришел к камраду Дюпону. Сейчас поеду назад. Скажу, хотел достать рому. Будут бить... Ничего, я принес письмо.

— Письмо прочтете дома, — сказал механик. — Мы уходим. Завтра у меня опять работа в лаборатории, и если вам понадобится что-нибудь передать в Ниамбу, я с удовольствием помогу это сделать.

Ильин молча и крепко сжал обеими руками огромную руку негра, и в следующее мгновение тени ночных гостей слились с бархатным мраком...

* * *

В открытое окно вливался тяжелый, влажный, как в оранжерее, зной. Громадная пурпурно-зеленая стрекоза монотонно билась о стекло верхней части рамы. Листья пальм за окном, мутная неподвижная река и темная стена леса за садом лежали в глубоком сне, придавленные огненным зноем полдня. Ильин тщательно сложил и спрятал в карман квадратную бумажку и присел к окну.

В двух шагах от Ильина из темноты выросла фигура громадного негра, затем другая тень, пониже...

Записка от Идаева, полученная вчера, была не вполне понятна:

Дорогой Андрей Николаевич!

Я не видел Вас много лет, но обращаюсь только к Вам: приезжайте и помогите мне. Успех моей работы превосходит все мои надежды, но я запутался. Половины того, что я сделал, достаточно для завоевания мирового имени, но я в ужасе от того, чего мне удалось достичь. Приезжайте во что бы то ни стало. Больше мне не к кому обратиться.

Я посылаю через профессора Кроза директору института просьбу командировать Вас в Ниамбу. Обстоятельства громадной важности требуют, чтобы Вы не ответили отказом.

Ваш А. Идаев.

Слова «Приезжайте во что бы то ни стало» были дважды подчеркнуты.

Ильин встал и, опустив голову на грудь, зашагал взад и вперед по комнате.

Идаев принадлежал к редкому типу ученого с беспокойной эксцентричной мыслью. Подобный склад мышления малограмотного человека толкает на страстные и безнадёжные поиски *perpetuum mobile**, а научно подготовленному работнику открывает дорогу к великим достижениям в неизведанных областях.

Несомненно, Идаев открыл что-то большое. Несомненно, это «что-то» внушает ему самому ужас. Несомненно также, что французское правительство предполагает использовать это открытие в широком масштабе. Иначе чего ради сюда вложены такие средства, и почему такой тайной окружена работа в Ниамбе?

Но если это открытие так скрывается от всего мира, если так тщательно преграждается к нему доступ, то вряд ли в

* Перпетуум мобиле — вечный двигатель.

Ниямбе творятся дела, направленные ко благу человечества.

Весь этот последовательный ход рассуждений показался Ильину совершенно бесспорным. Но в таком случае, что же делать? Ехать в Ниямбу — значит принять участие в работе, по всей видимости, сенсационной: не таков человек Идаев, чтобы попусту писать то, что он написал. С другой стороны, ехать в Ниямбу — значит похоронить себя минимум на пять лет, потому что только под этим условием принимают туда на службу, и принять участие в очень, быть может, скверном деле.

Но не ехать в Ниямбу — значит безучастно отнестись к развитию дела, которое даже Идаеву внушает ужас, а Идаев был всегда безразличен ко всякой политической и общественной жизни, ко всему, кроме предмета его лабораторной работы.

Аргументы «за» и аргументы «против» переплетались в голове Ильина, задача казалась неразрешимо трудной, и, когда промелькнули короткие тропические сумерки, истрепанный борьбой мозг властно потребовал забытья. Бросившись, не раздеваясь, на постель, Ильин мгновенно заснул.

* * *

Почему вчера не приходил Дюпон? Как ни вертись, а и здесь что-то неладно...

Впрочем, в данном случае можно было действовать, не вызывая никаких подозрений, потому что предстояло отрегулировать вновь привезенный инкубатор*, и Ильин про-

* Инкубатор — аппарат для поддержания жизни и развития организмов в период их зародышевого (утробного) существования, но в искусственно создаваемых условиях. Есть, например, инкубаторы для вывода цыплят из яиц, для проращивания семян, для взращивания недоношенных детей и т. п.

телефонировал в контору просьбу прислать механика. После обеда явился пожилой рабочий и, не спеша, принялся за дело. К особе Ильина он проявлял абсолютное безразличие, и, чувствуя себя не больше, чем лабораторной принадлежностью, молодой ученый увидел, что беспечно даже пытаться обратиться к пришедшему с каким-либо вопросом.

На следующий день проверка аппарата закончилась. А Дюпон все не являлся.

* * *

— Итак, мсье Ильин, вы соглашаетесь перейти на работу в лабораторию Ниямбы? Мне очень жаль лишиться талантливого ассистента, но раз таково ваше желание, я могу вас порадовать: исполнение его обеспечено. Сегодня утром директор уведомил меня, что он принципиально согласен и что он примет вас вечером, в шесть часов.

Профессор Кремье откинулся на спинку кресла, холодно и внимательно глядя в лицо собеседника.

— Вместе с тем я должен вас предупредить, если это вам еще не известно, что ввиду особого значения, придаваемого работам в Ниямбе, свобода передвижений будет связана там с известными ограничениями.

— Эти и другие, какие понадобятся, условия, профессор, я принимаю.

Кремье слегка улыбнулся.

— Вы, русские, фанатики во всем — в политике так же, как и в науке. Впрочем, в данном случае это только полезно. Несколько лет уединенной жизни в Ниямбе, вероятно, наскучили бы человеку, любящему жизнь. Не думаю, что ваш коллега Латур, слишком часто вспоминающий о развлечениях Европы, пожелал бы поменяться с вами местом. Зато вы найдете там лабораторную обстановку и объекты работы, — Кремье слегка улыбнулся, — каких безусловно нет больше нигде на всем земном шаре. В соединении с

вашей техникой и усидчивостью это обеспечит вашей работе большой успех.

* * *

Завтра моторный катер идет вверх по реке. Вещи упакованы, разговор с директором института был очень короткий и свелся к обмену несколькими незначительными фразами. Подписан контракт. Очень крупное жалование, но взамен — обязательство в течение пяти лет не покидать территории Ниамбы.

Почему он пошел на это безумное решение?

Бывают моменты, когда путь жизни раздваивается и когда большие и равные силы властно тянут человека направо и налево. Тогда в мучительной борьбе за решение ничтожный добавочный груз вдруг перетягивает одну из чаш весов, и резким изгибом человеческая жизнь сворачивает в сторону.

Это было всего несколько дней назад, но это было как будто в другой жизни. Коротенькая равнодушная бумага с просьбой дать ответ на предложение профессора Кроза перейти на работу в его лабораторию в Ниамбе. Инстинктивное непреодолимое чувство жути...

И когда заскрипело по бумаге перо, выводя продиктованные жутью официальные холодно вежливые строки, вдруг с фотографической четкостью перед глазами встало лицо Идаева. Седые редеющие волосы, ласково улыбающиеся глаза, любимое лицо шестидесятилетнего ребенка. Его звали на помощь. И он из подлого страха оттолкнет протянутую руку и будет спокойно жить и вести научную работу, когда, быть может, рядом погибает великий ученый, детский беспомощный и любимый человек!..

Кровь ударила в лицо. Перекресток дорог остался позади, и решение, над которым Ильин столько думал и мучился, пришло сразу, простое и легкое, подводящее итог борьбе и колебаниям последних дней. Тогда с глубоким спокойствием и уверенностью он написал ответ.

V.

НИАМБА

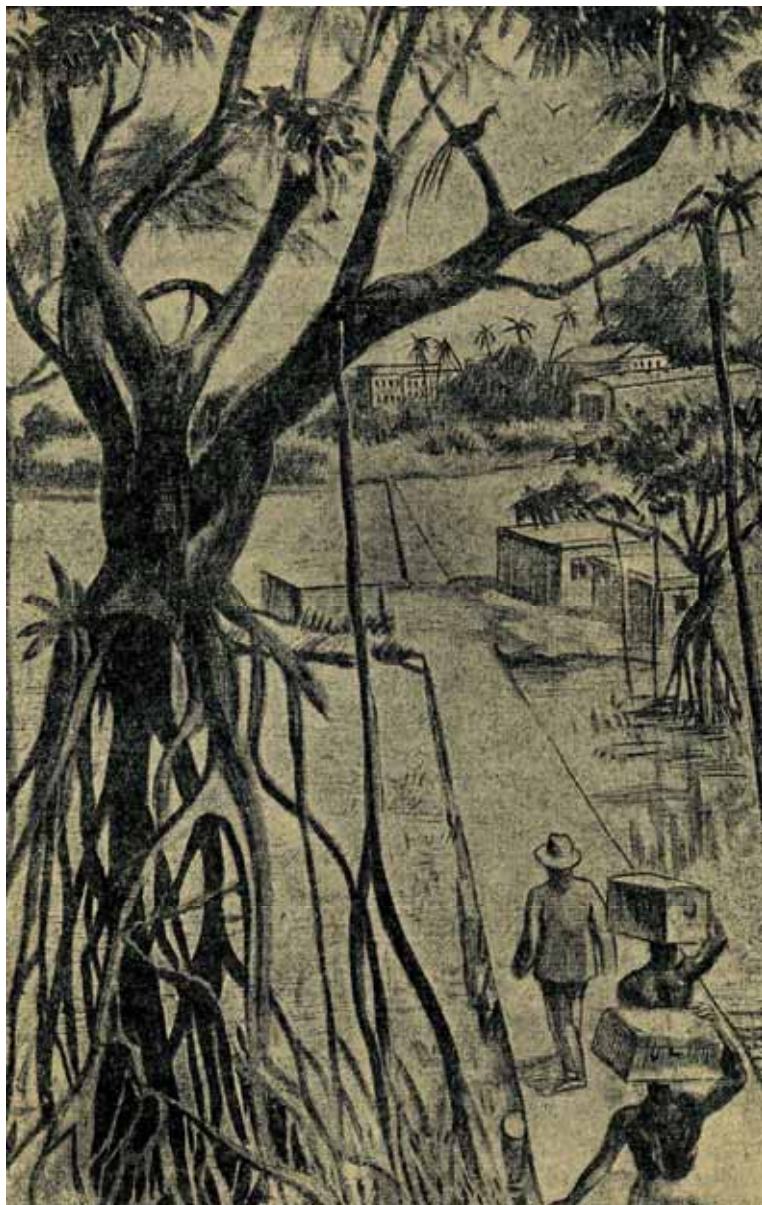
Несколько домиков на берегу, большой, удивительно нелепый среди пальм кран для выгрузки тяжестей и два длинных пакгауза — таково было несложное оборудование пристани. Она была расположена на низком пологом холме, представлявшем нечто вроде островка между рекой и бесконечным болотом.

От пристани через болото шла длинная прямая дамба, пересекавшая в четверти километра от берега второй крошечный плоский островок на болоте. Здесь негры с пристани сложили багаж Ильина и повернули обратно. Вышедший из домика с двумя солдатами-неграми капрал молча посмотрел полученный при отъезде из института пропуск, другие негры подняли багаж на голову, и, пройдя еще такое же расстояние по узкой насыпи, Ильин очутился в тени громадных деревьев с раскинутыми между ними зданиями. Через несколько минут ученый уже находился в отведенной ему квартире.

Были милы и уютны две очень комфортабельные комнаты с широкой верандой под окнами и густым садиком за ней. Пейзаж портила только высокая голая бетонная стена, замыкавшая слева дом, веранду и сад.

Усталость после плавания под палящим солнцем дала себя знать, как только Ильин растянулся на качалке. Мрачная бетонная стена обнаружила крупнейшее достоинство, закрывая веранду от солнца. По сравнению с огненным жаром в катере и на дамбе здесь было прохладно, и прежде чем Ильин успел это заметить, он заснул крепким освежающим сном.

Когда он проснулся, острые длинные тени на еще светлой восточной стороне сада показывали, что солнце спускалось к горизонту. В дверь раздался осторожный стук, и

*От пристани через болото шла длинная дамба, пересекавшая на пути
к зданиям Ниамбы крошечный островок...*

черная фигура, изогнувшись крючком в дверях, протянула небольшую, сложенную конвертом записку.

Профессор Кроз в самых любезных выражениях приглашал его зайти. Ильин с сомнением оглядел свой далеко не элегантный костюм, затем пренебрежительно выпрямился и направился к дверям.

Пройдя широкий, довольно темный коридор и перешагнув через порог предупредительно распахнутой двери, он попал в большую, загроможденную вещами комнату и с первого же взгляда понял, что его опасения за корректность своего костюма были напрасны.

Круглая фигурка хозяина, облеченная в белую с полосками рубашку и такие же брюки, белые волосы, выбивающиеся из-под черной шапочки, широчайшая, сияющая улыбкой физиономия и неистовый беспорядок кругом произвели на Ильина впечатление чего-то настолько родного, что он чуть было не произнес своего приветствия по-русски. От этого избавил его хозяин, который в одно мгновение оказался около Ильина, крепко потряс его руку и, указав жестом на стоявшее у стола глубокое кожаное кресло, первый заговорил:

— Я чрезвычайно счастлив, дорогой коллега, что наконец вижу вас у себя. Я уже кое-что слышал о вас и не мог дожждаться, когда мы будем работать рядом... Чашку чая, может быть? Пожалуйста, здесь вы дома! Я никуда не годная хозяйка и сразу же обращаюсь с просьбой действовать за столом так, как если бы меня не было в этой комнате.

Некоторое изумление, которое Ильин не сумел скрыть, и полный любопытства взор, которым он окинул помещение, вызвали смех хозяина.

— Держу пари, — сказал он, — что после гостинной профессора Кремье моя квартира производит впечатление диссонанса, и что вы никак не ожидали попасть в такую обстановку.

— Пожалуй, так, — улыбнулся Ильин. — Признаюсь, такая обстановка показалась мне почти родной.

Профессор Кроз с комическим ужасом осмотрелся кругом:

— Для меня всегда являлось загадкой, как это другие научные работники умеют сохранять порядок в своей квартире. Что касается меня, то я не могу позволить прислуге дотронуться до столов, потому что после этого я за целый день там ничего не найду, и не могу прибирать сам, потому что у меня на это не хватает времени. И не могу ограничиться одним-двумя столами — заваливаю бумагами и препаратами всю квартиру, иначе не хватает не хватает места.

Ильин расхохотался.

— Во всяком случае, я бесконечно рад, — сказал он, — что встретил здесь «диссонанс», как вы называете. Должен сказать откровенно, что стиль института мне нравился гораздо меньше. А теперь, может быть, вы сообщите мне, профессор, в двух словах, в чем будет состоять моя работа?

Кроз комфортабельно уселся в глубочайшее кресло и, прихлебывая чай, принялся с увлечением рассказывать:

— Я боюсь, дорогой коллега, что в ближайшее время ваша работа сможет вас разочаровать. Дело в том, что здесь накопилось, по некоторым причинам, громадное количество очень однообразного материала, который необходимо быстро проработать и привести в систему. Дело идет о микроскопическом исследовании половых органов значительного количества гибридов, над чем, как я слышал, вы уже работали у Кремье. Задача исследования — установить степень недоразвития семенных канальцев, производящих сперматозоиды, иначе — степень плодовитости или бесплодности данной мужской особи. Характерные срезы каждый раз придется закреплять в виде фотографий. Вот и все. Дело простое, но кропотливое, требующее большой точности. Будучи знаком по литературе и по письмам Кремье с вашими работами, я заранее убежден, что вы проведете это задание, как никто другой.

Ильин воспользовался паузой и спросил:

— Скажите, а в какой связи находится эта работа с остальными ведущимися здесь исследованиями?

— В очень большой, коллега, в очень большой. Дело в том, что большинство самцов помесей, с которыми мы имеем дело, бесплодны, некоторые — частично плодовиты и лишь очень немногие гибриды оказываются способными к размножению. Я уже обнаружил, что эта последняя особенность в некоторой степени передается по наследству при скрещивании гибрида с гибридом. Вам придется поработать большое количество законсервированных препаратов павших экземпляров, и это поможет мне разобраться в ценности наследственных линий среди их потомства. Объектом исследования являются обезьяны, главным образом человекообразные.

— И с кем вы их скрещиваете?

Профессор на мгновение запнулся.

— Отчасти друг с другом... конечно, посредством искусственного оплодотворения. Это гениальная инициатива вашего соотечественника Идаева. Потом есть и другие помеси. Впоследствии вы ознакомитесь с ними подробнее. Завтра я буду очень рад лично показать вам наше хозяйство.

— Да, кстати, я, конечно, могу увидеть завтра Идаева?

— Идаева? — Кроз заметно смутился. — Видите ли... он очень болен. Тяжелое нервное расстройство, затем ужаснейшая лихорадка. Мы очень боимся за его участь. Сейчас врач даже мне не разрешает его посещать. Какое несчастье, мсье Ильин! Да, Африка плохое место для нашего брата-европейца.

Смущение профессора, особенно в первый момент, было настолько заметно, что Ильин насторожился и сразу прекратил всякие расспросы. Еще через несколько минут он откланялся и вернулся к себе, провожаемый Крозом до самых дверей своей комнаты.

Ильин разделся и лег в постель, но, выспавшись днем, теперь никак не мог заснуть. Ночь была невероятно тиха. Медленно остывал раскаленный воздух. Луна, совершенно круглая, белая и необыкновенно блестящая, отбрасывала резкие черные тени.

Еле слышно жалобно жужжал где-то под потолком пробравшийся сквозь густую сетку окна одинокий комар, и

этот звук гармонически сливался с глубокой, почти звенящей тишиной ночи.

Вдруг сильный крик прорезал воздух. Потом где-то слева, из-за бетонной стены раздалась тихие стонущие причитания, и Ильин, напрягаясь всем существом, не мог уловить, человек это или животное жалуется на что-то там, за стеной.

Затем снова тот же ужасающий крик, начавшийся на хриплой низкой ноте, перешедший в течение секунды в протяжный вой и замерший еле слышным стонущим звуком. Сначала казалось, что это был голос какого-то дикого зверя. Но эти жалобные причитания за стеной! В них слышалась человеческая тоска и интонации разумного существа... И все-таки это никоим образом не был голос человека!

Охваченный непреодолимой жутью, Ильин поспешно вытащил из кармана брюк револьвер и долго полусидел в постели, не решаясь сделать движения и напряженно прислушиваясь к каждому шороху за окном. Все было тихо, и в конце концов он незаметно для себя уснул.

С сияющим утром пришла беспричинная молодая радость. Когда распахнулась сетка окна и поток лучей сверканием и блеском заполнил комнату, нелепым и комичным показался заряженный револьвер на стуле возле кровати. Быстро одевшись, Ильин прошел на веранду.

Сад был невелик и запущен. Буйная тропическая зелень победоносно захватывала дорожки. У самой веранды гигантское дерево раскидывало на огромной высоте широкую крону. Лиана полдюжиной толстых канатов обвивала бугристый корявый ствол и, взобравшись наверх, спускалась нарядной бахромой. Кучка огненно-красных птичек с писком и гвалтом ссорилась высоко в ветвях. Спереди и справа сад замыкала густая стена кустов.

Когда Ильин через небольшую калитку вышел наружу, характер местности определился с первого взгляда. Остров в этом месте представлял собою узкую, всего шагов в триста шириной, но довольно длинную гряду, полого спускавшуюся в обе стороны к болоту. Далее, насколько хватал

взгляд, тянулось болото, кое-где поросшее мангровыми деревьями с сетью воздушных корней, конусом поднимавшихся над топью.

Справа виднелся ряд крыш, закутанных в зелень, слева остров прорезывала поперек бетонная стена. В стене имелись, по-видимому, единственные ворота с крошечным домиком возле них. В данный момент ворота были закрыты, и на скамеечке у караульного домика сидели двое солдат.

Ильин счел преждевременным направлять любопытство в эту сторону и пошел вправо от дороги, пролегавшей в нескольких шагах от края болота. В этот ранний час было еще пусто и тихо. Вдруг Ильин услышал насмешливый голос Кроза:

— Доброго утра, коллега! Я вижу, вы встаете рано, но если уж я застал вас вне дома, разрешите показать вам лабораторию, животных и прочее наше хозяйство.

VI.

«ХОЗЯЙСТВО» КРОЗА

То, что сидело в клетке, чрезвычайно трудно поддавалось описанию. Во всяком случае, это не могло быть ни одной из крупных человекообразных обезьян. Кроз наслаждался изумлением молодого ученого.

Громадные, ниже колен спускающиеся руки, низкий череп и чудовищные клыки, горящие глаза под нависшими надбровными дугами и, по крайней мере, в два метра туловище, покрытое длинной буро-серой шерстью, производили жуткое впечатление. При виде людей гигантское животное с такой яростью бросилось к решетке, что Ильин невольно отшатнулся.

Кроз похлопал его по плечу:

— А хороша обезьянка, коллега? Вы не находите, что Гагенбек* упустил редкую возможность сотворить подобное чудовище и выдать его за новую человекообразную обезьяну, только что найденную, скажем, в глубине недоступных джунглей Центральной Африки. Я думаю, что любой зоологический сад пошел бы на какие угодно жертвы для получения такого экспоната.

— Хорошо, профессор, — сказал Ильин. — Очевидно, перед нами один из ваших гибридов — помесь оранг-утана и гориллы. Об этом говорит цвет его шерсти, явно промежуточный между рыжей мастью оранг-утана и серо-черной шерстью гориллы. Но откуда же этот чудовищный рост? Это что-то ужасающее: ведь этот зверь несравненно крупнее самой гигантской гориллы!

Кроз снова расплылся в улыбку:

* Гагенбек — известная германская фирма, торгующая дикими животными.

— Вот это-то, дорогой мой, и является самым интересным. Разумеется, не тот факт, что гибрид оказался больше обеих родительских форм. Это вещь старая и общеизвестная. Возьмите семикилограммных петухов, происшедших от скрещивания бойцовых петухов с породой доркинг, или громадных гусей, полученных от гуся тулузского и гуся эмденского, или верблюдов, иногда чуть ли не со слона ростом — результат скрещивания чистого одnogорбого верблюда с чистым двугорбым. Интересно выяснить причину этого явления, а выяснить причину — значит овладеть механизмом явления. Обратите внимание: когда культура накладывается руку на какое-либо растение или животное, нередко легко и быстро достигается увеличение роста и веса, иногда весьма значительное. Однако это увеличение не беспредельно, и через некоторое время мы упираемся... ну, если хотите, в потолок. Упираемся, и дальше ни с места.

От лесной земляники до громадной культурной ягоды в сто граммов весом расстояние огромно. Так? Но можно ли вывести породу земляники с ягодами в полкило? Нельзя. Другой пример. Еще в прошлом столетии была создана знаменитая свинья в две трети тонны весом, а после этого мы бессильны прибавить сюда хоть сотню кило. Потолок, дорогой мой, и как будто ничего не поделаешь.

— Вы сказали: «как будто?» — вставил Ильин.

— Да, только «как будто», потому что в некоторых случаях потолок-то, знаете ли... гнется. В самом деле: максимальный вес петуха крупнейшей чистой породы шесть кило. И вдруг помесь имеет уже семь! Что означает лишний килограмм? Дыру в потолке, дорогой мой, дыру в потолке, и ни что другое! Вы никогда не задумывались над этим вопросом, мсье Ильин?

— Нет... Но раз перед нами в клетке имеется явление такого рода, то я был бы очень рад услышать ваше мнение о его причинах.

— Причинах? — Кроз усмехнулся, и его узенькие серые глаза заблестели. — Причин несколько, дорогой мой, но на первое место я выдвигаю прежде всего одну. Она очень проста, мсье Ильин, но, по-видимому, как раз самое простое

Ильин невольно отшатнулся... «Очевидно, перед нами один из ваших гибридов – помесь оранг-утана и гориллы», — сказал он.

постигается с наибольшим трудом. Чтобы не ходить далеко, возьмем для примера сидящее перед нами чудовище. Как произошла от более мелких предков горилла? Очевидно, вследствие того, что на протяжении веков возникли несколько усиливающих рост генов* На другом конце земного шара оранг-утан произошел также от мелких предков и также вследствие появления усиливающих генов, но только... тех ли самых генов, коллега?

— Я считаю последнее маловероятным,— сказал Ильин.

— И вы совершенно правы. Да, гены, усиливающие рост гориллы, и гены, усиливающие рост оранг-утана, — это разные гены. И когда мы произвели скрещивание, одни гены усилили действие других, и вот — результат перед вами. Отсюда для вас ясно, где надо искать особо резких отклонений вверх. Они будут получаться посредством скрещивания наиболее крупных пород, притом пород, происшедших от мелких предков, возможно, независимо друг от друга. И теперь уже я спрошу вас: какой еще вывод, по вашему, вытекает из этого объяснения, — если, конечно, оно верно, — и каким путем это объяснение можно было бы подтвердить или опровергнуть?

Кроз умолк и, слегка усмехаясь, уставился на собеседника. Ильин на минуту задумался.

— Я полагаю, — ответил он, — что этот путь напрашивается сам собой. Если во втором поколении при расщеплении, согласно закону Менделя**, часть потомства со-

* Геном называется скрытая в организме причина внешнего признака. Так, например, масть черной лошади создается неким геном черной масти и т. п.

** В прошлом столетии английский ученый Мендель в опытах скрещивания растений выявил ряд законов, по которым происходит передача по наследству разных свойств родительских особей. После него многочисленные исследователи подробнее и глубже изучили эти законы. В общем основные законы наследственной передачи таковы:

1. Не может быть в потомстве неопределенной смеси, полученной из двух разных свойств обоих родителей.

2. В первом поколении свойства одного родителя могут проявляться, а свойства другого оставаться невыявленными. Первые назы-

хранит громадный рост родителей, то вы правы. Но вместе с тем...— Ильин чуть запнулся. — Вместе с тем, в этом случае мы имели бы возможность создания стойких гигантских рас посредством расщепления полученных крупных гибридов.

Лицо Кроза просияло.

— Я думаю, коллега, — сказал он, — что мы с вами далеко пойдем, если мы понимаем друг друга с полуслова. Вы правы. И я могу сообщить вам, что этот гигант — гибрид второго поколения, и что гигантские расы здесь, в Ниамбе, мы уже создаем!

Помещение для обезьян было очень обширно. Оно тянулось рядом отдельных павильонов, окутанных густой тропической зеленью. В громадных клетках, погруженных в полумрак лесной чащи, находились гориллы. Их было около двух десятков. Гигантские старые самцы с могучими клыками и самки с детенышами помещались то группами, то поодиночке. В большинстве они оказались ручными и всеми способами выражали восторг при приближении Кроза.

Оранг-утанов, шимпанзе и помесей последнего с гориллой оказалось всего несколько штук. На вопрос Ильина Кроз дал следующее объяснение:

— Видите ли, сама-то станция построена здесь именно потому, что лежащие за рекой леса являются центром рас-

ваются «доминантными», то есть главенствующими, преобладающими, вторые — «рецессивными», то есть скрытыми. Так, например, при скрещивании высокого сорта душистого горошка с низким все потомство в первом поколении получается высоким. Высокий рост — доминантный признак.

3. Закон расщепления. Пример: в третьем поколении $\frac{1}{4}$ часть потомства будет с рецессивным свойством (в нашем примере — низкий рост), $\frac{1}{4}$ часть — с доминантным (высокий рост) и половина, хотя, видимо, и не будет ничем отличаться от доминантной (то есть будет высокого роста), но в следующем поколении даст снова расщепление по тому же типу, что и предыдущее поколение. Для краткости эти закономерности при наследовании называют «менделированием».

пространения горилл, и естественно, что последние и явились основным объектом нашей работы. Что касается orang-утанов, то, во-первых, нам трудно их доставать, а во-вторых, помеси их не дали ничего нового сравнительно с помесями гориллы. Больше интереса представляют гибриды шимпанзе, но работа с ними находится еще в начальной стадии.

Приблизительно в середине участка, занятого под обезьян, находилась лаборатория Кроза, сравнительно небольшая, но блестяще оборудованная. Две крайние ее комнаты были предоставлены Ильину.

Осмотр и изучение великолепных микроскопов и аппаратов для микрофотографирования заняли несколько часов, после чего Кроз обратился с просьбой перенести продолжение беседы на следующий день, и Ильин отправился домой.

VII.

ТАЙНА НИАМБЫ

Солнце уже стояло низко, когда за стеной раздались те же, что прошлой ночью, звуки. На этот раз нелепого ночного страха, конечно, не было, и Ильин с любопытством прислушивался к тому, что там происходило, как вдруг родилось предположение настолько жуткое, что невольный холод пробежал у него по спине.

Кроз ни словом не обмолвился о том, что делается по ту сторону стены, а Ильин также этой темы не затронул. Вещь общеизвестная: спрашивать о том, чего явно не хотят говорить, — лучший способ ничего не узнать.

С другой стороны, Ильин чувствовал, что он не в силах оставаться в неизвестности. Первый проект — подставить к стене лестницу — отпал, потому что никакой лестницы в доме не оказалось. Воспользоваться веревкой? Но на гладком полукруглом ребре стены ее не за что было бы зацепить.

Взгляд на гигантское дерево у веранды принес разрешение вопроса. Обвивавшая ствол лиана давала возможность подняться по стволу до уровня стены. Заперев дверь комнаты и калитку сада, он решительно полез вверх. Кора дерева была бугристая и неровная, и толстые жгуты лианы так крепко срослись с ней, что подъем оказался нетрудным, и через минуту Ильин уже погрузился в густую зелень кроны. Взгляда по сторонам было достаточно, чтобы убедиться в своей невидимости, но и ему ничего не удавалось рассмотреть. В следующий момент он вспомнил о громадном суке близ вершины, выдвигавшемся из кроны, и полез выше. Еще несколько усилий и, лежа в глубокой развилке, скрытый, как одеялом, бахромою листьев лианы, он взглянул поверх стены.

Узкая полоса твердой земли с редкими, беспорядочно раскинутыми деревьями постепенно расширялась за стеной,

образуя порядочный остров, площадью не менее сотни гектаров. Вдали виднелось множество небольших зданий с фигурами людей между ними.

Расстояние было слишком велико, чтобы рассмотреть подробности. Но в очертаниях и движениях этих фигур чувствовалось что-то странное. Не будучи в состоянии толком разобраться в происходящем возле бараков, Ильин уже собирался слезть за биноклем, когда справа у самой стены раздался шум шагов.

Опустив глаза, он невольно вздрогнул.

За стеной на расстоянии не более тридцати метров от него двигалось существо, настолько неправдоподобное и чудовищное, что Ильин, внутренне подготовленный к чему-то необычайному, все же почувствовал, как он весь холодеет. Во всяком случае то, что неуклюжим, но быстрым шагом шло за стеной, никоим образом не было человеком.

Широкая сутулая фигура была нелепо и несоразмерно громадна, длинные, как у гориллы, руки спускались ниже колен, черная шерсть покрывала грудь, плечи и оконечности, но прямые, длинные, как у человека, ноги ступали твердо, и в руках чудовища была военная с приткнутым штыком винтовка.

Несколько секунд, почти не веря глазам, Ильин смотрел вниз. Да, это так! Никаких сомнений больше быть не может. Жуткое предчувствие, которое заставило его влезть на дерево и которому несколько минут назад он не решался поверить, оправдалось.

Так вот в чем заключается отвратительная и страшная тайна Ниамбы: французы скрещивали здесь негров с гориллой!..

Чудовище прошло мимо и, дойдя до болота, повернуло назад. Теперь Ильину было ясно видно его лицо, и он впился в него глазами, стараясь не упустить ни одной детали. Сравнительно с мохнатым телом лицо было почти голое, так же и спина, и совершенно черного цвета. Громадные, выпяченные вперед губы являлись какой-то чудовищной пародией на губы негра. Низкий покатый лоб спускался к далеко выдвигавшимся вперед надбровным дугам. Громад-

Вот в чем заключалась тайна Ниямбы!.. Здесь скрещивали негров с гориллой!.. И в руки подобного создания вложена винтовка!..

ные квадратные челюсти, по-видимому, свободно могли бы смять ружейный ствол. Все тело было непропорционально огромно даже для гориллы, по крайней мере в два метра высотой, если не больше. Нечеловеческая, сокрушающая сила чувствовалась в тяжелых и вместе с тем быстрых движениях чудовища.

Сгорбившись и опустив вниз лицо, неуклюжим размашистым шагом гориллоид прошел до другого конца стены и снова повернул обратно. Очевидно, это был часовой.

Во взбудораженном от всего виденного мозгу Ильина затеснились, перегоняя друг друга, самые несообразные предположения. Если в руки подобного создания вложена винтовка французской армии, значит, он обучен обращению с оружием, и, конечно, это дисциплинированный солдат, потому что не может же быть, чтобы дикому зверю была дана в лапы такая опасная игрушка. Но этого мало. Раз налицо часовой, значит, имеется какая-ни на есть воинская часть. И не служит ли окружающая Ниамбу тайна прикрытием опыта... (здесь Ильин невольно запнулся, не решаясь даже себе самому сформулировать вытекающий из предыдущего вывод)... прикрытием опыта создания армии из помесей человека с гориллой?! И следовательно, казармами для этих чудовищ являются виднеющиеся вдали ряды барачных?

Словно в ответ на его мысли, от барачных донесся сухой треск винтовочного выстрела, затем другой, третий. Через минуту стрельба возобновилась с неправильными длинными промежутками. Всего было сделано десятка полтора выстрелов, после чего все смолкло. Очевидно, в этих выстрелах не было ничего необычного, потому что мохнатый часовой продолжал мерно ходить вдоль стены, даже не оглядываясь в ту сторону.

Прошло с полчаса, а может быть, и больше. Ничего нового не происходило. Лежанье на суку начало делаться утомительным, и Ильин решил слезть с тем, чтобы немного спустя вернуться с биноклем и как следует рассмотреть, что делается вдали, у барачных. Выбрав момент, когда чудовищный часовой шел, повернувшись к нему спиной, Иль-

ин быстро скользнул вниз по лестнице лиан и через минуту сидел в кресле у себя в комнате. Он чувствовал себя совершенно потрясенным.

Несомненно, в Ниамбе и должны были иметь место вещи из ряда вон выходящие. Он знал это, когда ехал сюда. Однако подобной истории он все-таки не ожидал.

Что правильны его предположения о попытке создать вооруженную силу из гибридов человека с гориллой, в этом он уже почти не сомневался. Но какой в этом смысл? Ведь нельзя же допустить, что подобные невероятные скрещивания можно будет поставить в больших размерах.

Итак, вот что означали слова в письме Идаева об успехе, который ему самому внушает ужас. Чего-либо особенно ужасного Ильин здесь пока еще не видел, если, конечно, отнестись спокойно к самому факту изготовления помесей человека с гориллой. Но все это было до последней степени дико, неожиданно и отвратительно.

Производить дальнейшие наблюдения в этот день уже не пришлось, потому что наступили сумерки, и утомленный впечатлениями дня Ильин лег очень рано.

VIII.

СНОВА ДЮПОН

Снова день неожиданностей.

Прежде всего, в лаборатории к Ильину подошел молодой человек в огромных, круглых в роговой оправе очках и обратился с приветствием на чистейшем русском языке.

Немного спустя Ильин вспомнил случайное замечание Дюпона, что в Ниямбе работает молодой русский ассистент, но в первое мгновение он от неожиданности немного растерялся и не сразу ответил на приветствие.

Молодой человек говорил не спеша и каждое слово произносил с необыкновенной отчетливостью. Оказалось, что он именуется Ахматовым Виктором Петровичем, что он работает уже три месяца в лаборатории профессора Кроза, в соседней комнате. Специальность же его — экспериментальная биология, и он очень рад познакомиться с Ильиным, в особенности, поскольку тот является его соотечественником. В общем, Ахматов сказал все, что полагается говорить при первой встрече, затем с той же отчетливостью откланялся и направился в свою комнату.

Может быть, так подействовали на воображение слишком необычные переживания последних дней, но вся эта коротенькая встреча, круглая, под машинку остриженная голова Ахматова, его огромные круглые очки и законченно округленные выражения оставили у Ильина впечатление чего-то не вполне реального. Словно всего этого и не было — ни Ахматова с его очками, ни Кроза, ни вчерашнего чудовища за стеной. Такое состояние продолжалось, вероятно, одно мгновение, потому что Ильин был абсолютно уравновешенный человек и не проявлял ни малейшей склонности к каким-либо мистическим переживаниям.

Но когда через несколько минут дверь лаборатории снова открылась, Ильину стало ясно, что он начинает схо-

дить с ума... потому что Дюпон вошел в комнату, затворил дверь и, улыбаясь, протянул ему руку.

Должно быть, на физиономии Ильина выразилась крайняя степень изумления, так как Дюпон рассмеялся.

— Только, пожалуйста, не смотрите на меня как на покойника, — сказал он. — Могу вас уверить, что я не привидение и что на моих костях еще надето здоровое и свежее мясо.

Ильин пришел наконец в себя.

— Но каким же чертом вы сюда попали? — воскликнул он.

— Каким чертом? Черт здесь не при чем, а виновата, во-первых, кое-какая литература, которую я не умел как следует прятать, а во-вторых — капитан Ленуар. Дело, видите, в том... — механик уселся на стул, и его физиономия засияла. — До чего же я рад, что я вас вижу, и как это хорошо вышло, что и вас занесло в это проклятое заведение!

— Но погодите... — При мысли, что он наконец все узнает, Ильин почувствовал, что он не в силах сейчас выслушивать дружеские излияния. — Говорите толком: почему вы тогда как в воду канули там, в институте, и что за чертовщина творится у них здесь, в Ниамбе?

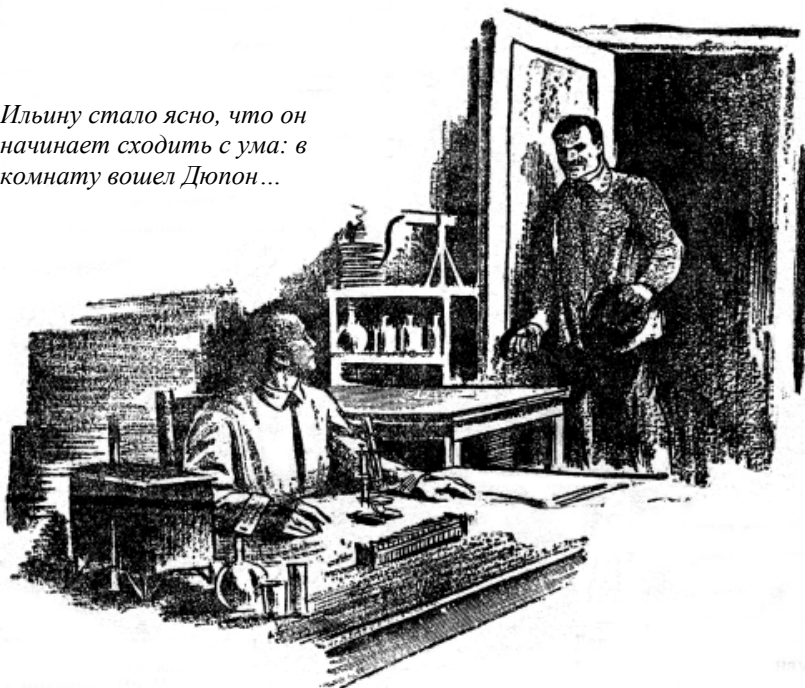
Дюпон подошел к двери, приоткрыл ее, заглянул в коридор, снова запер на ключ, затем бросил взгляд через окно в сад и, опершись обеими руками на спинку стула, принялся неторопливо докладывать:

— Прежде всего, имейте в виду, что говорить здесь можно спокойно, потому что эти две стены выходят в сад, а стену к Ахматову я только что хорошенько осмотрел, когда устанавливал около нее термостат. Стена плотная, и ни дыр, ни вентиляции в ней нет. В институте я влип, благодаря чьим-то длинным языкам. Думаю, что тут не было предательства, а только паршивая привычка болтать чего не следует.

Собственно, когда меня загребли, то вытащили из сундука всего-навсего несколько газет да брошюрок. В общем — так, ерунда, но в институте и этого не полагается, и после

трех дней отсидки докладывают мне очень вежливо, что меня отправляют в Европу, а уж там, значит, разберут. Для меня это было дело неподходящее, потому что, надо вам сказать, у меня остались за океаном кое-какие делишки того же рода, и ехать туда мне не было никакого расчета. Поэтому настроение у меня немножко спало, когда вдруг приводят меня в кабинет начальника тамошней полиции, и рядом с ним, смотрю, в кресле капитан Ленуар, комендант Ниамбы.

Ильину стало ясно, что он начинает сходить с ума: в комнату вошел Дюпон...

— Да? — Ильин повернулся на стуле и нагнулся вперед.
— Ленуар взглянул на меня и говорит: «Это и есть ваш коммунист?» — «Да, капитан, кое-какая коммунистическая литература и подозрения в попытке устройства здесь организации. Надеюсь, что в Париже охранка найдет в его

прошлом более пикантные вещи». Капитан посмотрел еще раз на меня, словно хотел влезть глазами под кожу, затем ни с того ни с сего расхохотался. Надо вам сказать, что Лемуар самая опасная гадина, какую я когда-либо встречал в жизни, но кроме того, это самый решительный, веселый и беззаботный человек на свете... Как будто меня здесь и не было, он продолжал разговор с начальником охраны:

«Знаете что, — говорит, — вам не кажется, что двери Ниамбы запираются крепче ворот любой тюрьмы в Европе? Если, по вашим словам, Дюпон способный механик, то как раз такого нам сейчас и нужно. Давайте мне вашего молодца. Из Ниамбы он никуда не удерет, а ребятишек моих уж никак не распропагандирует. — При этих словах капитан снова расхохотался. — А если я останусь им недоволен, то... разве не было случаев, когда тонули в болоте люди, пытавшиеся вопреки контракту раньше срока выбраться из Ниамбы?» — Начальник полиции ухмыльнулся, и дело было решено. Меня отправили прямо на катер, и в тот же день вечером я был в Ниамбе...

Дюпон взглянул в глаза Ильину.

— Ну, вот и все. История самая простая. А в остальном особенно жаловаться на судьбу не приходится. Комната отличная, обеды прекрасные и обращение гораздо более вежливое, чем в институте. А главное, попав сюда, я теперь в курсе самой каторжной выдумки, которая когда-либо приходила в голову человеку.

— Это насчет помесей негра с гориллой? — Ильин жадными глазами уставился в лицо собеседника.

— А, вы уже знаете? Дело не в помесях, о всякой такой вашей науке я очень мало беспокоюсь. Дело в том, что они здесь строят ядро войска из таких чудовищ, с которыми вряд ли приятно когда-нибудь столкнуться. Вся эта история — дело рук вашего Идаева. Собственными бы руками пристрелил эту старую собаку!

Ильин с негодованием вскочил со стула.

— Да, да, и нечего обижаться! Вы, как маленькие дети, забавляетесь, выдумываете себе игрушки, играете с огнем

и не можете осмыслить, что от брошенной вами спички может запылать пожаром и залиться кровью мир.

Ильин не мог не признать правильности приведенного Дюпоном аргумента и сдержал готовый вырваться резкий ответ.

— Дурак выдумал, — продолжал механик, — а умный человек пустил в дело. Лемуар знал, за что брался. Правда, и у него не все винтики в голове, но от этого он еще опаснее. Вы думаете, зачем генерального штаба капитан и красивый парень заперся в этой дыре и вожжается с отродьями, на которых и издалека-то взглянуть противно? Расчет у него правильный. Благодаря Ниямбе он сделает сумасшедшую карьеру. С таким войском в первую же вспышку гражданской войны он взлетит на вершину славы.

Ильин вдруг почувствовал, что у него нет больше терпения слушать общие рассуждения.

— О всякой подобной философии, — прервал он Дюпона, — мы потолкуем после, а теперь рассказывайте толком, что и как делается в Ниямбе? Я приехал по вызову Идаева. В той записке, которую я, помните, тогда получил через негра, Идаев звал меня и он же устроил мой перевод сюда, а когда я приехал, оказалось, что здесь он совершенно невидим — не то действительно болен, как говорит Кроз, не то его почему-то прячут, никак не могу понять.

— Этого и я не знаю, — ответил Дюпон. — Я его не видал и могу только сказать, что он находится за стеной в обезьяньем лагере, потому что здесь его безусловно нет. Вы хотите знать в двух словах, что здесь делается? Очень просто. Изготавливают помеси негров с гориллой. Мамами служат негритянки. Потому, должно быть, что их легче доставать, чем самок гориллы. И несколько сот негритянок содержатся для этой цели там, за стеной.

Ильин невольно вздрогнул.

— Как они это делают, вам, ученым, лучше знать, а мне о такой мерзости и думать противно. Тьфу, черт, какая гнусность! Вот уж за что придется в будущем расстреливать без всякой пощады... Так вот. Полученным помесям дают боевую подготовку, и обучение идет, видимо, полным ходом.

Ведает всем этим капитан Лемуар. Для мохнатого войска он царь и бог, и дисциплина там такая, что лучшей, пожалуй, не было и в наполеоновской гвардии. Сколько их там, я не знаю, но много, и это такие чудовища, что от одного вида их любое войско обратится в бегство.

— Я их видал, — сказал Ильин.

— Каким образом?

— Влез на дерево и заглянул через стенку.

Дюпон одобрительно рассмеялся:

— Молодец! Это не по-профессорски! Ну, а теперь вот что. Я у вас засиделся, нужно идти и кончать термостат у Ахматова. Надо будет нам с вами еще раз встретиться и уже как следует потолковать.

— Погодите, — Ильин жестом остановил его в дверях.

— А что представляет собой Ахматов?

— Скотина!

— До свиданья.

Механик кивнул головой и скрылся за дверью.

IX.

КАТОРЖНАЯ ВЫДУМКА

В этот день Ильин обедал у Кроза, который зашел в лабораторию и, не слушая никаких возражений, потащил его к себе. Через несколько минут после их прихода появился и капитан Ленуар, и Ильин снова испытал чувство ошеломляющего недоумения.

Когда мы много думаем о человеке, известном нам лишь своими делами, его поступки помимо нас формируют в нашем представлении некий телесный образ. И чем ярче сущность поступков человека материализуется в воображаемых нами чертах лица, фигуры и всего его облика, тем сильнее бывает впоследствии чувство изумления, когда этот человек появляется перед глазами живым, реальным, и оказывается совсем иным.

По тому, что Ильин слышал о Ленуаре, он представлял капитана удалым, бесшабашным, высокого роста, с красным носом и нахально торчащими рыжими усами. Вместо этого к столу, улыбаясь, подошел и чрезвычайно просто представился молодой человек с бритым, красивым и очень юным лицом и с несколько более длинными, чем это полагается военному, каштановыми, слегка выющимися волосами. Ему можно было дать лет двадцать пять, хотя, как потом Ильин узнал, он был почти на десять лет старше.

Однако не в чертах лица заключалась сущность физиономии Ленуара. Когда Ильин впоследствии вспоминал о нем, линии лица и фигуры стирались, и, закрывая их, вставала перед глазами сияющая радостью улыбка. Эта улыбка была настолько неотразимо привлекательна, что, несмотря на все сообщения Дюпона, первым и совершенно произвольным чувством у Ильина по отношению к вошедшему была ни на чем не основанная и бессмысленная, но несомненная симпатия.

За обедом завязался веселый и непринужденный разговор. Местных дел почти не касались. Кроз и Ленуар с увлечением расспрашивали Ильина о впечатлении, какое на него произвела Франция, где он был проездом по пути сюда, как ему понравились бульвары в Париже, какой вид имеет сейчас Москва...

Когда разговор коснулся СССР, улыбка исчезла с лица капитана, и широко открытые серые глаза наполнились таким жадным вниманием, что Ильин как-то сразу насто-рожился и принял безразличный тон. Как ни был очаро-вателен на вид Ленуар, Дюпон говорил о нем вещи слиш-ком определенные, и, чтобы проникнуть поглубже в здеш-ние дела и секреты, Ильин считал самым умным изобразить человека, равнодушного ко всему, кроме науки.

Поэтому, подробно распространяясь об университетских делах и спорте, он об остальном упоминал вскользь, как о делах для него совершенно не интересных; а затем, решив сразу выяснить свое положение, перевел разговор на Ниам-бу, высказал восхищение своей квартирой и задал вопрос, с какой целью устроена эта безобразная бетонная стена.

Глаза Ленуара заискрились смехом.

— А разве профессор вам еще не рассказывал?

— Видите ли... — Кроз вытер салфеткой рот и откинул-ся в кресле. — Мы с коллегой за вчерашний день не успели как следует познакомиться даже с моей лабораторией. А кроме того, знаете, ввиду вашего, капитан, отсутствия и по-скольку здесь затронуты вопросы, находящиеся далеко вне области моей компетенции, я считал... более удобным воз-держаться до вашего возвращения от информации, касаю-щейся уже главным образом вашей работы.

— Я удивляюсь, — ответил, улыбаясь, Ленуар, — что наш новый гость не задал вам этого вопроса еще вчера. Я ду-маю, поскольку мсье Ильин надолго останется нашим то-варищем по работе и покинет Ниамбу, когда ее маленькие и большие тайны уже перестанут быть тайнами, он, конечно, должен знать все... Ну, а кто же из нас будет рассказы-вать? Знаете, начинайте вы, профессор, потому что... ведь вашей наукой было положено начало всему.

Кроз налил себе стакан вина и уселся поудобнее.

— Вы в самом деле малолюбопытный человек, коллега, — сказал он. — И знаете, в такой, как у нас, работе — это очень большое достоинство. Я с большим удовольствием еще вчера ввел бы вас в курс наших дел, если бы, как я сейчас сказал капитану, это не зависело прежде всего от его разрешения... Вы видели вчера наших гибридов между гориллой, оранг-утаном и шимпанзе, и вы, вероятно, согласитесь, что они достаточно необыкновенны. Не правда ли?

Ильин утвердительно кивнул.

— Но это еще не все. По пути тех возможностей, которые открывает искусственное оплодотворение, здесь пошли дальше и поставили — уже полтора десятка лет назад — опыты искусственного оплодотворения самок гориллы спермой* негра, а потом рискнули и на обратное оплодотворение... И...

Кроз встал, и в голосе его звучал глубокий подъем:

— И опыты эти удались, дорогой коллега!

Он остановился и выжидательно посмотрел на Ильина.

— Вы самый невозмутимый человек на свете! — воскликнул он, хлопнув себя руками по штанам. — Если бы мне сообщили такую новость, я чувствовал бы себя совершенно ошеломленным, а вы... вы приняли ее так, как... ну, скажем, сообщение о смене министерства в Париже.

Ленуар расхохотался, а Кроз, снова усевшись на стул, продолжал:

— Да! И эти помеси оказались изумительнее всего, что можно было предвидеть и ожидать. Я не стану описывать их подробно, потому что не хочу понижать то впечатление,

* Сперма (семя) — оплодотворяющее вещество, вырабатываемое в период половой зрелости организмом самца и соответствующее яйцу, вырабатываемому организмом самки. Сперма состоит из жидкости с плавающими в ней микроскопическими семенными нитями (сперматозоидами), которые, проникая в яйцо, оплодотворяют его — внутри или вне тела самки-матери.

которое вы получите, увидав их воочию. Достаточно сказать, что чрезвычайное увеличение роста у гибридов orang-утана оказалось еще незначительным по сравнению с тем, что дали гибриды негра и гориллы. Сначала эти опыты имели чисто академический характер, но затем судьбе было угодно, чтобы сюда попал совсем еще юным офицером

Горилла

Ленуар, и с этого момента начала медленно раскрываться, — я имею смелость это сказать, — новая страница мировой истории! Отчасти чудовищный рост и непомерная физическая сила, отчасти врожденная стремительность, злобность и готовность к нападению самцов этих гибридов дали Ленуару идею попытаться использовать их как военную силу...

Ильин пришел к заключению, что подобное сообщение действительно должно вызвать изумление и недоверие у всякого нормального человека и что излишняя невозмутимость могла бы показаться даже подозрительной.

— Не может быть! Вы смеетесь! — счел он необходимым воскликнуть.

— Ага, и вашу дубленую русскую кожу пробрала такая новость!

— Ерунда! Не думайте, пожалуйста, что я способен поверить всему этому... Хотя, впрочем, конечно...—Ильин на мгновение запнулся. — Самую возможность помесей человекообразных обезьян с человеком я, конечно, никогда не стал бы отрицать.

Шимпанзе

— Знаете что? Довольно! — капитан Ленуар, сияя своей изумительной улыбкой, встал и протянул вперед руку. — Есть моменты, эффект которых грешно ослаблять... Кроз! Пусть это будет шутка! Да, шутка после обеда!.. Сегодня вечером мсье Ильин будет у меня? Ведь правда?

Он подошел и обеими руками крепко сжал руку молодого ученого.

— Знаете? Мне с первого взгляда понравилось ваше лицо и то, что у вас широкие плечи. Простите, что я это так нелепо и прямо говорю, но мир создан для настоящих, хорошо устроенных людей, и их не так много. И когда они попадают на пути, их очень приятно видеть.

Ильин невольно улыбнулся.

— Значит, приходите часов в семь. Не знаю, придет ли Кроз. Этот старый медведь очень туго вылезает из своей берлоги, но все остальное наше, к сожалению, немногочисленное общество, наверное, будет в сборе. Я очень общительный человек, и, если публика собирается предпочтительно у меня, то отчасти, должно быть, потому, что со мной все чувствуют себя просто и свободно... А завтра мы с вами посетим мир по ту сторону стены, и на другой день после этого вы расскажете нам, что вы видели во сне. До свидания!

Оранг-утан

Ленуар пожал руки собеседникам и быстрыми легкими шагами исчез за дверью. Через несколько минут Ильин также пошел домой. Настроение было самое сумбурное. Что же, собственно, представлял собой Ленуар? Он был прост и положительно симпатичен. А с другой стороны — прав Дюпон, что чудовищный опыт ставится в Ниямбе по инициативе этого же Ленуара. И против кого этот новый род оружия?.. Или прав Дюпон и в том, что все это готовится с целью залить кровью и нечеловеческим ужасом уже вспыхнувшую первыми искрами и неотвратимо надвигающуюся социальную войну?.. Какая чушь!

Ильин тряхнул головой и почувствовал себя почти успокоенным. Одно из бесчисленных дурацких военных изобре-

тений, и ничего больше. Изобретений, которые на девяносто девять сотых оказываются ни на что не годными и бросаются в корзину. Как жаль, что такой милый парень губит лучшие годы жизни на нелепую и абсурдную затею!.. Впрочем, говорят, что у всех изобретателей какого-либо винтика не хватает в голове; и никому нельзя препятствовать по-своему сходить с ума, если это ему угодно и никому не вредит. На днях все это выяснится и тогда можно будет толком разобраться в обстановке.

Успокоившись на этих рассуждениях, Ильин отправился в лабораторию и часов до пяти работал над оставленными Крозом препаратами, восхищаясь совершенством двух новеньких, со всеми новейшими приспособлениями микроскопов.

Х.

ГОСТИНАЯ В АФРИКЕ

Когда Ильин поднялся широкую, окутанную вьющими-ся растениями веранду здания, занимаемого капитаном, там за чайным столом уже сидели несколько человек, и Лемуар, быстро выйдя навстречу гостю, принялся знакомить его с остальными:

— Мсье Ильин — наш новый научный сотрудник, о котором я уже вам рассказывал. Лейтенант Тракар — летчик. Мсье Ахматов, ассистент Кроза — ваш соотечественник.

— С Виктором Петровичем мы уже познакомились, — перебил Ильин.

— Тем лучше. И, наконец, разрешите представить вас моей жене.

Ильин поднял глаза и... потерялся.

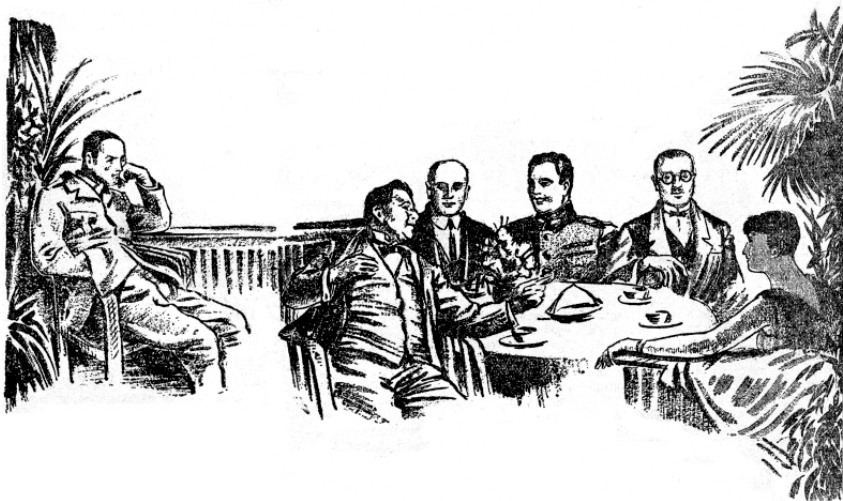
Вероятно, на улице Москвы мадам Лемуар показалась бы ему просто красивой женщиной, но здесь, в Африке, и вдобавок на этом сумасшедшем острове, среди тихой и унылой топи... — нет, это было невозможно!

Ильин увидал высокую и тоненькую, слишком, может быть, для Ниамбы нарядно одетую женщину с большими серыми глазами и золотисто-пепельными, остриженными как у мальчика, вьющимися волосами, низко спускавшимися на лоб. Но кроме всего этого в ее внешности было нечто, не укладывающееся в обычное описание, — у него было впечатление, что нет и не может быть на свете другой такой женщины.

Мадам Лемуар поздоровалась с ним очень приветливо, затем все снова уселись за стол.

Уже через несколько минут Ильину стало ясно, что Лемуар весьма заблуждался, считая, что немногочисленное общество Ниамбы собиралось ради него. Было очевидно, что все присутствовавшие находились здесь из-за мадам Лемуар, — именно к ней тянулись нити, заставившие каждого

прийти на эту веранду, под широко раскинувшие свои листья громадные латании. И вместе с тем, должно быть, слишком далекой для всех была эта красивая женщина, потому что настроение гостей оказалось довольно молчаливым.

Было очевидно, что все присутствующие находились здесь из-за мадам Ленуар...

Летчик, отказавшийся от чая, молча сидел, опершись локтями о перила, глядя в землю. Иногда, поднимая глаза, он впивался ими в хозяйку дома, затем снова принимался рассматривать носки своих сапог. Ахматов, бывший в довольно замысловатом сером костюме и высоком воротничке, также сидел молча и лишь изредка на мгновение проводил взглядом по лицу мадам Ленуар. Ильин, вообще говоря, не имел обычая стесняться в присутствии женщин, но сейчас почему-то потерял способность речи и чувствовал себя круглым идиотом.

За всех троих без умолку болтал смуглый, с основательным брюшком инженер, который приехал сюда на днях в связи с предполагавшимися крупными постройками. Шоко-

ладные глаза инженера почти не отрывались от лица хозяйки. Может быть, присутствие такой собеседницы вдохновляло его, но надо ему отдать справедливость, рассказывал он остроумно и изящно. А главное — ворох новостей и скандалов Парижа, иногда по существу рискованных, у него облекался в самую безупречную форму.

Однако после одного особенно сложного эпизода, в котором оказались одновременно замешаны министр народного просвещения, певичка из «Фоли Бержер», шофер министра и аббат церкви св. Женевьевы, мадам Ленуар засмеялась и, заявив, что она решительно не согласна больше слушать такие рассказы, поднялась и направилась в гостиную.

Из-за вершины пальмы вылезла почти круглая ослепительно белая луна, и призрачно далекими стали в ее свете человеческие лица. Ахматов предложил не зажигать лампы и попросил мадам Ленуар в дополнение к обстановке тропической лунной ночи что-нибудь сыграть.

Та без всяких возражений села за рояль. Первые вещи не произвели на Ильина никакого впечатления, потому что в музыке он ничего не смыслил, и слишком сложные узоры звуков оставляли в нем впечатление просто шума.

Затем мадам Ленуар сказала, что она исполнит старинную народную мелодию западных Пиреней — ее родины, и под аккомпанемент рояля запела. Голос у нее был небольшой, но красивый и мягкий. Непонятны были слова древнего языка басков*, но захватывающей душу радостью звучал торжественный и простой мотив.

* Баски (бискайцы, басконцы) — небольшой горный народ, обитающий на границе Франции и Испании, по обоим склонам Пиренеев. Басков насчитывается около миллиона, часть их эмигрировала в Америку (Аргентина, Куба, Мексика). Это один из древнейших народов Европы, потомки иберов. Их язык (воспрещенный в школах и учреждениях Франции и Испании) сильно отличается от всех европейских языков. Он очень богат гласными, грамматика его сложна, а запас слов ограничен (нет слова «животное» и т. п.).

Сияние луны падало прямо на лицо молодой женщины. Зеленоватым блеском сияли низко спускавшиеся на лоб золотые волосы, и настолько прекрасной в эти минуты казалась она Ильину, что ему вдруг стало жутко. А что если действительно впереди еще пять лет здесь, на этом чертовом острове, рядом с такой женщиной? И неужели через некоторое время у него, Ильина, будет в глазах такая же покорная собачья любовь, как у этого злосчастного летчика или у Ахматова?..

Нет! Этого не будет! Он встал и без дальнейших okolичностей начал прощаться.

Ленуар запротестовал, заявив, что отсюда так рано не уходят. Его жена также присоединилась к протесту и, с комическим ужасом всплеснув руками, сказала, что она никогда не села бы за рояль, если бы знала, что ее игра немедленно выгонит гостей из дому.

После такого аргумента уйти было очевидно нельзя, а кроме того, Ильин вдруг обнаружил, что его непреложная решимость уйти куда-то исчезла и что ему вовсе не хочется уходить.

Затем Ахматов предложил устроить спиритический сеанс. Ленуар высказался категорически против, так как, во-первых, по его мнению, Ахматов сам поднимает ногой стол, а во-вторых — нельзя придумать более глупого занятия, чем сидеть в темноте и ждать, пока кому-то или чему-то будет угодно пошевелить мебель.

Инженер заявил, что спиритизм, бесспорно, является одним из самых совершенных методов флирта (и с этой стороны он его вполне признает), но так как мсье Ахматов, по-видимому, оценивает эти вещи иначе, то он советует прежде всего зажечь свет: хорошая лампа всегда лучше самой полной луны, а кроме того, она прекрасно разгоняет «потусторонние» настроения.

Свет зажгли, потом мадам Ленуар по общей просьбе снова уселась за рояль, потом ужинали, — и было уже довольно поздно, когда Ильин вернулся домой.

Настроение было довольно смутное, и законченной оценки положения, какая была у Дюпона, Ильин в себе не находил.

Сначала никак не удавалось заснуть.

Лунный свет заливал комнату, упорно звучал в памяти голос и смех молодой женщины. Потом появились и снова исчезли золотистые волосы над сияющими серыми глазами, и он уснул.

ХІ.

СТРЕЛКОВОЕ УЧЕНИЕ С БОЕВЫМИ ПАТРОНАМИ

Когда Ленуар и Ильин подошли к воротам, часовой отдал честь, затем два раза повернул в замочной скважине небольшой двери тяжелый ключ и дернул висевшую у стены веревку. С той стороны отозвался небольшой колокол. Так как солдат не сделал после этого никакого движения, чтобы открыть дверь, Ильин с недоумением обернулся к капитану — и вдруг дверь отворилась.

Ильин первый перешагнул через порог и невольно остановился.

Слева, в трех шагах от двери, в нелепой напряженной позе стоял гориллоид головой выше Ильина, держа обеими руками «на караул» винтовку.

Длинная ли черная шерсть на теле чудовища или то, что отсутствовал хотя бы самый что ни на есть «фиговый листок» на бедрах, — что-то потрясаяще несообразное было в этой гигантской сгорбленной фигуре с ружьем, отдающей честь капитану. Был момент, когда жутким сном показались Ильину залитая солнцем серая стена и нечеловеческие впалые глаза гориллоида, неподвижно устремленные на капитана.

Не задерживаясь у ворот, Ленуар пошел дальше, и когда Ильин через несколько секунд посмотрел назад, чудовищный страж, придерживая левой рукой винтовку, правой задвигал тяжелый засов и поворачивал ключ.

— Ну? — Ленуар обернулся и с любопытством взглянул в лицо спутника. — Каково ваше впечатление, мсье Ильин?

Выражение лица Ильина было красноречивее слов, и капитан весь расплылся от удовольствия.

— Для меня, — пояснил он, — эти полузвери уже давно потеряли остроту и яркость новизны. Человек, увы, спосо-

бен привыкать даже и к таким вещам, но я приблизительно представляю себе ваши впечатления!

Ильин повернулся к капитану и широко открытыми глазами уставился в его лицо.

*В нелепой напряженной позе
стоял гориллоид, держа
винтовку «на караул»...*

— Может быть, в другой обстановке — в клетке, в лаборатории, в лесной чаще — он не был бы таким... — Ильин остановился, не находя для своей мысли подходящего выражения. — Ведь существовали на земле куда более неве-

роятные создания. Но эта винтовка в руках мохнатого животного, сутулая фигура зверя — и в то же время какая-то чудовищная пародия на военную выправку. Знаете, это буквально не укладывается в моем мозгу. Я даже не способен представить, на что они могут быть похожи в массе.

— Сейчас увидите, — сказал Ленуар.

Капитан быстро зашагал к видневшимся вдали баракам. Ильин шел рядом, напряженно вглядываясь во все кругом и стараясь зафотографировать в памяти малейшие детали местности и обстановки. До бараков было не более полукилометра. Изрытая канавами и ямами и почти лишенная травы песчаная равнина производила унылое впечатление.

Когда Ленуар подошел к первому домику, оттуда высочили два гориллоида и в нелепо напряженной позе, с опущенными «по швам» длинными лапами замерли, уставясь на капитана. Ленуар сделал знак рукой, и один из них, у которого на кожаном ремне висела карикатурно маленькая для его роста сабля, горбясь и размахивая руками, зашагал рядом.

Капитан отрывисто произнес несколько слов, очевидно, на местном негрском наречии, на что чудовище ответило короткими лающими звуками.

Впервые Ильин слышал совсем вблизи голос гориллоида, и впечатление было не менее жуткое, чем от его внешнего облика. В звуках этого голоса не было ничего человеческого: они напоминали лающий крик самцов гориллы, и в то же время это была, несомненно, членораздельная речь. Из звериной глотки вылетали... слова! На каком-то непонятном языке, но бесспорно — человеческие слова!

Справа от барака тянулась, пересекая остров, полоса довольно густого кустарника; за ним оказалось снова поле. Здесь, как только Ильин вышел на опушку, перед его глазами, не больше чем в ста шагах от него, выросла длинная в две шеренги цепь гориллоидов.

При приближении Ленуара винтовки поднялись вверх, и равнина огласилась настолько необычайным лающим воплем нескольких сот чудовищ, что у Ильина мороз пробежал по коже. Капитан молча прошел вдоль рядов, затем от-

дал какое-то короткое приказание. Несколько гориллоидов ответили громким криком, шеренги разомкнулись и начали расходиться в разные стороны.

Ленуар обернулся к Ильину и улыбнулся при виде его побледневшей физиономии и горящих глаз.

— Отряд, уходящий направо, — сказал он, — это гориллоиды старших возрастов, уже получившие хорошую военную подготовку, а те, которые идут в противоположную сторону (обратите внимание, они заметно меньше ростом), это молодежь, только начинающая свое образование.

Ильин как зачарованный следил за перестроением «солдат».

— Всякой ерундой, которой по старой памяти еще увлекаются в войсках многих стран, — продолжал Ленуар, — мы здесь абсолютно не занимаемся. Ни голой шагистики, ни парадных ружейных приемов мы этим чудовищам, конечно, не преподаем, а ограничиваемся боевой подготовкой, да и то, как вы увидите, весьма своеобразной. Ибо я создаю здесь, может быть, самое грозное, какое видел мир, оружие борьбы... а не балет для услаждения взоров военного начальства! Дисциплина, которую я утвердил среди моих ребятишек, беспощадна, но пустяков мы не требуем от зверя, обученного убивать и побеждать. Да и нелепо было бы добиваться, скажем, какой-нибудь стройности и чистоты ружейных приемов от этих мохнатых отвратительных животных, на которых вдобавок не имеется не только штанов, но даже и маленького пояса.

Капитан засмеялся. Затем, опять сделавшись серьезным, продолжал:

— Сейчас вы увидите, как мы готовим их к войне, и поймете, почему я уверен, что с этим войском, как с ударной частью, я в первом же бою сломаю всякое сопротивление. Старший возраст обороняет окопы. Молодежь поведет наступление. Огонь — боевыми патронами.

Ленуар выпрямился, черты его лица как-то заострились, обычно смеющиеся глаза стали голодными и пустыми, и почти жуткой показалась Ильину эта слишком уж внезапная перемена в знакомом и приветливом лице.

Внимательно вглядываясь в движение цепей гориллоидов, Ленуар прошел шагов триста направо и остановился. Ильин молча шел рядом.

Двигавшийся вправо отряд вдруг исчез — словно провалился сквозь землю. Только еле заметное на поверхности земли движение голов и рук с винтовками показывало, что в том месте, очевидно, находились узкие, хорошо замаскированные окопы, куда спрятались гориллоиды. Потом над всей линией окопов появилось множество разноцветных кружков, величиной примерно в человеческую голову. Некоторое время кружки шевелились, затем застыли на месте, и длинная пестрая их полоса, разбитая промежутками на группы, выросла над полем на высоте около трети метра над землей.

Ленуар стоял молча, и Ильин, пока во всем этом ровно ничего не понимавший, не хотел обращаться к нему с вопросами.

Между тем, второй отряд отошел влево, к окраине болота, и в рядах молодых гориллоидов началась какая-то возня и суетня. И там замелькали в воздухе разноцветные кружки, затем они исчезли, и цепь, широко развернувшись, улеглась на землю. Ленуар поднял руку. Стоявший сзади него громадный гориллоид, тот самый, который присоединился к ним у крайнего домика, поднес к губам свисток, и оглушительный свист прорезал воздух. В ответ с обеих сторон раздались редкие неторопливые выстрелы.

Капитан и Ильин стояли не больше чем в ста шагах сбоку от границы поражаемого пространства, и казалось, что совсем рядом жужжит рой пуль, несущихся от одной цепи к другой.

Через минуту со стороны отряда, лежавшего у края болота, вскочили и быстро побежали вперед группы черных фигур. Ружейный огонь сразу участился, торопливо затрещали два или три пулемета со стороны окопа, и бежавшие мгновенно упали. Однако в тот же момент в других местах вскочили новые группы и, сделав короткую перебежку, в свою очередь припали к земле.

Перебежки с необыкновенной быстротой как искры вспыхивали и гасли вдоль наступавшей цепи, и хотя Ильин проходил не так давно учебный сбор и был знаком с тактикой стрелкового боя пехоты, все-таки изумительная частота и короткость перебежек поразили его.

Было непонятно, почему наступавшие бежали и вскакивали всегда парами, и какой смысл имели болтавшиеся между стрелками каждой пары на бечевках разноцветные кружки.

Ильин никогда впоследствии не мог определить даже примерно, сколько времени продолжалась эта необыкновенная атака. Во всяком случае, очень недолго, потому что в целом цепь не останавливалась ни на минуту, и не было мгновения, чтобы не бежали стремительно вперед несколько групп гориллоидов. Еще минута, и громадные мохнатые фигуры с винтовками наперевес поравнялись с Ильиным и Ленуаром. Теперь было ясно видно, что каждые два гориллоида были связаны тонкой бечевкой, длиной немного побольше метра, и что на середине ее болтался металлический кружок, прицепленный к ней верхним краем.

В тот момент, когда правофланговая шестерка пробегала совсем вблизи, несколько попаданий взбили пыль у самых ног бежавших, и гориллоиды, словно прихлопнутые чем-то сверху, разом рухнули на землю. На этом расстоянии Ильину хорошо было видно, как два крайних гориллоида, прильнув всем телом к земле и, видимо, тщательно целясь, несколько раз выстрелили. Затем летевшие из окопов пули стали бить левее, и вся шестерка как один человек с воем вскочила на ноги. Пробежав два-три десятка шагов, стрелки снова упали, как только около них ударили первые пули.

Еще несколько минут — и наступавшая цепь была возле самых окопов. Тогда с оглушительным ревом вся масса гориллоидов вскочила на ноги, огромными прыжками они перемахнули через окопы, и каждый с видимым азартом пробил штыком одну из мишеней.

С оглушительным ревом перемахнули гориллоиды через окопы...

Пробежав по инерции еще некоторое расстояние, гориллоиды начали быстро строиться, и у каждого на штыке поставленной к ноге винтовки красовался избитый пулями металлический кружок.

Ленуар медленно прошел по рядам, затем обернулся к своему спутнику:

— Вы что-нибудь понимаете в этом, Ильин?

— Не очень. То есть сущность атаки, конечно, понятна, но как при таком бешеном огне они все остались целы? И какой смысл имеют эти привязанные к вашим солдатам мишени?

— А между тем, все это просто. — Ленуар покачал головой и улыбнулся. — Вы никогда не бывали в бою, Ильин?

— Нет.

— Ну вот, а если бы вы прошли сквозь эти ощущения, то узнали бы две вещи. Во-первых, что всякому человеку страшно, когда пули в большом количестве пролетают близко, а во-вторых, что из них попадают в цель только очень немногие. Хорошо обстрелянный солдат — тот, который твердо усвоил эту истину. Сколько паники и поражений иной раз сеют новички, впервые попавшие под хороший огонь!.. Вот эту привычку к близкой пуле и способность метко стрелять, когда пули противника жужжат возле самой головы, я и даю своим гориллоидам.

Ильин молча кивнул.

— Теперь вы спрашиваете, к чему эти кружки? Да очень просто! Только по мишеням ведется с обеих сторон огонь, каждому звену дана для прицела находящаяся напротив группа противника, а каждый боец имеет против себя только один кружок, который ему приказано обстреливать. За хорошие попадания дается награда в виде добавочных пайков, а за попадание... я чуть не сказал в человека, виновный строго наказывается. При такой системе боец привыкает к свисту пуль у самой головы, а процент убыли сравнительно с достигаемым результатом очень невелик. Право, жаль, что этого метода обучения нельзя ввести в обычных

войсках в Европе...^{*} Впрочем, постойте, — Лемуар повернулся влево, внимательно всматриваясь в даль. — Вот вам пример того, что такое обучение далеко не вполне безопасно...

^{*} Некоторыми авторитетами в царской армии в России (и в Германии) неоднократно выдвигалась идея применения на маневрах боевых патронов. В этом смысле ученые генералы смотрели на русских солдат приблизительно так, как смотрел на гориллоидов Лемуар.

ХП.

СМЕРТЬ ГОРИЛЛОИДА

С той стороны, откуда шла атака, медленно двигались три гориллоида, с усилием тащившие раненого или убитого товарища. Лемуар пошел к ним навстречу. Носильщики положили на землю трепетавшее тело, и Ильин уже вплотную мог рассмотреть умиравшего.

Тонкая струйка крови стекала с простреленной мохнатой груди; голова была сильно отогнута назад и в сторону, кровавая пена с прерывистым хрипом выбивалась между оскаленными и крепко сжатыми зубами. Все тело гиганта билось мелкой дрожью, и одна нога периодически с силой сгибалась и снова распрямлялась в колене.

Лемуар сделал знак, и двое гориллоидов бесцеремонно повернули набок умирающего. Капитан нахмурился:

— Вышла в спину, возле лопатки. Вполне горизонтальное попадание. И на таком расстоянии от мишени! Черт знает, какой безобразный промах!

Лемуар коротко и властно передал какое-то приказание неотступно следовавшему за ним гориллоиду с саблей через плечо. Потом обернулся к Ильину:

— За такой промах, да еще со стороны старого солдата, виновный получит самую основательную в своей жизни порку. Ну, а с этим парнем, как будто бы, сейчас все будет окончено.

Хрип умирающего делался все медленнее и глубже. Может быть, с полминуты тело оставалось неподвижным, только часто дрожали длинные пальцы на ногах, потом он вдруг весь изогнулся червем, широко открыл рот и с той же стремительностью снова выпрямился.

Еще раза два предсмертная судорога потрясла тело гиганта, затем согнутые члены медленно выпрямились и остались неподвижными.

— Профессор Кроз на днях говорил мне, — выражение лица Лемуара было такое, как всегда: приветливое и спо-

койное, — что ему были бы нужны сейчас некоторые железы молодого гориллоида. Вот как раз подходящий случай, и у вас будет совершенно свежий препарат, мсье Ильин. Я думаю, что Кроз будет доволен, если получит тело еще теплым. Я дам распоряжение немедленно отвезти его к лаборатории, а вы, очевидно, уже устроите все остальное.

Тонкая струйка крови стекала о простреленной мохнатой груди; голова была отогнута назад... Все тело билось мелкой дрожью, и одна нога с силой сгибалась и распрямлялась в колене...

— Я... не могу... — взволнованно произнес Ильин.

Он почувствовал, что внутри у него все дрожит и мутная волна отвращения и ужаса поднимается к горлу.

Ленуар выглядел совсем таким же, как тогда за обеденным столом у Кроза, та же любезная и детски наивная улыбка сияла на его лице — и было в этом что-то нечеловечески жуткое.

— Почему?.. — Капитан широко открыл глаза, с недоумением глядя на своего собеседника. — Неужели эта маленькая история произвела на вас такое впечатление?

Ильин почувствовал, что кровь бросилась ему в лицо, и голос его зазвенел возмущением.

— Я не понимаю, — резко сказал он, — как вы можете так говорить через несколько секунд после смерти только что изгибавшегося перед вами в агонии человека! Если бы я был причиной этого, то...

— Человека?! — Ленуар даже отступил на шаг назад, так его поразило это выражение. — Да бог с вами, какой же это человек? Право, как вам не стыдно, мсье Ильин! Судя по вашим плечам и фигуре, я думал, что у вас более крепкие нервы... Жаль, конечно, хорошего экземпляра, из него вышел бы приличный солдат. Но ничего не поделаешь. Все равно ведь без этого не обойдешься... Ну, а теперь идемте домой.

Капитан направился к воротам, и не успели они еще подойти к опушке кустарника, как сзади раздался отчаянный, звучащий нестерпимой болью вопль. Это уже не был грозный лающий крик разъяренной гориллы, скорее он напоминал пронзительный визг избиваемой собаки.

Ильин невольно оглянулся, но ничего не спросил. Он понимал, что это кричал виновник происшествия, которого пороли за неудачный выстрел.

ХШ.

ОККУЛЬТИЗМ, ФАШИЗМ И НОВАЯ ДРУЖБА

Следующая неделя прошла буднично и монотонно. Кроз наведывался по несколько раз в день, чтобы посмотреть, как идет работа, и немедленно забирал готовые микроснимки.

Ильин и вообще был человек редкой работоспособности, теперь же, на новом месте и в такой необычайной обстановке, он чувствовал, что ему нужно сразу же себя зарекомендовать, и поэтому не выходил из лаборатории, случалось, до самой ночи.

Вечером иногда тянуло зайти к Лёнуару, но какое-то смутное, неоформленное чувство восставало против этого.

С Ахматовым приходилось встречаться ежедневно, и как-то раз Ильин просидел у него весь вечер. Обе комнаты Ахматова сияли удивительной чистотой. Книги в шкафах и на полках и даже письменные принадлежности на столе были расположены в таком образцовом порядке, что Ильин полушутя-полусерьезно спросил, пользуется ли ими когда-нибудь хозяин или держит специально напоказ.

Библиотека у Ахматова, по большей части из его собственных книг, оказалась очень большой, но весьма своеобразной по подбору. Одна стена рабочего кабинета была занята литературой по железам внутренней секреции* (в

* Железы внутренней секреции представляют собой органы, вырабатывающие полезные отделения (секреты), поступающие непосредственно в кровь. Секретами же (по способу выработки и по полезности) считаются молоко и сперма, хотя вырабатывающие их железы отделяют их и не в кровеносные сосуды. Секреты имеют громадное значение для организма, так как избыток или недостаток одного из них вызывает целый ряд расстройств и изменений. Например: понижение работы щитовидной железы вызывает замедление или остановку роста и умственную слабость; увеличение мозгового придатка вызывает акромегалию — гигантский рост; при удалении яичек развивается преждевре-

этой области Ахматов, несмотря на его молодость, являлся уже крупным специалистом); на противоположной стороне два больших шкафа были заняты исключительно книгами по оккультизму** на всех языках, включая латинский и древнееврейский (этими языками Ахматов владел свободно).

Против стола висел на стене большой в черной раме портрет Муссолини.

Несмотря на свой преувеличенно элегантный костюм, Ахматов оказался типичным книжным червем, и говорить с ним о чем-либо другом, кроме внутренней секреции и оккультизма было трудно. Был момент, когда Ильина крепко тянуло за язык спросить, о чем вообще Ахматов может разговаривать в обществе, но вспомнились глаза, какими он смотрел украдкой на мадам Ленуар, и стало жалко нажать на большое, должно быть, место.

Родился Ахматов в помещичьей семье в Тульской губернии, революцию же провел за границей, где и кончил университет. Газет он, по его словам, не читал, но убеждения имел кристально твердые.

— Революцию, — заявил он, — надо было в корне задавить; четвертую часть рабочих (меньшим не обойдется) перестрелять; и прочно обеспечить существование и развитие науки и культуры.

В дальнейшем беседа свелась к тому, что Ахматов сначала битый час распространялся о гигантских лягушках, которых он создавал путем пересадок различных желез, потом перешел к утверждению, что все ныне совершающееся в науке и политике было предсказано мыслителями древ-

менная дряхлость, и человек теряет вторичные половые признаки (например, растительность на лице у мужчин).

** Оккультизм — то же, что «тайные науки». Сюда входят: алхимия, астрология, магия, каббала, некромантия (вызывание умерших), хиромантия и. другие, основанные на суеверии обмане и невежестве, «науки».

ности и, вытащив с полки пару толстейших книг на допотопных языках, стал выкладывать оттуда цитату за цитатой.

Однако содержание книг было настолько замысловато, что Ильин, хотя и долго старался что-нибудь понять, ничего не понял и пришел к заключению, что, очевидно, уж очень умные люди жили раньше на свете, если они были способны не только читать, но даже и писать такие книги.

В общем же, молодой ассистент был стопроцентный чудака и, рассуждая логически, Ильин нашел это даже естественным, потому что действительно нужно было быть большим чудаком, чтобы добровольно закабалиться в такое несообразное место, как Ниямба.

* * *

Вечером после работы в лаборатории вдруг потянуло увидеть мадам Лемуар. Капитана дома не оказалось, он уехал из Ниямбы по делам, и молодая женщина была одна.

Ильина она встретила упреками:

— Если в таком ужасном и отвратительном месте люди будут прятаться каждый в своем углу, жить здесь будет невозможно! Ведь тут так скучно и тоскливо! Каждому вновь прибывающему мы бесконечно рады...

И неужели он не понимает, что ей, кроме того, интересно поговорить с человеком, который жил в этой чудовищной стране — России — и только что оттуда приехал?

Ильин свалил всю вину на Кроза, который засыпал его накопившейся работой, и в противоположность предыдущей встрече разговор сразу завязался свободно и просто. Ильин умел недурно рассказывать, и через несколько минут он завладел вниманием собеседницы. Правда, и сами-то рассказы Ильина оказались уж очень не похожими на слышанное ею о России от Ахматова.

Ильин родился и почти всю жизнь провел в Москве и был влюблен в громадный, бурно развивающийся город, где с таким изумительным своеобразием расцветающая мо-

лодость только что построенных гигантских домов и заводов переплеталась с древней красотой стройных стен и башен Кремля, высоко повисших над Москва-рекой.

*Вытащив пару толстейших книг,
Ахматов стал выкладывать
оттуда цитаты...*

Он говорил с возрастающим увлечением о беспрецедентном развитии рабочего спорта, о тысячах обнаженных с великолепно тренированными мускулами коричневых тел на Ходынском поле или в воде Москва-реки, и — сможет ли она представить себе! — о сапожниках, фехтующих на шпагах, или о слесаре с завода «Динамо», который в состязании на эспадронах побил капитана Круазье, первого бойца и мастера в этом роде оружия во всей Европе...

Да, этого молодая женщина при всем ее желании представить себе никак не могла. Когда выяснилось, что в СССР люди друг друга не едят, живут кипучей и многообразной жизнью, занимаются спортом и искусством и широко развернули научную работу, она очень наивно стала расспрашивать, зачем же в таком случае нужно непременно готовиться к войне с Советским Союзом.

От этой темы Ильин на всякий случай уклонился, и разговор перешел на родину мадам Лемуар — Приморские Пиренеи. Ярких и красивых воспоминаний здесь оказалось не меньше чем у него, и когда Ильин, дав обещание бывать ежедневно, возвращался домой, он со странным волнением думал, что мадам Лемуар простая и милая женщина и что за этот вечер они почти подружились.

XIV.

РАБОЧИЙ ВОПРОС РЕШАЕТСЯ ПРОСТО

Вечером на следующий день Кроз анатомировал павшего гибрида шимпанзе, после чего до глубокой ночи все сидели над препарированием извлеченных из трупа желез.

Зато на другой же день, закончив раньше обычного работу в лаборатории, Ильин немедленно отправился к Ленуару. Он и его жена были дома и, кроме того, за столом, молча, по обыкновению, сидел Ахматов. Капитан, только что вернувшийся из поездки, быстро ходил по комнате, глаза его горели необычным возбуждением, и в ответ на свои мысли он временами улыбался.

С Ильиным Ленуар поздоровался очень рассеяннo и, видимо, продолжая начатый разговор, обратился к жене:

— ...А кроме того, в институте состоялось свидание с генералом Дюруа. Он еще не знал о решении министерства, но считал его predeterminedным, и, по его словам, отношение там к Ниамбе после его предыдущих отчетов в корне перевернулось... Да, Ильин! — Ленуар подошел к нему и положил руку на его плечо. — Когда напором своей воли вы ломаете стену недоверия и насмешек, когда перед величием выполненного дела склоняются люди, год-два назад пренебрежительно пожимавшие плечами, когда победой заканчивается тяжелая и упорная борьба, — это счастье! Я желал бы, чтобы вы хоть раз в жизни узнали радость такого момента.

— Это в связи с вашим войском из гориллоидов?

— Да! — Ленуар высоко поднял голову.

— Вы знаете, капитан, — Ильин откинулся на спинку кресла и заговорил, стараясь взять беззаботный тон. — Не сердитесь на меня за то, что я не понимаю пока вашего настроения. Может быть, это потому, что еще многое для меня неясно. Я очень ярко представляю, с каким восторгом победы Идаев приветствовал рождение на свет сотворенных

им чудовищ. Мне понятно, почему профессор Кроз забывает все в мире, ведя генетическую* работу над таким необычным материалом. Но... почему вы-то сидите здесь? Какой смысл правительству бросать деньги на разведение и воинское обучение нескольких полуобезьян?

— А почему «нескольких», мсье Ильин? — Ленуар уселся против него на стул и со странной усмешкой смотрел на собеседника.

— Но ведь не хотите же вы этим сказать, что...

— Как раз это я и хочу сказать! В самом деле, почему пятьсот, а не пять тысяч? Или, быть может, вы укажете непреодолимые препятствия к превращению пяти тысяч, скажем, в пятьдесят?

— Но ведь какое же нужно количество...

— Негритянок, хотите вы сказать? А почему бы нет? Этого добра хватит, дорогой мой, да и сами самки гибридов благодаря работе Кроза и... вашей, — Ленуар любезно склонил голову, — тоже будут использованы, я надеюсь, почти сполна. А потом, знаете, Вы напрасно с таким пренебрежением отозвались о полуобезьянах. Не хотел бы я оказаться на месте тех, на кого обрушится атака этих чудовищ... И наконец — самое главное. Как вы думаете? Мог бы их спропагандировать самый талантливый советский агитатор?

— Ну, знаете... Это уже просто наивно, — пожал плечами Ильин. — Кому охота всерьез относиться к вашим игрушкам?

Капитан расхохотался, затем со странно заострившимся сразу лицом начал говорить медленно, жестко подчеркивая отдельные слова взглядом загорававшихся и сейчас же потухавших глаз:

— Мы не знаем, где и как взорвется нарастающее во всем мире напряжение борьбы, но несомненно одно, что впереди — и, быть может, уже скоро — дни небывалой в истории человечества, ожесточенной, беспощадной войны. Ибо щит свой, Ильин, мы не опустим!

* Генетика изучает вопросы происхождения.

Ленуар поднялся, и глаза его засверкали.

— Да, но прежде всего надо до конца уяснить себе обстановку, которая заключается в том, что в случае, например, борьбы с вашими Советами... или с нашими безумцами, опереться твердо на массы мы не сможем. В наших руках — деньги, власть и оружие. Это немало. Но винтовки и пушки сами не стреляют, а шансов на изменение настроения масс в нашу пользу — нет...

Ленуар умолк и несколько мгновений сидел неподвижно. Ильин первый прервал молчание:

— Хорошо, капитан, но какой же тогда практический смысл в вашем фашизме? Кто сможет изменить естественный ход событий, если вы сами признаете, что борьба с пролетариатом — дело безнадежное?

Ленуар поднял голову и ответил только одним словом:

— Я!

Ильин смотрел на собеседника с некоторым обалдением. Ленуар взглянул на него и усмехнулся.

— Удивительно, — сказал он, — до чего трудно постигаются именно самые простые вещи! Возьмите в руки свои мозги, Ильин, и немножко встряхните их, чтобы сделать очень немудреный вывод из весьма простых положений. Если мы не можем заставить рабочих сражаться за наши интересы, если даже колониальные войска ненадежны, как это было с индусскими частями в Китае, это значит, что оружие надо вложить в другие руки. Уже широко развертывается начатое мною в Ниамбе дело, и — пусть только задержится на несколько лет надвигающаяся социальная война — горе тем, кто увидит против себя тысячи сотворенных здесь и обученных к бою чудовищ!

Ильин с изумлением посмотрел на него и, дотронувшись пальцем до лба, спросил:

— А вы... не того, капитан?

Ленуар расхохотался и сразу сделался знакомым Ильину веселым и смешливым молодым человеком.

— Ну, конечно! Как раз эти самые слова я услышал, когда в свое время беседовал на эту тему с его превосходительством генералом Дюруа. Вы только представьте: гене-

рал пощупал у меня пульс и спросил, мерил ли я себе утром температуру.

— Ну, и что?

— В другой раз я говорил с ним уже здесь, в Ниамбе, после того, как он с группой офицеров генерального штаба видел сначала стрельбу в цель, а потом проведенную перед ними атаку моих обезьян. Вы ее тоже видели, но вы человек штатский, и для вас это китайская грамота, а Дюруа все-таки на войне съел свои зубы. И вы знаете, когда я повернулся к нему, он был совсем бледным. Вы можете себе представить? Ей-богу, даже я сам удивился! — И охваченный приятным воспоминанием Ленуар расплылся в улыбке.

— Ну, и что же было дальше?

— Что дальше? — улыбка, как стертая губкой, исчезла с лица капитана, смеющиеся глаза стали холодными, и он заговорил медленно, разделяя слова длинными паузами: — Вы видели ряды строящихся барачных? Так вот, десять тысяч негритянок в ближайшие месяцы прибывают сюда, а другие станции организуются по соседству.

Ильин почувствовал, что холод пробежал у него по коже, затем ощущение, похожее на тошноту, подкатилось к горлу... В следующий момент Ленуар уже снова заливался смехом, глядя на побледневшее лицо собеседника.

— Если бы вы видели в зеркале свою кислую физиономию, Ильин! — смеясь, говорил он. — Вам, очевидно, трудно сразу переварить эту идею, и она колом застряла у вас в мозгу. Вот и Мадлен никак не может перестать приходить в ужас от моих слов и поступков.

Мадам Ленуар виновато улыбнулась,

— Я уже говорила тебе, Марсель. Я чувствую, что здесь я сойду с ума. Или — ты знаешь — мне иногда кажется, что это ты сошел с ума.

Ленуар рассмеялся.

— Ты у меня совсем глупышка, дорогая девочка, — ласково сказал он. — И, пожалуй, я потому тебя и люблю, что ты решительно во всем на меня не похожа. Даже характером. У меня всегда хорошее настроение, и мне смешно от

каждого пустяка, а у тебя от всякой ерунды глаза на мокром месте.

Ильин резким движением поднялся со стула.

— Она права. Это ужас! Десять тысяч женщин для этого чудовищного дела!.. — Он почувствовал, как кровь снова отлила у него от головы.

Ленуар похлопал его по колену.

— Пока еще не женщин, дорогой мой, а негритянок.

Ильин с остро вспыхнувшей яростью оттолкнул руку капитана.

— У меня голова кружится! Чудовища, запертые там, за бетонной стеной, ближе к человеку, чем вы, капитан! Это безумие и ужас, это преступление, за которое мало смертной казни! Или вам место в доме умалишенных, или государство, которое идет на это чудовищное дело, заслуживает, чтобы его смели с лица земли!

Ленуар нисколько не обиделся и продолжал говорить спокойно и мягко:

— Прежде всего, сядьте, дорогой мой. Сядьте, успокойтесь и постарайтесь, не поддаваясь элементарному чувству возмущения, холодно и логически подойти к разрешению вопроса. Вы увидите, что я вовсе не являюсь каким-то извергом и что просто вы столкнулись с идеей слишком новой, а новые идеи иной раз неимоверно трудно переваривать. Постойте, не прерывайте меня, и через пять минут вы со мной согласитесь.

Он взглянул прямо в глаза Ильину.

— Считаете ли вы, что такая война, как мировая война 1914-1918 годов, хорошая вещь и что допустимо бросать на смерть миллионные человеческие массы? Не считаете? Я так и думал. Так я вам скажу, что и я не считаю. Правда, я полагаю, что человек рожден для борьбы и, значит, для войны; но теперешняя война с ее газами, миллионными армиями, сметаемыми в несколько дней пулеметным огнем, и с прочими мерзостями — это настолько гнусная вещь, что и у меня она не вызывает никакого восторга. Значит, мы с вами в этом согласны. Но тогда, как же можно воз-

ражать, если вместо людей в бой будут брошены батальоны этих чудовищ?

Ильин пожал плечами.

— Постановка вопроса абсолютно нелепая. Вы спрашиваете, чего я хочу: чтобы меня повесили или расстреляли? Или, может быть, я предпочту сгореть на костре? Да я не хочу ни того, ни другого, ни третьего. А если вы желаете, чтобы я ответил вам по существу, так я отвечу: воевать вообще не надо.

Ленуар засмеялся.

— Ну, конечно, вы остроумно оппонируете. Только, к сожалению, это утопия, потому что, хотим мы или не хотим, а воевать придется. Это и для коммунистов ясно. Теперь дальше. Если это так, то с самой что ни на есть кисельно-гуманной точки зрения меня надо превозносить, а не ругать... Ты слышишь, Мадлен?.. И какой может быть разговор о десяти, пятидесяти... да черт бы их побрал! — если на то пошло — пятистах тысячах негритянок, если мы этим избавляем от фронта несравненно большее количество молодых белых людей! Еще шаг дальше. Пусть мы ликвидировали бы на этот раз обычными способами надвигающуюся опасность социальной революции. Это было бы только отсрочкой. При наличии все растущих масс пролетариата революция вспыхнет снова в какой-нибудь точке земного шара, и снова надо будет начинать всю историю сначала. Так вот, что вы скажете, если предпринятое здесь дело развернется на территории всего черного материка и будет организовано массовое производство не только солдат, но и рабочих? — Капитан обвел глазами присутствующих, следя за произведенным его словами впечатлением.

Ахматов, который до этого молчал как убитый, вставил свое слово:

— Это будет, конечно, разрешением рабочего вопроса, Ленуар так и покатылся со смеху.

— Это вы чрезвычайно удачно сказали, Ахматов, как припечатали! Технических или научных затруднений здесь не будет. Сначала придется потратить миллион-другой негритянок, потом пойдет приплод от своих самок и, так как

Кроз уже выделил плодовитую линию, и так как одного самца хватит на десятки самок, то успех обеспечен. В чем дело? Для этих целей, вероятно, придется шире использовать шимпанзе. Они способнее, да и безобиднее. Но это потом, когда мы свернем шею революции. А пока задача одна — творить солдат.

Ильин был не в силах произнести ни слова, он встал из-за стола и направился к выходу. В дверях, встретив испуганный и спрашивающий взгляд хозяйки, он крепко пожал ей руку.

XV.

ОТ ЗАМЫСЛА ДО ДЕЛА — ОДИН ШАГ

В черной тьме быстро упавшей ночи даже силуэта Дюпона за окаймлявшей сад живой изгородью не было видно. Раздавался осторожный шепот механика:

— Дело, значит, становится солидным. Это плохо.

Ильин отвечал также шепотом.

— Не думаю. Сплошное безумие с начала до конца!

Дюпон возражал со все увеличивающимся раздражением:

— Никакого безумия здесь нет. Расчет точный, и исполнение идет по порядку. Смотрите сами. Начали с маленького; испробовали; дело пошло; теперь развертывают на десять тысяч. Можете вы доказать, что они дальше на чем-нибудь споткнутся?

Ильин молчал.

— Трудно начать, но если уж они пошли на такое расширение, будьте покойны, не пройдет двух лет, как будет организован с десяток таких же станций. Ведь время не ждет, а где и как они дождутся другого такого счастья? С пропагандой к нему действительно не подойдешь, потому что это — скотина; политграмоту ему в мохнатую башку также не втолкуешь. А когда из таких уродов создадут армию, дело дрянь: первую же стачку зальют кровью. Сами видели, как они стреляют и перебежками идут в атаку.

Некоторое время оба молчали. Потом Ильин глубоко вздохнул и тихо сказал:

— Да, надо действовать.

— Я и сам знаю, что надо, да не могу придумать, как.

— Убить Лемуара?..

— Согласен и на это, но что толку? Пришлют новую гадину, а нам с вами маленько укоротят фигуру: на длину головы. Вот и весь результат. Если бы как-нибудь взбун-

товать этих чертей и учинить такой скандал, чтобы сразу отбить охоту к продолжению аферы, да как это сделать?

Опять наступило долгое молчание, затем Ильин задумчиво и не совсем уверенно проговорил:

— Кажется, я поймал у себя в голове хвостик мысли. Еще не знаю, будет ли то, что я скажу, очень умно или очень глупо.

Дюпон ожидающе молчал.

— Да... спирт! На туземцев он действует с непреодолимой силой, а на этих подействует еще сильнее.

Механик сразу встрепенулся:

— Вот это уже похоже на дело. Правильно! В пьяном виде они бы вдребезги разнесли все здешнее заведение. Но как это устроить?.. Слушайте, дружище, теперь уж я дам совет. Вы с Ленуаром знакомы и ухаживаете за его женой...

Ильин почувствовал, что невольно краснеет, и рассердился.

— Как вам не стыдно чушь пороть, товарищ Дюпон? — почти резко прервал он механика.

— Ну, ладно, это дела не касается. Так вот что: знакомство с этим мерзавцем поддерживайте. Начните помаленьку сочувствовать его планам и посоветуйте — так, между прочим — давать этим бесштаным солдатам по чарочке, в награду за хорошую, скажем, службу и работу.

— Ну?

— А когда они войдут во вкус, мы уж как-нибудь натравим их на склад спирта. Я ведь хожу в обезьяний лагерь... Ладно, пока довольно. Мне надо идти, и за день мы обмозгуем это дело получше да поподробней. Затем я вам скажу вот что: нервов своих не распускайте.

Ильин улыбнулся, чего в темноте Дюпону не было видно.

— Это не дело, — пояснил механик, — что вы не сдержались и выкатились шаром от капитана. Довольно и того, что Идаев взаперти сидит. Если и вы попадете в то же положение, я один в этом чертовом гнезде буду совершенно бессилен... Да и вас-то самого мне будет все-таки жаль: вы

хороший и верный товарищ... — в голосе Дюпона скользнула мягкая нотка.

Слегка зашуршали кусты, и он исчез под низко нависшими ветвями.

* * *

Когда на другой день Ильин поднялся на веранду дома коменданта, Ленуар встретил его добродушно.

— Я был уверен, дорогой друг, — сказал он, — что хороший сон смое у вас следы вчерашнего негодования. Вы — решительный, горячий и прямой человек; поэтому-то мне и понравились. Через некоторое время вы поближе ознакомитесь с гигантским делом, которое начато в Ниамбе, и поймете, что лучшего средства для победы нам не придумать.

Мадам Ленуар казалась грустной и почти не поднимала глаз. Ильин также чувствовал себя как-то нескладно и лишь изредка вставлял в разговор короткие фразы.

Разговор сперва не касался Ниамбы. Ленуар сидел на подоконнике и, сияя неотразимой улыбкой, рассказывал о своей родине, о глубоком заливе родного Сен-Жан-де-Люза, о редких пушистых тамарисках* на холмах над морем, о скалах на берегу у подножья развалин древней башни Цокоа.

— Какая там ловилась рыба! — с восторгом вспоминал он. — Мальчишкой я с парой удочек забирался в отлив далеко в глубину лагуны. Самое интересное — никогда нельзя было знать, что поймаете. Десятки пород пестро раскрашенных, с перетянутыми хвостиками рыбок, а бывало: удочка чуть не вырывается из рук, и начинается отчаянная возня с полуметровым тунцом. А что было, когда однажды я вытащил электрического ската!..

* Тамариск — род ветвистого кустарника с мелкими листьями и белыми или розовыми цветами. Растет в Южной Европе, Африке, Средней Азии и Индии на солончаковых почвах.

Когда он с увлечением говорил о мальчишеских похождений на серебряных от прибоя берегах родины, чудовищный разговор вчерашнего дня казался немыслимым.

Мадам Ленуар раза два или три на мгновение поднимала глаза на мужа, и Ильину показалось, что во взоре ее скользили удивление и испуг.

Затем пришел летчик Тракар, поцеловал руку хозяйки и уселся в углу.

— Как хотите, капитан, — сказал он, — вид ваших обезьян мне окончательно надоел. Можете быть уверены, что ради них я и одного дня не остался бы сидеть в здешнем болоте. — При этих словах он слегка покосился в сторону хозяйки дома.

Ленуар с любопытством рассматривал узкую, с прилизанными волосами физиономию лейтенанта.

— А чем они обидели вас, дорогой мой? — спросил он.

— Меня? — летчик высоко поднял брови. — Меня еще никто в жизни не обижал, но они действуют мне на нервы, то есть я только теперь неожиданно заметил, что нервы у меня есть. До сих пор я полагал, что эта гадость имеется только у женщин... извините, — летчик привстал и слегка поклонился в сторону мадам Ленуар.

Молодая женщина подняла глаза на лейтенанта и первый раз за все время улыбнулась. Длинное лицо Тракара как-то все просияло, он поспешно отвернулся; и Ильину показалось, что острый шершавый ноготь скребнул по его настроению.

— Дело в том, — продолжал Тракар, — что все не так, как следует, делается на свете, кроме, конечно, воздушного боя. Убивают врага, не видя его, вместо солдат будут воевать обезьяны, а вместо равного себе противника в мундире придется иметь дело со всякими канальями в драных блузах... Извините... — лейтенант снова приподнялся.

Ленуар похлопал его по плечу.

— Это все эстетика, дорогой мой, — сказал он, — а в вопросах эстетики по одному и тому же предмету, как известно, всегда существуют двадцать четыре различных мнения. Если мы с женой иногда не сходимся во взглядах на ее костю-

мы, то как же вы хотите, чтобы внешность моих гвардейцев одинаково действовала на воображение всех нас? Что касается меня, то они мне нравятся. Да, на них не напялишь мундира с галунами, но зато перед вами нечеловеческая первобытная мощь зверя, а вместе с тем одного движения моей спокойной человеческой воли довольно, чтобы бросить их на резню и смерть.

— И все-таки я прав, — упрямо возразил Тракар. — Эти образины порочат последние остатки романтики в войне.

— В одном вы правы: только ваша профессия сохранила еще радость и удаль боя былых времен. Даже больше. Когда из бездонного неба ас* вертикально падает на врага, в тридцати метрах открывает огонь и снова после мгновенного боя забирает кругами высоту, а глубоко внизу, кувыряясь, летит в бездну аэроплан побежденного, — это больше, в десять раз больше, чем мог переживать в отчаянной битве воин былых времен!.. Это так. И все-таки я не завидую вам, Тракар. Мне трудно передать это словами и, вероятно, вы даже не поймете меня, но... захватывающая красота в звериной мощи моих чудовищ! — я уже вам это только что сказал, — и грозная ослепляющая радость в сознании моей безграничной власти над боевыми рядами свирепых могучих зверей! Ведь я не командир и даже не вождь гориллоидов. Для них я — бог, безгранично могущественный, всеведущий, не знающий слабости, жалости и страха.

— Бог-пугало, — вставила Мадлен.

Ленуар умолк, затем глаза его вдруг заискрились смехом, и он продолжал уже совсем другим, легкомысленным тоном:

— Да, это не всегда хорошо. У всякого порядочного бога должен иметься где-нибудь свой рай, а вот этого-то мне как раз еще не удалось завести. В самом деле, никак не придумаешь, чем бы таким можно награждать за добродетель и подвиг этих полузверей... таким, чтобы награда соответствовала размерам моей грозной и карающей власти. Ведь

* В империалистическую войну название «ас» применялось к особо славным военным летчикам, победителям во многих воздушных боях.

нелепо же устраивать для них кинематограф или, скажем, наделять их шоколадными конфетами.

Ильин, молча сидевший в глубоком кресле у окна, неожиданно вмешался в разговор:

— А известно ли вам, капитан, что дает самые громадные и острые ощущения наиболее низко стоящим человеческим расам?

Ленуар выжидающе молчал.

— Чем ниже культурный уровень племени или расы, чем беднее внутренняя жизнь, — спокойно продолжал Ильин, — тем острее, сильнее, неотразимее действие спирта... Что ж, попробуйте! В добавление к тому, что здесь уже создано, у вас будет как раз подходящий по стилю рай.

Ленуар встал, вглядываясь широко раскрытыми глазами в покривленное презрительной улыбкой лицо собеседника.

— Какой вы еще глупый, Ильин, какой вы глупый! — сказал он. — Не сердитесь, что я так говорю. Ведь вы хотели только меня уколоть. Правда? А вместо того вы сказали огромную и технически ценнейшую истину, и я воспользуюсь ей, потому что вы правы: действие спирта на низко стоящие, но все же подобные человеку существа в самом деле будет громадно. Как я мог это забыть и не использовать?!.. — Капитан взволнованно ходил по веранде. — О, конечно, награда будет даваться нечасто; но знать о ней и желать ее будут все, и еще одно звено — еще крепче скует созданное мной в Ниамбе оружие борьбы!

Мадлен поднялась с дивана. По ее лицу скользнуло выражение боли, и Ильин почувствовал острый и мучительный стыд. Он сделал дело. Дюпон похвалит его, но почему так стыдно?..

Оставаться и продолжать разговор было слишком тяжело. Ильин заставил себя вполне любезно попрощаться с капитаном и летчиком, но кровь прилила к лицу, когда он подошел к мадам Ленуар и увидел, что на прекрасном, обычно матово-бледном, а сейчас розовом лице молодой женщины также было выражение стеснения и почему-то как будто тоже стыда.

XVI.

ВСТРЕЧА В САДУ

Прошла неделя. Настроение Ильина с каждым днем становилось все хуже и хуже, и он не мог или не хотел понять, в чем дело.

Было тяжело говорить с Дюпоном, потому что механик целиком ушел в одну заботу — как бы покрупнее и поскандальнее да поскорее взбудоражить мохнатое войско, — а об этом было мучительно противно думать.

Было неловко встречаться даже с капитаном, который в последнее время ничего не говорил о делах и был прост и приветлив.

Часто думалось о Мадлен, но видеть ее не хватало сил. Слишком дикой и чудовищной казалась Ильину мысль, что подготовляемые им и Дюпоном события могут раздавить эту женщину, такую прелестную, милую и по-детски беспомощную...

А все же события назревали: длинные ряды новых барачков быстро росли, и Кроз деятельно работал над отбором наилучших производителей из числа гибридов. Было ясно, что Дюпон прав и надо спешить, и Ильин бранил себя за то, что не мог победить непреодолимого отвращения к участию в этом деле и ужаса перед готовящимся.

И была еще постоянная смутная тоска, как будто совсем не связанная ни с Дюпоном и его планами, ни вообще с какими-либо делами Ниамбы.

Работа шла из рук вон плохо, да и какого черта вообще имело смысл вести научную работу!

Поэтому большую часть дня Ильин без толку шатался по острову или валялся на земле, отгоняя от себя всякие мысли, в дальнем, глухом и заросшем углу сада.

Здесь же он встретил мадам Лемуар. Это было примерно через неделю после памятного вечера у капитана. Мадам сидела на небольшой скамье, и столько слабости было в ее позе и опущенных глазах, что сердце Ильина вдруг сразу оборвалось. Не зная еще, что он сейчас будет делать, и в то же время ощущая в себе наполнившую все тело упруго собравшуюся решимость к какому-то действию, Ильин молча сел на скамью и просто, как если бы рядом был старый хороший друг, взял обеими руками тоненькую руку молодой женщины.

В следующую секунду он испуганно отодвинулся, но мадам Лемуар отнеслась к его жесту без всякого удивления и, как-то жалобно улыбнувшись, начала говорить первая:

— У меня последнее время нехорошее настроение, да и вам, мне кажется, почему-то плохо в Ниамбе.

Ильин несколько мгновений смотрел на нее, потом быстро, не останавливаясь между фразами, заговорил:

— Я не могу усвоить всего, что делается здесь. Я ведь только человек, простой человек, и в моем мозгу не уместается то, для чего здесь, на островке среди африканской топи, выросли эти вот здания, стены, лаборатории и прочее. Я не проклинаю день, когда я попал сюда, потому что... — Он запнулся и секунду смущенно молчал. — Но вы правы: мне тяжело. Иногда у меня впечатление, что я попал... ну, точно на другую планету. Крутом существа, с внешней стороны во всем похожие на меня, но в то же время бесконечно далекие. Дело даже не в том, что мы, скажем, не сходимся в политических взглядах, а в чем-то... ну, я уж не знаю, как вам это назвать, — в чем-то совсем другом... Я так рад, что мне удалось сказать вам это, потому что, я думаю, и на вас все происходящее производит подобное же впечатление, — и вам тоже тяжело.

Ильин остановился, и несколько секунд оба сидели молча. Затем молодая женщина задумчиво, как будто говоря с собой, сказала:

— Да, это верно: те люди — с другой планеты... Ведь вы знаете, Ильин, Марсель очень милый. Да! Очень простой,

веселый и милый. И в то же время так же просто и радостно он создает вокруг себя этот ужас. И мы с разных планет, потому что этого я понять не могу. Если бы он был дурной человек, я бы что-нибудь понимала, но он очень хороший, и иногда мне кажется, что для него Ниямба только мальчишеская игра. Но ведь из этой игры скоро выйдет что-то невероятно отвратительное и страшное!.. Вы помните — последний раз, когда вы у нас были, вы хотели оскорбить его насмешкой относительно спирта (при этих словах Ильин неожиданно понял, что ощущение стыда за неделю несколько не ослабло), а он несколько не обиделся. Он просто не знает, что значат слова «дурно» или «стыдно». И он убежден, что мое отвращение к его чудовищам — эстетика, и больше ничего.

Она замолчала на мгновение, затем тихо добавила:

— Мне очень хочется поскорее уехать отсюда.

Ильин дернулся на скамье и, не задумываясь, сказал:

— Уезжайте. Я тоже больше не могу оставаться здесь.

Через секунду он понял смысл своих слов.

Мадам Ленуар также поняла и, покраснев, поднялась со скамьи.

Она шла по дорожке сада, а Ильин, идя рядом, торопливо говорил:

— Вы на меня рассердились? Вы думаете, что я сказал глупость или что за моими словами скрывается дурной смысл? Это не так. Давайте я скажу прямо, как если бы говорил с товарищем. Ведь я не ухаживал за вами, как все остальные здесь. Правда же? Я просто сказал вам, что я уеду, потому что сейчас я только об этом и думаю, и потому что только вам одной здесь я мог это сказать... Что вам тоже нужно отсюда уехать, это вы сами знаете, а от себя добавлю, что вся здешняя затея добром не кончится и почти наверное обратится на тех, кто ее создал. Когда я думаю об этом, меня охватывает ужас, и я готов к черту на рога полезть, чтобы только вас не было в Ниямбе... И знаете, что я вам скажу? Мы в СССР за последние десять лет привыкли и в очень красивой женщине видеть прежде всего человека.

Мадам Ленуар остановилась и подняла глаза на своего спутника. Ильин также остановился и тихо спросил:

— Скажите, вы верите, что я говорил с вами сейчас как товарищ и друг? И если хотите, вы больше меня не увидите.

Молодая женщина несколько мгновений смотрела на склонившееся над ней лицо, затем так же тихо ответила:

— Верю.

Ильин пожал ее руку и молча повернул в боковую аллею.

* * *

Дюпон был до последней степени возмущен, когда Ильин передал ему (с некоторыми, конечно, пропусками) разговор с мадам Ленуар, и в первый раз за все время их знакомства голос механика зазвучал злобно и жестко.

— Я никогда не стал бы с вами связываться, — сказал он, — если бы мог допустить, что вы способны сообщить тайну постороннему, да еще салонной красавице!

Ильин с возмущением прервал его:

— Мадлен Ленуар особенная женщина, и...

— Особенная! — Дюпон с безграничным презрением протянул это слово. — Все они особенные. Будьте покойны, вчера же вечером она все ваши излияния передала муженьку...

Ильин с внезапно вспыхнувшей злобой вскочил с места, но механик не дал себя прервать:

— Ухаживали бы за ней сколько влезет, ведь дал же я вам на это свое благословение. Да хоть влюбляйтесь, черт возьми. Самое было бы богоугодное дело. Так нет, разнежничался, сантиментов напустил, жене врага выложил свои планы, а теперь и сам сядет и погубит дело, от успеха которого зависит, быть может, жизнь миллионов.

Дюпон был так озлоблен, что не стал слушать дальнейших объяснений и, круто повернувшись, не прощаясь, пошел домой.

XVII.

ГОРИЛЛОИД ЛУИ

Со времени последнего разговора с мадам Ленуар прошло уже более недели. Ильин раза два заходил к капитану, но сидел недолго. Ленуар был по обыкновению очень приветлив, Мадлен держалась просто, но говорила мало, и раза два-три Ильин поймал на себе ее взгляд.

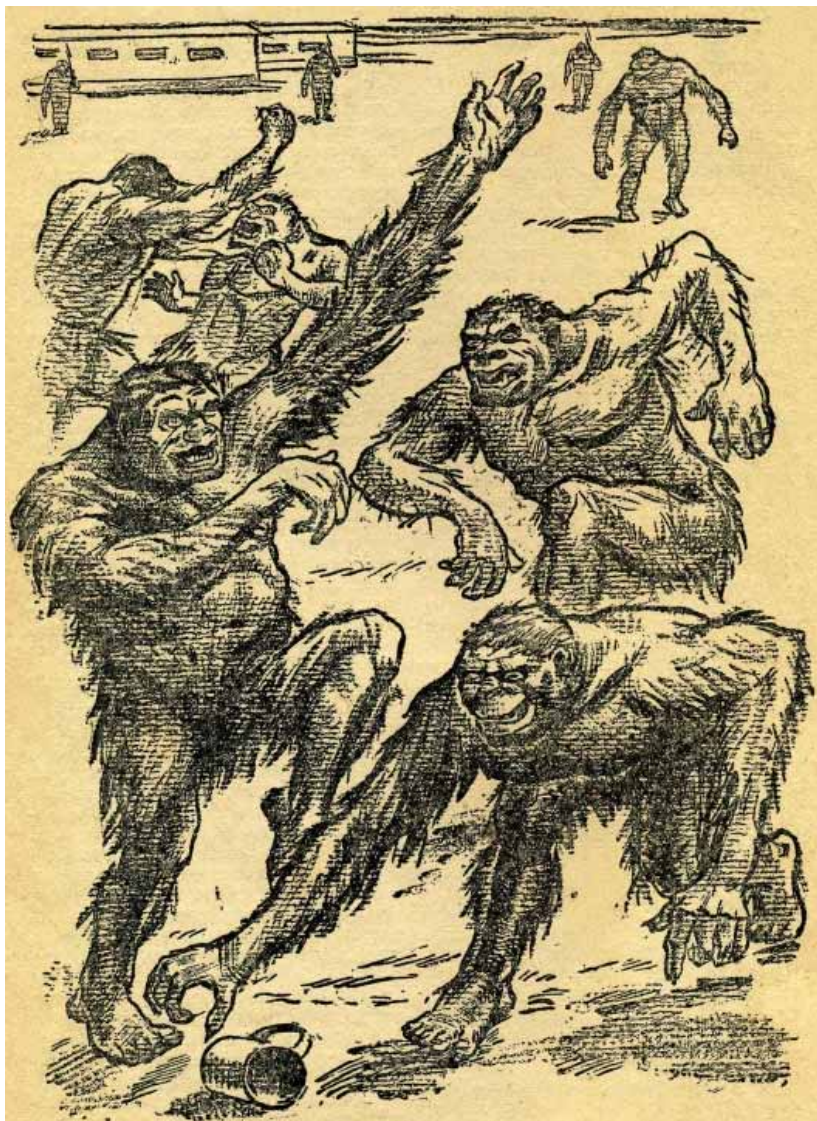
Ахматов изготавил наконец несколько гигантских лягушек в четыре-пять кило весом и теперь носился с ними как с писаной торбой. Однажды притащил в гостиную к мадам Ленуар, но та его тут же выпроводила. Вот и все события за неделю.

Впрочем, как-то в лабораторию зашел для переделки ацетиленовой печи Дюпон. Пользуясь случаем, он рассказал Ильину новости об обезьяньем лагере.

Во-первых — часть новых барачков уже была готова, и Дюпон целыми днями работал там — главным образом над оборудованием кухонь. Во-вторых — воинские занятия шли полным ходом, причем к ним были привлечены даже группы очень молодых гориллоидов (раннее по сравнению с человеком наступление половой зрелости у гибридов позволило Крозу взрастить за полтора десятка лет два поколения гориллоидов*. В-третьих — капитан испробовал действие спирта, и результат был настолько умиротворительный, что механик при одном воспоминании об этом опыте принялся хохотать во все горло.

Награждены были лучшие стрелки, причем после первой же доброй чарки гориллоиды пришли в телячий восторг: плясали, выли, потом бегали на четвереньках и в кон-

* Оранг-утаны и гориллы достигают нормального развития к 12-15 годам, но половая зрелость этих человекообразных наступает значительно раньше — к 8-10 годам.

*После первой же чарки гориллоиды пришли в телячий восторг:
плясали, выли, в конце концов передрались...*

це концов передрались друг с другом, за что и получили при вытрезвлении хорошую порку.

Тем не менее, по словам Дюпона, капитан остался доволен результатом и говорил, что получившие награду из кожи лезли, чтобы заслужить повторение. По реке прибыло несколько бочек спирта; часть его поместили в главном складе, а часть — «на текущий расход» — по ту сторону стены, в кладовой лагеря гибридов.

Все это подавало значительные надежды, но Дюпон считал, что торопиться отнюдь не следовало...

Ильин решил переконструировать сложную систему труб цилиндрической ацетиленовой печи, и таким образом следующие дни свидания с Дюпоном получили естественное продолжение. Занятные сведения сообщил Дюпон о гориллоиде по имени Луи, с которым у него была весьма содержательная беседа... и, чем черт не шутит! — может быть, в будущем из этого разговора вырастут большие последствия!..

Относительно Луи Ильин уже и раньше кое-что слышал, потому что капитан раза два или три о нем рассказывал. Это был совсем молодой гориллоид второго поколения, то есть родившийся от гибридного отца и гибридной матери. С внешней стороны он был типичным громадным мохнатым чудовищем, но выделялся среди других совсем уж непомерной силой и необычной для этих полузверей, совершенно человеческой сообразительностью.

Вдобавок, постоянно соприкасаясь с капитаном, Луи сравнительно недурно усвоил французский язык и, хотя не шел в нем далее отрывочных фраз, но понимал разговор довольно свободно. Остальные гориллоиды еще с детства усваивали понимание негрского языка, сами же были почти неспособны к членораздельной речи.

Исключительное развитие у Луи умственных способностей Кроз объяснял расщеплением в силу закона Менделя. Согласно этому закону, помеси двух разных пород (все равно, животных или растений) неустойчивы, и при скрещивании таких помесей друг с другом начинается так называемое расщепление. Потомство оказывается крайне пест-

рым, и отдельные признаки обеих пород комбинируются друг с другом во всевозможных отношениях, давая новые, иной раз крайне замысловатые формы.

Иногда при этом тот или иной признак наследуется только от одного из родителей. Тогда полученный экземпляр по этому признаку также неустойчив и в дальнейшем снова дает расщепление. Иногда же бывает, что слившиеся зародышевые клетки обоих родителей содержат ген одного и того же признака. В этом случае рождающийся экземпляр оказывается по этому признаку чистым и в дальнейшем никакого расщепления не дает. Иначе говоря, посредством расщепления возможно создавать вполне чистые и стойкие новые комбинации признаков.

Среди гориллоидов второго поколения расщепление порождало иногда крайне неожиданные формы. Так, в Луи получилось чудовищное соединение мохнатой шкуры и громадных челюстей гориллы с высоким лбом и мыслительной способностью человека. Случай этот был редким. Других подобных Луи экземпляров пока еще не появлялось, о чем, по мнению Лемуара, не приходилось жалеть.

Подавляющее большинство гориллоидов как по строению тела и оброслости его шерстью, так и по развитию интеллекта стояли примерно посредине между человеком и гориллой. Большого ума от них и не требовалось: иначе, как однажды заметил Лемуар, вся затея не стоила бы ломаного гроша.

Военной подготовке Луи отдавался со страстью и обнаружил в этой области такие таланты, что Лемуар выдвинул его из среды всех остальных и дал ему очень широкую власть над его товарищами.

Как-то в разговоре с Тракаром капитан, смеясь, стал выражать сожаление, что Луи никак нельзя произвести в офицеры — и только потому, что у него мохнатая шкура, — «а какая была бы прелесть представить его в офицерском собрании целующим ручки у дам!..»

При этой мысли Лемуар чуть на умер от смеха, а Тракар был глубоко возмущен. Еще туда-сюда использовать этих чудовищ как солдат, но мохнатый гориллоид-офицер,

то есть равный ему, Тракару, — это была такая гнусность, которой никто и никогда не допустит!

По словам Дюпона, его разговор с Луи вышел так: двое гориллоидов перетаскивали на место стройки тяжелую железную балку и, запыхавшись, остановились. Наблюдавший за работами Луи толкнул одного из них так, что тот свалился навзничь, затем поднял без видимого напряжения балку на плечо и, отнеся на место, с грохотом бросил на землю.

Потом, обращаясь к наблюдавшему эту сценку Дюпону, гориллоид гордо ударил себя кулаком в грудь и лающим басом сказал:

— Луи сильный! Всех бьет, никого не боится!

— Когда он это мне выложил, — докладывал Дюпон, — меня вдруг что-то словно за язык подтолкнуло. Я и говорю ему: «Ну, капитана-то и ты боишься, хотя мог бы его убить одним ударом кулака». — Этот болван долго молча смотрел, словно старался до чего-то додуматься. «А капитан может умереть?» — «Ну конечно, — отвечаю я, — пуля пробьет капитанскую голову так же, как и твою. Да ты его убьешь прямо кулаком, если захочешь». — «А что будет, если капитан умрет?..»

— Надо вам сказать, товарищ Ильин, что этот второй вопрос он тоже задал после долгого раздумья и, хотя на их собачьей морде ничего, конечно, не разберешь, но я полагаю, что для него самый-то предмет был уж очень необыкновенный... И вот, кстати: что бы вы ответили ему, товарищ Ильин?

— Не знаю. Ответить можно было по-разному...

— По-разному?! — голос Дюпона задрожал торжественно. — Настоящий ответ всегда только один, и я вам скажу, что дурак был Ленуар, когда взял меня в Ниямбу.

— Ну?..

— Я ответил этой образине, что тогда он, Луи, сам будет капитан!

— Здорово! — Ильин одобрительно усмехнулся. — Вы, видно, из хорошей школы агитатор, Дюпон.

— Да! И затем я, конечно сейчас же добавил: «Помни, Луи, капитан убьет тебя, если узнает, что я тебе это сказал. Он хочет, чтобы ты его боялся и не знал, что он может умереть». И — можете себе представить! — эту вещь Луи понял сразу. Вообще, хотя шкура у них мохнатая, но хитрости у этих бестий, я вам скажу, вполне достаточно... Конечно, на этом я пока и кончил. Хорошего помаленьку. Несколько дней он над новой идеей свою башку поломает, кое-какие выводы сделает, а до чего не додумается, то уж я добавлю через несколько деньков от себя... Ну, всего хорошего.

Дюпон ушел, весь сияя. Мысль, что ему удалось наконец зацепить сбоку рукоять грозного оружия, созданного в Ниямбе, наполняла его гордой радостью. Первая брешь пробита. Борьба началась! Теперь уже во многом от него самого, от его решимости, хитрости и воли зависел исход этой борьбы.

XVIII.

В ЛАГЕРЕ ГОРИЛЛОИДОВ

Через два дня после этого разговора снова состоялось свидание Ильина с Дюпоном в запущенном грязном углу сада, позади мастерской. Вдоль стены валялись груды железных обломков и строительного мусора. Остатки фундамента и стен находившейся здесь ранее и несколько лет назад сгоревшей пристройки к мастерской поросли густым колючим кустарником. Место было малоинтересное для прогулок, редко когда кем посещалось и поэтому оказалось достаточно удобным для тайных бесед.

За эти два дня как будто не произошло ничего существенно нового, и тем не менее с первых слов Дюпона Ильину стало ясно, что период общих разговоров остался позади и что их предприятие получило самостоятельное движение, уже увлекающее за собой самих инициаторов.

Механик сообщил, что он еще раз вчера перекинулся несколькими словами с Луи, и у него создалось впечатление, что молодой гориллоид сполна захвачен размышлениями о грандиозных и чарующих полужверя перспективах, которые открылись ему благодаря намекам Дюпона. Луи жадно расспрашивал: как умирают белые? верно ли, что капитан может умереть? сколько белых живет там, за рекой?..

— Можете быть спокойны, — прибавил механик, — по всем этим пунктам он получил подходящие ответы.

Глаза Дюпона горели сосредоточенным возбуждением, все черты лица, как показалось Ильину, словно заострились, и ученый как-то сразу понял, что он, Ильин, теперь только маленькая пешка в завязавшейся игре и что с ним или без него события все равно будут развиваться.

— Пока, — продолжал механик, — дело идет по линии моего знакомства с этим мохнатым чертом, но очень желательно, чтобы и у вас получился с ним какой ни на есть

контакт... Ну, хотя бы, для начала, чтобы он знал вас в лицо... Сделать это нетрудно, потому что Лемуар вам в любой момент разрешит бывать по ту сторону стены, а чтобы он дал вам в проводники Луи...

Дюпон запнулся на полуфразе и задумался.

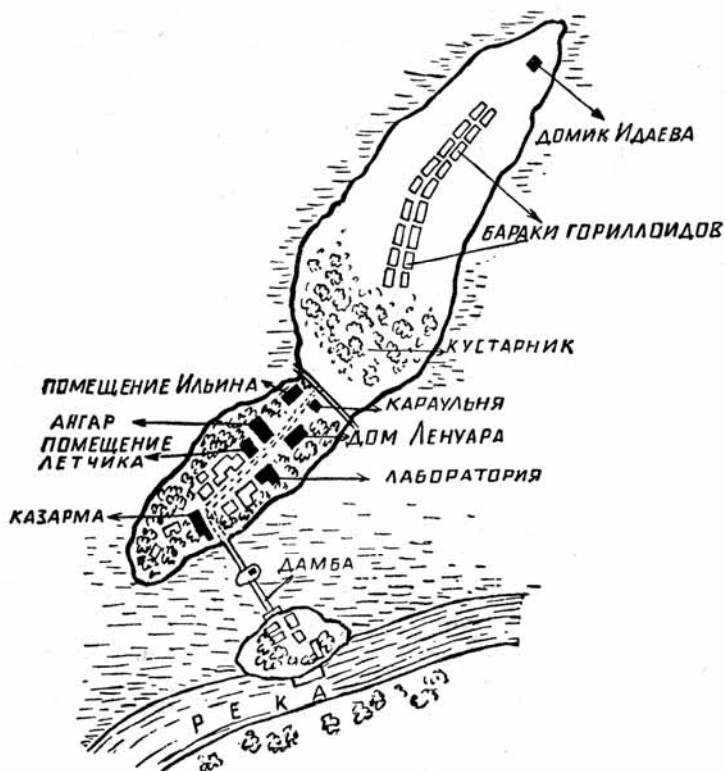
— Я полагаю, что сделать это очень просто, — быстро перебил Ильин, — я проявлю желание посмотреть гориллоидов в их, так сказать, домашней обстановке, когда их не пригибает к земле и не превращает в автоматов присутствие грозного капитана.

— Великолепно! Но только я вас предупреждаю, — продолжал механик, — что обращение с этой публикой чрезвычайно трудное. Скажем так: вы ведь ясно представляете, как надо приучать к себе крупную злобную собаку? А теперь представьте, что к вам хитро приглядывается дикарь. Приглядывается и соображает: с какого боку от вас можно получить пользу?... Так вот, мой мохнатый приятель— это и то и другое, и до черта трудно сообразить: когда имеешь перед собой крупного пса, которого можно приручить лаской или страхом, а когда — человека, может быть, похитрее и поумнее тебя самого... Это все вы имейте в виду при встрече с Луи, но связаться с ним нужно, потому что не так-то легко будет и нам в случае чего вылезть из воды, если и не вовсе сухими, то по крайности не слишком высоко замочив штаны.

* * *

Лемуар был очень заинтересован идеей осмотра Ильиным в сопровождении Луи лагеря гориллоидов и, давая пропуск, поставил одно условие: чтобы Ильин в тот же вечер зашел к нему и передал свои еще свежие впечатления.

Туземный солдат проводил Ильина до первых домиков лагеря за стеной, где уже ожидал молодой гориллоид, предупрежденный о предстоящем посещении. Как только солдат повернулся спиной к воротам, гориллоид резким дви-

План Няамбы.

жением пригнулся и подался вперед. Темные, глубоко запавшие глаза чудовища уперлись в глаза Ильина, потом с жадным вниманием ощущали всю его фигуру.

Ильин уже привык к бесцеремонному рассматриванию своей особы неграми, но здесь было нечто совсем иное. Там глядели наивные и потому немного смешные человеческие глаза, — здесь перед ним находилось бесконечно жадное существо иного мира. Так, должно быть, чувствует себя животное в клетке зоологического сада под упорными и жадными взглядами столпившихся вокруг людей...

Потом жуткая рожа гориллоида передернулась странной гримасой, и нельзя было понять, какому переживанию она соответствовала. Луи скова выпрямился и хрипло, но внятно сказал:

— Пойдем!..

Лагерь представлял собой скопление деревянных барачков, разбросанных почти беспорядочно. Луи молча вошел в ближайший из них. Внутреннее устройство было обычного казарменного типа с двумя рядами нар по стенам и с проходом посередине. Барак был пуст, и на нарах слева валялась одинокая, свернувшаяся клубком мохнатая фигура. Луи вдруг издал резкий, ни на что не похожий лающий крик, и лежавший гориллоид сразу сорвался с места, дико оглянулся на вошедших и, нелепо согнувшись, почти касаясь пола руками, выкатился наружу.

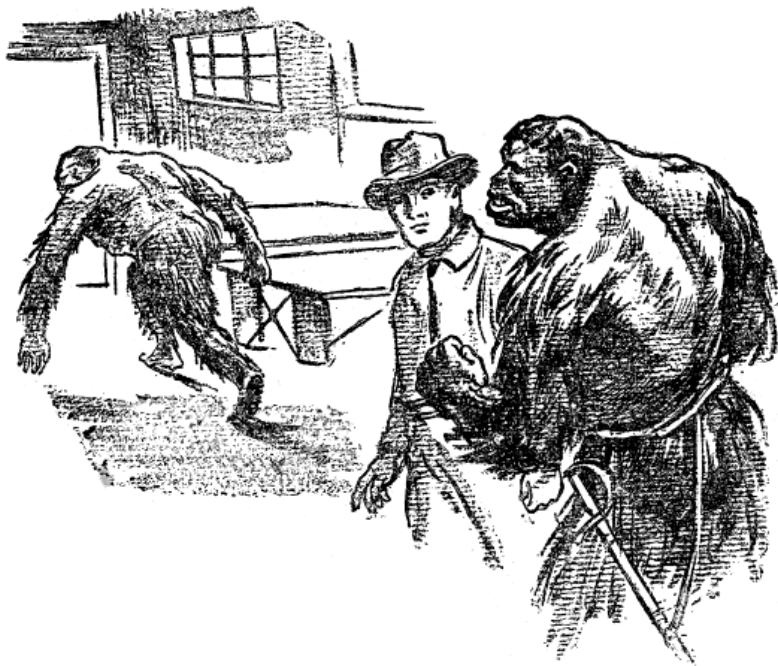
— Каналья! — забормотал Луи. — Он должен быть на учении... Буду бить!..

Он зашагал вперед и через вторые двери вышел наружу.

Воздух в казарме был тяжелый. К характерному запаху негритянского пота примешивался другой, противный и острый и, выйдя наружу, Ильин с наслаждением подставил лицо свежему ветру.

Барак находился на гребне небольшой возвышенности, прорезывавшей остров вдоль и полого спускавшейся с обеих сторон к болоту; отсюда вся средняя и северо-восточная часть острова была видна как на ладони. Остров был сильно вытянут в длину по направлению с северо-востока на юго-запад, почти параллельно руслу реки, которое смутно вид-

нелось справа сквозь заросли мангровых деревьев на болоте. Судя по илисто-песчанистой почве, остров был наносного происхождения и образовался вследствие передвижения русла реки к югу, после чего он остался сухим пятном над поверхностью полужидкого ила.

Луи издал резкий крик, и лежащий гориллоид сразу сорвался с места и, нелепо согнувшись, выкатился наружу...

Мангровые деревья иногда густыми зарослями покрывают болота Западной Африки. В таком случае их толстые воздушные корни, конусом спускающиеся со ствола, соприкасаются или даже переплетаются друг с другом и образуют как бы воздушные мосты, позволяющие перебираться через болото с дерева на дерево. Здесь же мангровые деревья

были разбросаны поодиночке на далеком расстоянии друг от друга и лишь кое-где соединялись в небольшие группы. Поэтому болото было недоступно для каких бы то ни было животных, даже обезьян, и производило впечатление пустыни. Лишь несколько цапель бродили вдали по берегу протока, прорезывавшего болото, да многочисленные маленькие рыбки «бомми» сустились и прыгали на поверхности ила.

Эта рыбка из подотряда колбневых благодаря особому устройству жабр получила способность жить вне воды. Ее плавники преобразовались в подобия рук, позволяющие бомми не только стремительно бегать по илистым отмелям, но даже взбираться на значительную высоту по корням мангровых деревьев. Бомми совершенно несъедобны. Ими пренебрегают даже цапли, и эти рыбы-русалки массами заселили болота Западной Африки.

Справа и слева от срединной возвышенности остров представлял собою почти голую равнину с редкими чахлыми деревьями. Между бетонной стеной и бараками тянулась полоса довольно густая древесная заросль, пересекавшая поперек остров и закрывавшая с юга вид на часть острова, занятую лагерем гориллоидов. Поверх поросли вдали поднималась вершина одинокого гигантского дерева, и, взглянув на него, Ильин невольно улыбнулся, вспомнив о том, как с этого дерева он в первый раз бросил взгляд поверх стены.

Наконец, впереди, в северной части острова светлыми пятнышками блестели на солнце ряды новеньких, только что выстроенных бараков, предназначенных для вновь прибывающих партий негритянок. Здесь в ближайшее время должна была уже в широком масштабе развернуться чудовищная идея Ленуара. За последние дни мысль об этом как-то пассивно скользила по сознанию Ильина. Но теперь вдруг остро почувствовалось, что светлые точки там, вдали означают совсем близкое осуществление нечеловеческого предприятия, и горячей волной хлынувшее отвращение сразу смыло остатки колебаний и сомнений.

Он обернулся к своему спутнику и неожиданным для самого себя тоном приказания отрывисто бросил:

— Пойдем к Дюпону!

По лицу гориллоида снова, как при встрече, пробежала странная гримаса, возможно, означавшая улыбку, и он, ничего не ответив, направился к ближайшему барaku, откуда доносился стук молота по металлу.

Несколько гориллоидов втаскивали в двери здания какой-то тяжелый железный бак. При первом посещении лагеря в присутствии Ленуара Ильин, естественно, не мог сосредоточиться на деталях, но теперь он внимательно осмотрел фигуры работавших. Судя по меньшему сравнительно росту и живости движений, это был подрастающий молодой, и Ильину бросилось в глаза разнообразие в их внешнем облике. Некоторые имели типичную мохнатую шкуру гориллы, у других волосатость тела была не больше той, какая наблюдается и у человека. Один из гориллоидов оказался довольно похожим на Луи, и его стройная, почти человеческая фигура была с ног до головы покрыта густой мохнатой шерстью зверя... Все эти различные комбинации, очевидно, создались в результате расщепления между признаками человека и обезьяны.

При приближении Луи ближайшие гориллоиды боязливо посторонились, затем снова торопливо потащили свою ношу. Луи, не оглянувшись в их сторону, направился к дверям барака. В движениях его массивного и несоразмерно громадного даже в сравнении с остальными гориллоидами тела чувствовалась гордая уверенность в своей силе и власти.

Внутри помещения раздался голос Дюпона, и механик показался в дверях.

— Ну вот вы у нас в гостях, — сказал он, улыбаясь и протягивая руку. — Мы сейчас устанавливаем здесь водопроводный бак, а воду берем из колодца глубиной в четыре метра вон там, за стеной барака. Болотная водица оказалась немного плоховатой даже и для этой публики, даром что она не отличается слишком нежной комплекцией.

— Скажи-ка им, Луи, — продолжал он, — чтобы они втащили бак внутрь и оставили его пока. Дело это не уйдет, а мы сейчас покажем гостю здешнее царство капитана Лемуара... Или, может, твое, Луи, а?..

Он усмехнулся и взглянул в сторону стоявшего рядом с ним гиганта. Тот ничего не ответил. Вообще, как убедился Ильин, он не злоупотреблял своей способностью речи и объяснялся по мере необходимости короткими отрывистыми фразами. Возможно — потому, что разговор являлся для него все же делом довольно трудным.

Оставив позади группу бараков, Дюпон направился вдоль гребня возвышенности к той части острова, где происходило размножение гориллоидов. Еще утром Ильин имел в виду подробно осмотреть эти бараки, но теперь под влиянием вдруг вспыхнувшего в нем несколько минут назад чувства отвращения он категорически отказался. Мысль увидеть несчастных негритянок с маленькими чудовищами на руках вызвала ощущение, похожее на тошноту...

Как передавал Кроз, материнский инстинкт и здесь полностью сохранил свою силу. Логически это было вполне естественно, потому что чувства человека, как и инстинкты животного, — половое влечение, материнский инстинкт и другие — являются не чем иным, как реакцией организма на проникновение в кровь тех или иных возбуждающих веществ, выделяемых различными частями организма; но здесь правильность научного положения получила жизненную проверку на самом, может быть, высоком человеческом чувстве — материнской любви, и это казалось отвратительным и ужасным...

Дюпон не стал настаивать. В этом пункте его отношение к опытам Ниамбы было еще более непосредственным и прямолинейным. Всякий научный опыт является в той или иной форме отклонением от естественной жизни природы, и для научного работника извлечение из опыта новой истины оправдывает многое. Дюпон не был научным работником, и его точка зрения была как-то раз выражена фразой, что всех участников предприятия в Ниамбе он бы

без колебаний отправил на смерть, если бы имел возможность это сделать...

По мере обхода лагеря гориллоидов тяжелое настроение Ильина все нарастало, и через полчаса он отправился обратно. Впрочем, чего-либо особенного ему и не пришлось увидеть. Обстановка жизни обучаемых военному делу чудищ не отличалась от обычной казарменной обстановки и сводилась к учению, работе, еде и сну.

При прощании Ильин мгновение колебался, но все-таки протянул руку молодому гориллоиду. По лицу Луи снова пробежала уже знакомая гримаса, кости руки Ильина чуть не хрустнули под пожатием железных пальцев и, обернувшись в воротах, он увидел, что мохнатый гигант провожал его пристальным взглядом.

ХІХ.

ЛЕНУАР ВО МНОГОМ ОШИБАЕТСЯ

Уже около двух недель прошло со времени осмотра Ильиным лагеря, и за это время события неотвратимо назревали.

С молодым гориллоидом, по сообщению механика, дело значительно продвинулось: жажда кровавой борьбы и власти над толпами вооруженных чудовищ целиком захватила примитивный мозг полузверя.

Момент действия еще не был решен, но откладывать удар, по мнению Дюпона, не имело смысла, да и за Луи трудно было ручаться, потому что «черт его знает, как устроены мозги у этих животных»: никак нельзя быть уверенными в постоянстве их настроений или в том, что тот же Луи не выкинет сдуру какую-нибудь несообразную штуку. А потому надо ковать железо, пока оно горячо.

Ильин объективно не мог не признать справедливости этих рассуждений, но перед ним вставал вопрос: как быть с Мадлен? После памятного разговора в саду он видел ее несколько раз, всегда дома, и каждый раз чувствовалось, что молодая женщина избегала оставаться наедине с ним, да и он сам почему-то начинал прощаться, если такая возможность представлялась.

Летчик, с которым мадам Лемуар держалась чрезвычайно холодно, совсем увял и сильно пил, впрочем, только дома — видеть его пьяным не приходилось. Компанию ему составлял Ахматов, который, правда, к спиртным напиткам был равнодушен, но нашел в пьяном Тракаре недостававшего ему собеседника.

Лемуар был поглощен работой в лагере гориллоидов и часто не ночевал дома. В обращении его появилась какая-то холодность и как будто настороженность, которых раньше не было, и несколько раз Ильин поймал взгляд капитана, переходивший с жены на него и обратно. Последнее

было тем более странно, что Ильин <не> ухаживал за мадам Ленуар, а любовь летчика была вся как на ладони, — и все же капитан относился к Тракару с полнейшим безразличием.

Часто бывает трудно уловить момент, когда скрытые и постепенно накапливающиеся силы начинают разряжаться действием. Быть может, это произошло именно тогда — в полуденные часы тягостно длинного и знойного дня.

Низкое жаркое солнце плавало в густой сероватой мгле, монотонный звон цикад, казалось, струйками стекал с неподвижных вершин деревьев, и какое-то неопределенное, томительно нараставшее беспокойство вливалось с тяжелым влажным дыханием болота.

В эти часы работа почти была невозможна, и Ильин по возвращении из лаборатории долго лежал на постели, пассивно перебирая в уме события последних месяцев. Разорванными теньями проходили и снова таяли бессвязные обрывки мыслей. Моментами ярко вставала перед глазами родина, такая сейчас недосыгаемо далекая, что образы прошлого казались видениями какого-то иного, покинутого и уже навсегда недоступного мира.

Теперь только порывом дикого помешательства Ильин мог бы объяснить подписание пятилетнего контракта, оторвавшего его от мира нормальных живых людей. Правда, он еще молод, а пять лет — это всего лишь пять... Но тут же Ильин горько усмехнулся и, выругав себя за наивность, порывисто поднялся с постели.

Ведь не через пять лет, а вот уже совсем скоро — кто знает, может быть, даже через несколько дней! — все разрушая крутом, сохнет в огненный клубок отчаянное предприятие Дюпона, и заранее можно сказать, что не очень велики будут тогда для них самих шансы выбраться целыми из бури, которая разразится в Ниамбе.

Но кроме них, здесь была Мадлен. И он пока даже приблизительно не представлял, с какого конца подойти к задаче спасения молодой женщины.

Минуту Ильин оставался в нерешимости, потом надел пробковый шлем и решительно двинулся к дому капитана.

Он и сейчас не знал, как и о чем придется говорить с Мадлен. Он чувствовал только, что оставаться в бездействии больше нельзя и что для самой безопасности Мадлен нужно как-то перебросить мостик через разъединяющую их пропасть условностей.

Ленуары оказались одни. Капитан равнодушно поздоровался с Ильиным и сейчас же возобновил монотонное хождение по диагонали от одного угла комнаты к другому, — это была его обычная манера, когда он о чем-либо напряженно думал.

Мадлен молча сидела в углу. Видимо, она обрадовалась приходу Ильина, но затем как-то сразу потухла и на его слова отвечала редкими и короткими репликами.

Капитан, не обращая внимания на жену и гостя, да, пожалуй, и не замечая их присутствия, продолжал мерно и быстро ходить по комнате. Иногда, очевидно, в ответ на свои мысли, он слегка улыбался — и сейчас же ускорял шаг.

Мадам Ленуар вдруг заговорила необычно для нее резким тоном:

— Знаешь, Марсель, если ты не можешь думать о чем-нибудь иначе, то, может быть, ты выберешь для этого другое место? Я не обижаюсь на то, что мы для тебя сейчас вообще не существуем, но я чувствую, что твоя привычка часами мерить комнату, не видя ничего окружающего, действует мне на нервы.

Капитан остановился, явно с неохотой оторвавшись от своих мыслей.

— Нервы у тебя испортились от скуки, — возразил он. — Вот если бы ты интересовалась моей работой... Ну да, пожалуйста, не возражай! Я достаточно знаю твое отношение к этой теме. Ничего! Через четыре-пять лет моя миссия здесь будет в основном закончена, и мы снова вернемся в цивилизованный мир.

Мадлен резким движением поднялась со стула, и Ильин с удивлением в первый раз за все их знакомство увидел на лице молодой женщины жесткое и решительное выражение.

— Пять лет? — спросила она. — И ты серьезно думаешь, Марсель, что я останусь здесь еще пять лет!.. Ты понял ли, что ты сказал?

Капитан изумленно взглянул на жену и, видимо, окончательно отрешившись от занимавших его мыслей, подошел к столу и опустился в кресло.

— погоди, Мадлен, — уже серьезно сказал он. — Ведь ты же понимаешь, что начатое здесь дело не может закончиться в ту минуту, когда мне это захочется. Значит, мне физически невозможно отлучиться отсюда, просто потому, что меня никто не мог бы заместить.

— А почему бы, капитан, — вмешался Ильин, — вам не отправить на время вашу жену в Европу?

Ленуар обернулся и широко открыл глаза.

— Чтобы через месяц наши здешние дела со всеми пикантными подробностями описывались во всех иностранных газетах? — возразил он. — Да вы же наивный ребенок, Ильин! Мадлен — женщина. Вдобавок — совершенно не интересующая моей работой. Я представляю, как она будет жаловаться своим родственникам и знакомым на жизнь в Ниамбе. В первую очередь, конечно, достанется мне, а затем выплывут на свет мои гориллоиды... Не возражай, пожалуйста, Мадлен! Что бы ты ни обещала, я ведь знаю, что это объективно неизбежно, потому что ты женщина, а женщина...

— Не человек, — вставил Ильин.

— Конечно, не вполне человек! Хотя должен отметить, что и среди лиц, носящих брюки, не так много настоящих мужчин. Да чтобы не ходить далеко... Не сердитесь на меня, Ильин. У вас широкие плечи и великолепные мускулы, но вы баба, Ильин. Очевидно, просто от рождения, так что вы здесь совершенно ни при чем. Сказать вам, какова будет ваша дальнейшая жизнь? Прежде всего, вы отработаете свои пять лет в Ниамбе. Правда, отработаете с большим трудом. Будете киснуть хуже ее. — Ленуар кивнул в сторону жены. — Будете думать о самоубийстве, но с собой не покончите. Будете мечтать о побеге, но планов своих в исполнение не приведете, потому что вы неспособны на решительный по-

ступок. И даже с ума не сойдете, что со многими случается, так как у вас совершенно здоровое и нормальное тело.

Ильин молча переждал паузу, сделанную Ленуаром.

— Это относительно вас, — опять заговорил капитан. — А тебе, Мадлен, я скажу вот что. Через четыре-пять лет ты выйдешь отсюда вместе со мной. Ты поделишь со мной безмерную славу грозного подвига, потому что выход в свет рожденных здесь чудовищ будет великим днем в жизни нашей родины и цивилизации. Тогда ты вознаградишь себя за все, а пока ты останешься здесь со мной, так же, как он и многие другие, как бы им ни хотелось этого избежать.

Мадам Ленуар опять встала и, встряхнув головой, ответила так же, как говорил он, холодно и твердо:

— Этого не будет, Марсель. Мне не нужно того, что ты предлагаешь мне через пять лет; эти пять лет жизни принадлежат мне, а не тебе, и тебе я их не отдам. Да просто я не смогла бы сделать этого, если бы и согласилась, потому что...

Она снова опустилась на стул и закрыла глаза рукой.

— Я не могу больше, — сказала она вдруг изменившимся и задрожавшим голосом. — Я скорее покончу с собой в этой топи, но я не могу прожить здесь даже и один еще год...

Капитан внимательно посмотрел на жену и чуть усмехнулся.

— Ничего этого, конечно, не будет, — спокойно возразил он, — в особенности проекта с болотом. Я еще допустил бы подобную возможность в другой обстановке — ну, скажем, высокий обрыв над морской пучиной. Это было бы, по крайней мере, так сказать, поэтично. А то представь себе: такая изящная дама, барахтающаяся в черной полужидкой грязи!

Он расхохотался и уже весело и ласково добавил:

— И не будь глупой, Мадлен, а то смотри, какой кислый разговор мы затеяли при Ильине. У него от сочувствия тоже глаза почти на мокром месте.

Ильин, до сих пор молча сидевший у окна, поднялся и взял шлем. Слова Ленуара не оскорбили его. Ведь этот несчастный капитан не знал, что теперь для Ильина дело идет

не о самоубийстве и не о побеге. Но стало мучительно неловко перед Мадлен. Это был первый случай, когда при посторонних обнажалась трещина, разделявшая капитана и его жену, и, очевидно, слишком уже натянулось что-то между ними, если такой разговор мог произойти в присутствии постороннего. Он молча поклонился и направился к дверям, но Мадлен решительным жестом остановила его.

— Я очень прошу вас остаться, — сказала она. — У меня такое настроение, что мне бы не хотелось быть сейчас одной.

Капитан взглянул на побледневшее и немного растерянное лицо Ильина и уже совсем дружелюбно усадил его в кресло:

— Сидите, Ильин. Мадлен должна сейчас выпустить заряд кислых слов. Вы как раз подойдете в качестве сочувствующего слушателя, а я для этого очень мало приспособлен... И не сердись на меня, Мадлен, — мягко добавил он, — я знаю, что тебе скучно и тяжело. Но ведь другого исхода нет. Хотим мы или не хотим, но великое дело, начатое здесь, требует от каждого из нас известной жертвы... Я уйду сейчас по делу к профессору Крозу и часа через полтора вернусь к обеду. Надеюсь застать тебя уже в хорошем настроении!

Капитан приветливо улыбнулся и вышел. Наступило молчание. Мадлен сидела, опустив голову, и медленно перебирала рукой складки скатерти. Ильин не решался первым приступить к объяснению.

— Мне очень тяжело, — начал он наконец, — что я присутствовал при этом разговоре. Впрочем, быть может, это даже и к лучшему: я шел сюда отчасти с целью переговорить с вами как раз на затронутые сегодня темы. Самое главное — вам надо настоять на своем отъезде в Европу.

Молодая женщина подняла опущенные глаза и грустно усмехнулась:

— А вы думаете, сегодняшний разговор был первым нашим столкновением по этому поводу? Вы же сами видели, что ваш совет исполнить не так легко. До некоторой степени мы с вами в одинаковом положении, Ильин.

Ильин быстро шагнул к молодой женщине, но на полпути внезапно остановился. Последними словами Мадлен разорвала тонкую и прозрачную, но упруго отталкивающую преграду, которая их разделяла, и радостная решимость опьяняющей волной смыла тоску и колебания последних дней.

— Капитан сегодня заявил, — сказал Ильин, — что судьба не наградила меня избытком решимости. Это неверно, Мадлен.

Он в первый раз в жизни назвал ее просто по имени и сам даже не заметил этого.

— Я полагаю, — продолжал он, — что вам еще придется проверить мои слова на деле... Пока же я могу сказать вот что: у нас в СССР решимость раньше дела не брызжет искрами, но история наглядно показала, какую ломающую преграду волю к победе мы развернули в великой борьбе последних десятилетий. Эге! Разве мы не потрясли старым миром — так, что гнилые щепки, вроде нашего Ахматова, полетели через границу в самые отдаленные углы земного шара?

В голосе Ильина зазвучали совсем новые для Мадлен интонации беззаботной, уверенной и властной силы. Он взял обе руки молодой женщины и прижал их ладонями друг к другу.

— Знаете, Мадлен, — добавил он. — Дело вовсе не так плохо. Это вы увидите. Мне нужно только одно: когда понадобится, то решительно и без всяких колебаний полагайтесь на меня. Мы еще будем товарищами не только по несчастью.

Он мог бы поцеловать безвольные руки Мадлен, но, движимый каким-то властным инстинктом, не сделал этого, вместо того крепко пожал руку молодой женщины и молча вышел наружу.

Он уже знал, что в то мгновение, когда он стоял рядом с Мадлен, сжимая ее тоненькие, совсем покорные руки, что-то огромное совершилось, и лишние слова более не нужны.

Мадлен опустилась на стул у окна и, закинув назад голову, долго смотрела вдаль, ничего не видя перед собой. В голове ее беспорядочно теснились мысли — непонятные, радостные и страшные. Мгновениями перед глазами, как на экране кино, появлялась и снова исчезала громадная фигура Ильина, как она его видела минуту назад — с беззаботной улыбкой и словно чужими на его приветливом лице железными серыми глазами.

Самое жуткое было в том, что ведь он сейчас держал ее в своих руках и даже не сделал попытки ее поцеловать и обнять. Это потому, что для него она уже не была женой врага, а только его товарищем, связавшим с ним свою жизнь.

И вдруг обнаженно ясно стало, что вся ее прежняя жизнь, надламываясь, уходила куда-то назад! Что-то новое надвигалось — непредставляемое, радостное и страшное...

XX.

ДРАМА В САДУ

На другой день Ильин не зашел повидать Мадлен. Он не смог бы объяснить себе, почему он так поступил. Может быть, потому, что со вчерашнего дня мысль о ней стала всеохватывающей и неотвязной! Он чувствовал, что если он не сдержит себя напряжением воли, образ Мадлен вытеснит из сознания все остальное, а этого при создавшемся положении нельзя было допускать.

К вечеру это решение стало уже глубоко обдуманым и твердым, а назавтра — неизвестно, как это случилось, — Ильин уже поднимался на веранду под пальмами.

Мадлен оказалась одна. На ней было узкое золотисто-медного цвета платье, которое Ильину очень нравилось и которое он как-то раз с восхищением расхваливал. Тогда Мадлен смеялась и обещала часто его надевать, чтобы доставить ему удовольствие, но обещания не исполнила.

И — может быть, это впервые исполненное сегодня обещание не было случайностью и говорило о вещах, о которых Мадлен хотела и не могла сказать, или просто сегодня должны были быть произнесены назревшие слова, — но только все произошло сразу, прямо и просто.

Ильин молча поклонился молодой женщине и, усевшись против нее, вдруг неожиданно для самого себя сказал:

— Знаете, чрезвычайно скверное дело. Оказывается, я вас люблю.

Мадлен на мгновение подняла на него глаза, затем снова опустила их и ничего не ответила. Ильин глубоко, словно взбираясь на гору, вздохнул и продолжал тихо, делая длинные промежутки между словами:

— Тогда в саду я сказал вам правду. Даже в последний раз я подошел к вам как к другу, и в этом я не обманывал вас, потому что в ином я тогда не решился бы признаться

даже себе. Теперь это случилось, и это плохо, потому что быть около вас в создавшейся обстановке я не могу, а покинуть Ниамбу не имею сейчас возможности. Это во-первых; а во-вторых — боюсь, что теперь в вас не будет необходимого доверия ко мне, а оно абсолютно необходимо, так как положение продолжает ухудшаться. Вы чувствуете? Вокруг нас нарастает громадное напряжение, и скоро, быть может, оно разразится взрывом. Моментами я нестерпимо боюсь за вас. Ну вот, я это сказал, и не сердитесь на меня. А теперь я уйду и попрошу вас иметь ко мне такое же доверие, как если бы ничего не было сказано.

Он поднялся и секунду стоял, не решаясь на прощание прикоснуться к ее руке.

Мадлен подняла на него глаза и улыбнулась.

Ильин глядел на нее, еще не веря глазам, затем Мадлен также встала и дотронулась до его рукава.

— Уйдемте отсюда, — сказала она. — Может быть, хорошо, что вы это сказали. Мне тоже нужно переговорить с вами, и я не хочу, чтобы кто-нибудь пришел сюда, и мне пришлось бы опять изображать хозяйку дома.

Еще через минуту они шли по дальней аллее сада, и Ильин взволнованно и торопливо оправдывался:

— Не сердитесь на меня. Я и сам не представляю, как это случилось. Верно, потому, что сегодня вы в этом платье. Да. Я думал, что вы нарочно не надевали его, когда я об этом вас просил, а теперь я вас в нем увидел, и мне показалось... что вы сделали это... ну, не случайно.

Молодая женщина обернулась к нему и серьезно ответила:

— Да, это не было случайно... Я не знаю, для чего я это сделала. — Она вдруг улыбнулась. — Но только все-таки не случайно. Может быть, мне хотелось сделать вам приятное... или... я не знаю...

Все-таки Мадлен сказала достаточно. По крайней мере, Ильину так показалось. Они остановились. Уже совсем просто и без всяких колебаний он сжал ее руки, а через несколько минут как-то само собой случилось, что Мадлен,

положив ему голову на плечо, радостно и облегченно плакала...

Едва ли Ильин смог бы повторить впоследствии то, что было сказано в эти минуты, когда они шли рядом по темной, закрытой низко склонившимися ветвями аллее. Он рассказывал, как он думал о ней с момента пробуждения и до поздней ночи.

Мадлен шла молча, иногда поднимала глаза на Ильина и спокойно улыбалась. Несколько раз она тихо дотрагивалась до его руки, потом вдруг остановилась и прижалась к его груди.

Резкий треск ветвей и голос Лемуара раздались с такой нелепой внезапностью, что в первую секунду Ильин как-то не поверил в реальность этих звуков. В следующий момент он одним прыжком бросился навстречу выходившему из-за кустов капитану.

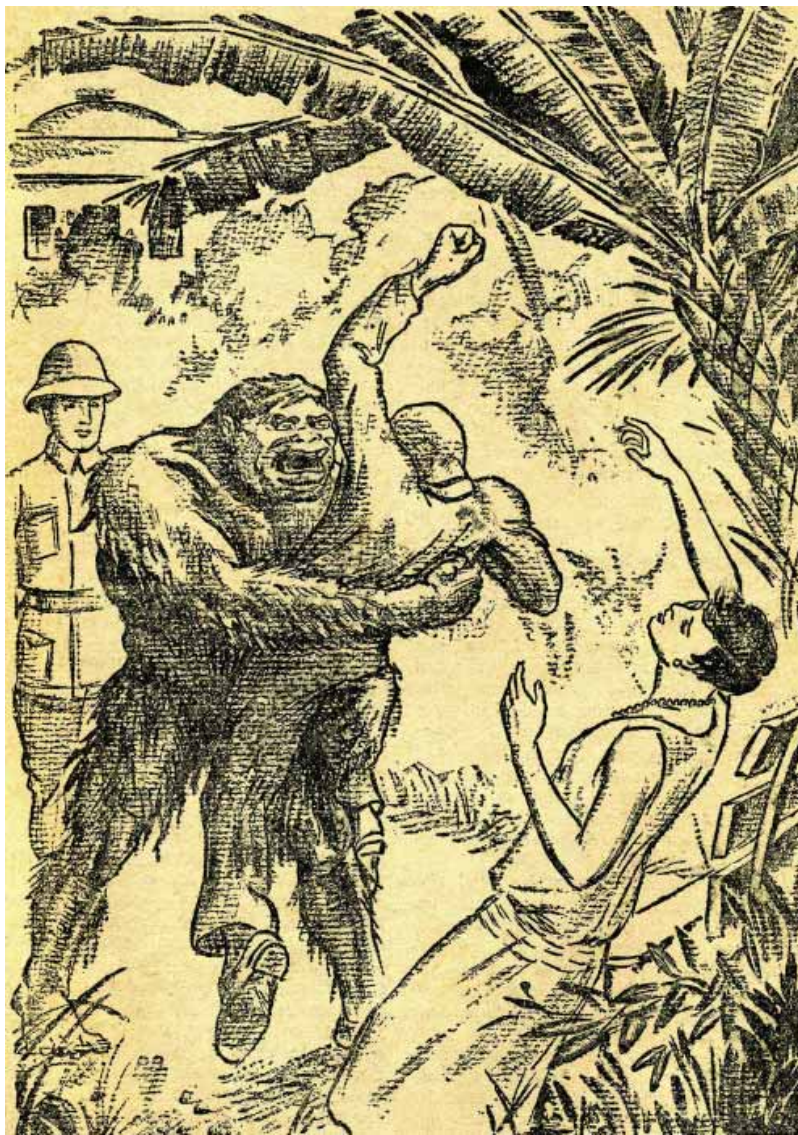
Лемуар остановился, но не сделал никакого движения для защиты, а только коротко и резко свистнул. В то же мгновение черная масса, ломая кусты, ринулась откуда-то сбоку, и детски бессильными оказались великолепные мускулы одного из лучших спортсменов Москвы в мохнатых лапах чудовища. Оскаленные клыки лязгнули у самого уха, нестерпимо зловонным дыханием пахнуло в лицо, и последним усилием воли Ильин принудил себя закрыть глаза, чтобы встретить смерть по крайней мере с меньшим напряжением ужаса.

Странно, что он не слышал окрика капитана... или, может быть, тот подал знак рукой. Объятия гориллоида вдруг разжались, и Ильин упал на песок дорожки.

Когда он поднялся, Лемуар спокойно стоял в нескольких шагах от него. Возле скамьи, опрокинувшись навзничь, лежала в глубоком обмороке Мадлен.

Всем остатком воли Ильин выпрямился и взглянул в лицо врага.

— Вы трус и негодяй, капитан! — сказал он. — Конечно, у вас никогда не хватит храбрости своими руками или оружием защитить свою честь, если таковая у вас имеется.

Черная масса, ломая кусты, ринулась на Ильина, и мускулы одного из лучших спортсменов Москвы оказались детски-бессильными в лапах чудовища...

— Это вы, очевидно, насчет поединка? Дуэль? — Капитан широко расхохотался. — Господи, какие еще чудачки живут на свете! Он думает, что я, Марсель Лемуар, после такого оскорбления доставлю ему радость сразиться как равному и умереть от моей руки. Нет, милейший. Вам предстоит иной конец. То есть я пока еще не знаю точно, какой. Я подумаю. Во всяком случае, я не хотел бы быть на вашем месте, мсье Ильин! Может быть, это будет сегодня, а может быть, еще очень не скоро. Я хочу доставить вам возможность хорошенько почувствовать ваше положение. Надеюсь, вы не имеете возражений?

Ильин почувствовал, что холод безотчетного ужаса волной прошел по нему. В следующий момент страх покрылся вспышкой нерассуждающей ярости, и со спокойствием и твердостью в голосе, которые на мгновение радостью наполнили его сердце, он ответил, глядя в глаза капитану:

— До сих пор я вас не считал скверной гадиной, капитан, и поскольку выяснилось, что я заблуждался, примите от меня это вполне заслуженное определение.

— Хорошо, — Лемуар слегка вздрогнул и побледнел.

Несколько коротких на непонятном языке слов, и гориллоид одним прыжком кинулся вперед. Снова бессильной оказалась короткая попытка сопротивления. В следующий момент руки Ильина были плотно прижаты вдоль тела, он почувствовал, что поднят на воздух и что его как маленького ребенка несут вдоль аллеи. Затем в памяти навсегда зацепились вытаращенные от изумления глаза обалделого часового у ворот. Когда гориллоид бросил свою ношу на пол какой-то комнаты, голова Ильина запрокинулась, искры яркого света рассыпались перед глазами, и он потерял сознание...

УЗНИКИ НИАМБЫ

Когда он очнулся и, шатаясь, встал на ноги, оказалось, что он находился в довольно большой комнате, очень просто, почти бедно обставленной и за исключением решетки в окне ничем не напоминавшей тюрьму. В открытое окно виднелся диск солнца, опускавшийся к горизонту, а ниже — чахлые мангровые деревья.

Ильин подошел к окну и огляделся. В нескольких шагах начиналось болото, и по узкой полоске сухой земли ходил с винтовкой гориллоид.

Дверь оказалась запертой. Меблировка состояла из стола, стула и узкой железной кровати, но сама квадратная комната не напоминала тюремную камеру.

Голова сильно болела и кружилась. Мысли сбивались и, чувствуя себя неспособным сейчас обдумать положение, Ильин прилег на кровать. Забытие наступило сразу, но он спал недолго: открыв снова глаза, он увидел красный отблеск солнца, бросавшего в окно последние лучи.

Ильин уже хотел встать и пройти по комнате, как вдруг уловил еле слышные шаги за стеной, у которой стояла кровать. Короткий сон значительно поднял силы, и он почувствовал в себе волной нахлынувшую предприимчивость.

Во всяком трудном положении прежде всего нужно выяснить получше обстановку. Это было правило, которого Ильин всегда придерживался. В данный момент, кроме звука шагов ничего слышно не было; стена была деревянная; в кармане должен был находиться нож.

Он сунул в карман руку и вытащил складной, довольно длинный кривой нож с острым лезвием и красивой роговой рукоятью. Такие ножи, как он слышал, были в большом ходу у хулиганов Парижа, где он его и купил. Раскрытое лезвие удерживалось особой пружиной так, что нож в этом положении превращался в кинжал.

Без дальнейших околичностей Ильин начал прорезать дырочку в стене, используя уже имевшуюся щель между досками.

Стена была толстая, и работа шла медленно, так как надо было избегать всякого шума. Однако пальцы Ильина были сделаны из хорошего материала, лезвие кинжала также, через час осторожной работы конец клинка вдруг углубился неожиданно легко, а в образовавшийся прокол блеснул свет. Еще увеличив осторожность работы, Ильин через несколько минут заглянул в отверстие.

Какая-то фигура в сером пиджаке ходила по комнате, но отверстие было настолько узкое, что кроме пиджака ничего не было видно.

Затем фигура нагнулась и села на стул.

«Что же это такое?... Идаев? Но до чего он постарел!...»

— Александр Григорьевич!..

— Что? Что такое? Кто это говорит?

Голос был еле слышен, но все же слова удавалось разбирать.

— Александр Григорьевич, тише. Говорит Ильин, ваш ученик. Я здесь, рядом с вами, и говорю через отверстие в стене. Подойдите ближе.

— Ильин... Пойдите, я не узнаю голоса.

Профессор наклонился к щелке, закрыв собою свет, и в его интонациях прозвучало сомнение.

— Тем не менее это я, Александр Григорьевич, и чтобы устранить всякие сомнения — смотрите, я отойду к окну... Видите меня?

— Пойдите... Да. Как вы изменились! Но ведь тогда вы были еще мальчиком, студентом. Слушайте, как вы сюда попали, Ильин?

— Меня запрятал сюда капитан, этот мерзавец Ленуар. А вы, профессор?

— Но вы не можете себе представить! Оказывается, Кроз пытается присвоить мое открытие гибридов негра с человекообразными обезьянами. Я целый ряд лет ничего не помещал в печати, так как меня упраскивали сохранить пока все в тайне, и вдруг я узнаю, что в отчетах Французской Академии...

— Пойдите, Александр Григорьевич. — Ильин, может быть, невежливо прервал профессора, но в том положении, в каком он находился, надо было поскорее добраться до сути дела. — Из-за чего же все-таки они вас посадили за решетку?

Голос Идаева зазвучал раздражением:

— Само собой разумеется, я не мог допустить, чтобы дело моей жизни было украдено и опубликовано другим. Я начал категорически настаивать на праве опубликовать свою работу, но они решительно отказывали и не соглашались выпустить меня с острова. Когда я с одним служителем послал тайно свои рукописи, они были при обыске найдены. Меня сначала перестали выпускать даже за стену. Это было уже после того, как я настоял на вашем приезде. Тогда я вторично, через негра, который прислуживал мне и был мне очень предан, послал письмо, где извещал весь научный мир о гнусном насилии, которому я подвергся, и о попытке украсть у меня открытие, на которое я потратил

полжизни. После этого меня заперли в моем доме и даже понаделали здесь всюду решетки.

— Значит, вы, Александр Григорьевич, имеете в распоряжении весь этот дом?

— Ну, конечно. Только из того, что я прорабатываю сейчас в лаборатории, они не узнают ни слова. Довольно и того, что я до сих пор был так глупо доверчив. Впрочем, стойте, — спохватился профессор, — я говорю все время о себе. Дорогой мой, ведь это, верно, из-за меня вы тоже попали в какую-то нелепую историю... Как это все с вами произошло?

Ильин наскоро описал происшествие этого дня и, прервав выражения негодования и возмущения со стороны профессора, приступил к выяснению, не сможет ли Идаев в нужный момент отпереть дверь его комнаты и ходят ли часовые с противоположной стороны дома.

Оказалось, что угол дома с комнатой, где находился Ильин, был изолирован и имел особый выход и что два караульных обходят здание со всех сторон.

Идаев был готов продолжать беседу без конца, но Ильин чувствовал необходимость основательно обдумать и переварить все новые обстоятельства и, сославшись на слабость после удара об пол, попросил отложить разговор до другого дня...

XXII.

ПОДКОП

Когда огромный негр, поставив на стол миску с обедом, подошел к Ильину и, широко улыбаясь, крепко пожал ему руку, тот в первый момент ничего не мог сообразить.

Должно быть это достаточно ясно отразилось на его лице, потому что негр засмеялся и голосом, который смутно отозвался в памяти, сказал:

— Товарищ забыл. Я видел товарища.

— А, так это ты!

Ильин вдруг вспомнил черную ночь в парке института и могучую черную фигуру, подавшую ему записку из Ниамбы.

— Да, я принес письмо товарищу.

— Да как же ты сюда-то попал?

Ильин схватил обеими руками негра за плечи и от радости сильно потряс его. Широкая черная физиономия вся просияла, и гигант снова крепко встряхнул руку Андрея Николаевича.

— Меня тогда больно побили немножко и посадили сюда, за стену. Больше ничего.

— И что ты тут делаешь?

— Варю обед капралу, потом старику, тут рядом, потом белой мадам, которая помогает родить дети.

— Как помогает родить? Какую ты чушь порешь!

— Смотрит, чтобы хорошо родился дети у наших женщин, которые рожают обезьян.

— А, акушерка...

Ильин перешел к более существенной теме:

— Слушай, ты не сможешь увидеть Дюпона?

— Я сегодня видел товарищ Дюпона,— ответил негр.

— Ну, и что он говорил обо мне?

— Товарищ Дюпон говорил: «Передай товарищу, что я действую и скоро немножко разорю все гнездо».

— И больше ничего?

— Нет. А еще дал записку.

— Батюшки, какой чудак! Что же ты мне ее сразу не передал?

Негр молча улыбнулся, порывшись в своем несложном костюме и вытащил бумажку.

Коротенькая записка была написана, видимо, второпях, карандашом:

Дело дрянь. Если не поторопимся, капитан вас убьет. Обдумайте, как вам выбраться из дома, когда я дам сигнал. Остальное — мое дело. Наш план быстро продвигаю. Записку уничтожьте.

— Ну, прощай, товарищ! Завтра я опять принесу обед.

Негр еще раз пожал протянутую руку, вышел из комнаты и запер дверь.

«Выбраться из дома наружу?..» — Ильин задумался. Долго ходил вперед и назад по комнате, затем улегся на кровать и стал перебирать последовательно все мыслимые возможности.

Перепилить решетку? Во-первых — нечем, во-вторых — бесцельно, потому что постоянно под окном торчит или вышагивает часовой. Пробить стену? Об этом нелепо и думать: стены сложены из кирпича на цементе. Пробить потолок? Пожалуй, возможно, но нужно провести эту операцию в одну ночь, иначе наутро дыра будет видна, и все откроется. Остается последняя возможность — подкоп. Пол деревянный, на высоте около метра над землей. Это значит, что под ним имеется хорошее подполье. Грунт местности песчаный — это значит, что рыть будет легко и что воды не окажется на уровне подошвы фундамента. А кроме того, вылезать из-под земли не так незаметно, как прыгать из окна или с крыши.

План казался пока правдоподобным и, так как времени терять не приходилось, Ильин без долгих колебаний начал исследовать пол.

Очевидно, резать надо было в стороне стены с окном, чтобы помешать часовому что-либо увидеть через решетку. Как раз в этом месте в углу стоял небольшой шкафчик. Ильин отодвинул его и ножом принялся перерезать на шаг от стены крайнюю половицу. Поскольку было нужно, чтобы перерезанный кусок не провалился, Ильин выбрал место, где линий гвоздей показывала присутствие под полом опорной балки.

Стоп! А если часовой обратит внимание, что его не видно в комнате?..

Ильин подошел к кровати, свернул в трубку лежавший на полу войлок и накрыл его на постели одеялом.

«Готово! Я накрылся с головой и заснул. А теперь за работу!»

Перерезка половицы отняла не больше получаса, но гораздо труднее было вырвать из балки прикреплявший доску гвоздь. Будь Ильин послабее, вероятно, ему ничего бы и не удалось сделать, но руки у него были весьма недурные и, рискуя ножом и ногтями, он наконец с треском вывернул половицу.

Дыра была только-только в обрез, но кое-как Ильин в нее все-таки протиснулся. Подполье простиралось под всем домом. Грунт оказался не чисто песчаным, но копать было все же сравнительно легко. Для подкопа Ильин выбрал самый угол дома, чтобы меньше осыпалась земля, и начал копать ножом и руками, выгребая землю в стороны и устраивая пологий откос. Работа шла быстро, и часа через полтора на глубине метра он достиг низа фундамента.

Однако надо было проверить, что делается в камере. Там все оказалось в порядке, и Ильин снова полез вниз.

Еще часа через два под фундаментом был закончен основательный туннель, в котором можно было стоять на четвереньках, и Ильин решил пока на этом остановиться: когда будут получены указания от Дюпона, он в два-три часа сможет подрываться кверху, а пока надо снова привести в порядок себя и доску в полу.

Так как костюм был предусмотрительно снят перед путешествием в подвал, Ильин ограничил свой туалет тем,

что тщательно вытер рубашкой с голого тела пыль и землю. Бросив рубашку и нож под пол, он оделся и начал устраивать половицу на место. Задвинуть в старую дыру гвоздь было нетрудно, но гораздо сложнее оказалось придать вполне натуральный вид щели, прорезанной в доске. Пришлось опять спуститься под пол за серой глиной, которая прослойками попадалась в песке. И наконец щель исчезла, приняв цвет грязного пола.

Затем шкафчик был подвинут на место, Ильин улегся на кровать и предался заслуженному отдыху. Некоторое время он лежал без всяких мыслей, ощущая только усталость после тяжелой работы, потом точно очнулся и снова принялся анализировать положение.

С подкопом дело почти обеспечено, но нельзя же удирать одному — бросить старика Идаева. Придется побеседовать с ним относительно побега. Технически особых затруднений не представится, потому что всегда возможно и в его комнате прорезать снизу одну половицу в последний момент перед побегом, когда все прочие приготовления будут закончены. Посвящать его в эти планы пока не стоит — только расстроишь старика. Да и вообще нечего болтать раньше времени, если без этого можно обойтись.

В конце концов утомление от напряженной работы в согнутом положении взяло свое и, значительно успокоенный достигнутым успехом, Ильин, не раздеваясь, заснул.

* * *

На другой день не было ничего нового. Негр занес обед и, обменявшись с Ильиным несколькими фразами, ушел. Записки к Дюпону Ильин не дал, а ограничился словесной передачей. Так же прошли и следующие два дня.

На пятый день заключения негр принес от Дюпона следующую записку:

Я всегда знал, что вы молодец, товарищ Ильин, и очень хорошо, что у вас все подготовлено, потому что момент действия настает.

Капитан точно сошел с ума и стал зверем. Нескольких гориллоидов за что-то заперол чуть не до смерти, самого Луи вздул хлыстом прямо по морде. Все это я использую. Будьте готовы в любой момент.

Ильин раз десять перечитал записку, потом мельчайшие ее кусочки протолкнул в щели пола и уже собирался начать подробный разговор с Идаевым, когда дверь открылась, и на пороге, в сопровождении двух вооруженных гориллоидов, появился капитан Ленуар.

Ильин невольно вздрогнул.

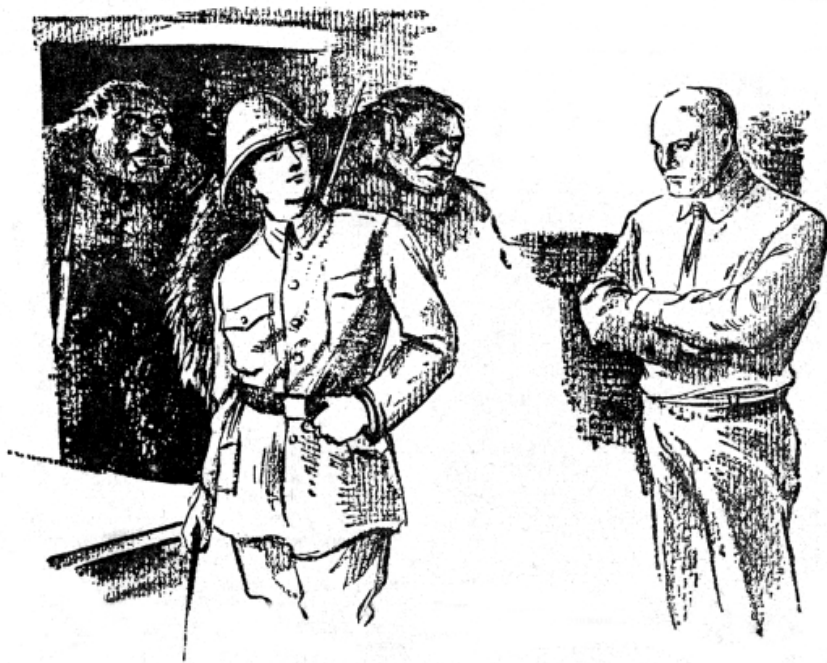
Капитан заметил. Лицо его озарилось счастливой, откровенно беспощадной усмешкой.

— Очень рад видеть, мсье Ильин, — сказал он, — что вас уже начинает потряхивать. Думаю, что завтра мы увидим это вторично, потому что я принес вам приятную новость. Хотите знать, какую?

Ильин стоял молча. Лицо его было бледно, но уже спокойное.

— Так вот, — продолжал капитан, — завтра вы умрете. Я нарочно зашел к вам с этой маленькой новостью, чтобы у вас было время хорошенько подумать об ожидающих вас завтра развлечениях. Видите ли, послезавтра мне придется послать в Париж телеграмму о несчастном случае, происшедшем с русским ассистентом Ильиным, который неосторожно зашел в клетку к гориллам и был разорван ими... Ребята мои — народ злой, и поскольку я им разрешу с вами побаловаться, они будут иметь полное удовольствие. И я также. Значит до завтра, покойной ночи!

Капитан любезно поклонился и вышел. Дверь замкнулась, и Ильин почувствовал, что громадное напряжение воли, с которым он сдерживал себя, разом исчезло. Ноги задрожали, и он бессильно упал на кровать.

Лицо капитана озарилось беспощадной усмешкой...

Момент настал, надо бежать! Но каким способом он проберется через стену, если у Дюпона еще не все готово? Наконец, даже оказавшись каким-либо чудом по ту сторону стены, он будет иметь лишь минутную отсрочку, потому что дамба занята военным караулом, а по болоту с острова никуда не уйдешь.

Правда, в десять раз лучше утонуть в болоте, чем быть разорванным этими полузверями, но... совсем не хочется, мучительно не хочется умирать! Была еще надежда на то, что негр зайдет с ужином и успеет предупредить Дюпона, а Дюпон ускорит свое выступление...

XXIII.

ПОБЕГ

Время тянулось нестерпимо медленно. Наконец солнце начало склоняться к закату. Время ужина пришло и прошло, а негр все не появлялся...

Солнце село, узенький серп молодой луны засеребрился над болотом. Мерные шаги часового за окном нарушали глубокую тишину ночи.

Ильин понял, что решительный момент настал. Надо действовать. И если придется погибнуть — пусть он умрет в борьбе.

Разговор через стенку был короток. В сильных выражениях Ильин объяснил Идаеву положение дел и свое решение — бежать почти без надежды на успех, потому что здесь все равно его завтра ожидает верная и ужасная смерть. Старик разволновался и растерялся, бегал по комнате, ерошил на голове остатки седых волос, затем категорически отказался участвовать в этом безумном предприятии и вдруг, в тот момент, когда Ильин, сделав куклу на кровати, уже лез в подполье, профессор жалобно и умоляюще подождал его к щели и сказал, что он тоже бежит.

Через минуту Ильин уже работал, перерезая половицу комнаты Идаева. Нож порядочно иступился о землю, и работа шла медленно; наконец последние волокна дерева были перерезаны, доска отогнулась вниз, и в отверстии показались сначала ноги в туфлях, потом серые штаны, затем седая борода Идаева.

Старик-профессор начал было с жалобы на судьбу, но Ильин почти грубо оборвал его и, опустившись под фундамент, принялся копать проход вверх.

Каждую порцию земли нужно было проталкивать через нору под фундамент и затем выгребать вверх в подполье, и прошло несколько часов, пока наконец руки Ильина, работавшего в глубочайшем мраке, не дошли до корней

травы. Через минуту на голову ему свалился подрезанный ножом дерн и, подняв запорошенные глаза, он увидел над собой крупные яркие звезды.

Осторожно высунув голову, Ильин внимательно огляделся.

Шаги невидимого часового раздавались справа, потом он, вероятно, повернул назад, и они начали приближаться. И вдруг из-за угла выдвинулась гигантская, особенно в ноч-

ном мраке жуткая фигура гориллоида. Ильин замер, но часовой ничего не заметил и спокойно повернул за угол.

Ильин нырнул в дыру подкопа и в двух словах объяснил Идаеву, как надо вылезти, быстро, без шума отбежать в сторону, пока часовой проходит за домом, и снова залечь на землю, чтобы пропустить его мимо.

Сначала Ильин, за ним профессор пролезли под фундаментом и выбрались на поверхность.

Когда Ильин быстрыми легкими шагами отбежал метров на сто и, опустившись в какую-то канавку, оглянулся назад, он невольно вздрогнул; старик-профессор, топая как медведь, неуклюже бежал к нему — и вдруг, наклонившись, стал шарить руками по земле.

— Андрей Николаевич! Андрей Николаевич! Пойдите, я пенсне потерял и ничего не вижу, — почти громко сказал он.

«А, черт бы его взял, этого старого младенца!» — мысленно выругался Ильин.

Вскочив на ноги, он бросился к Идаеву, схватил его за руку и потащил за собой. В ту же секунду на фоне серпа луны выросла гигантская фигура у угла здания, злобный лающий крик огласил ночную тишину, чудовище стремительными прыжками бросилось вперед, и один за другим загремели несколько выстрелов. Теплая жидкость брызнула Ильину в левую щеку. Тело профессора, которого он тащил за руку, вдруг осело и, оглянувшись, Ильин увидел при свете звезд черную бесформенную маску вместо лица Идаева...

Еще через мгновение он, как заяц, зигзагами неся в темноте, сам не зная куда. Вслед раздавался тяжелый топот гориллоида, и мимо самых, казалось, ушей одна за другой часто и гулко жужжали пули.

Ильин не так давно был форвардом в хорошей футбольной команде и, конечно, тяжелому неуклюжему чудовищу не по силам было его догнать. Через минуту гориллоид остался где-то далеко позади, но зато беглец чуть не влетел с разбегу прямо в болото.

Сзади как будто не было ничего слышно и, ступая как можно тише, Ильин попробовал углубиться в поле, взяв направление, по возможности, к воротам в стене.

Внезапно со стороны тюремного помещения раздались громкие голоса, затем мелькнул огонек... другой... третий... Огни начали быстро расходиться в стороны, и один из них приближался к Ильину.

«Дело дрянь. Организованная погоня, да еще с фонарями!..»

Ильин покачал головой и стал быстро подаваться вправо. Однако справа также показались два огонька, шум и крики усиливались, и Ильину стало ясно, что дальше бродить в темноте опасно, — надо принять какое-нибудь трезво-обдуманное решение.

Прежде всего надо было спрятаться, иначе не пройдет и получаса, как его найдут. Первую мысль — о кустарниках — он сразу откинул, потому что, конечно, именно там и будет устроена наиболее основательная облава. Несколько минут никакой здоровой идеи не приходило в голову, затем вдруг выплыла мысль, очень простая и, хотя не разрешавшая положения, но дававшая на некоторое время отсрочку:

«Зарыться в песок! Как это сразу не пришло на ум?..»

Кругом были крупные и мелкие бугры и ямы, очевидно, окопы, вырытые во время тактических занятий. Лишняя неровность не привлечет ничьего внимания... а там, может быть, что-нибудь устроит Дюпон...

Было как раз время, потому что огоньки мелькали уже близко. В следующую минуту два гиганта с винтовками и фонарями в руках прошли совсем рядом, едва не наступив ему на живот.

У Ильина было впечатление, что в лагере полная суматоха, и он не мог толком уяснить себе смысл такой отчаянной ночной погони: ведь ничего не стоило подождать до утра и при дневном свете отыскать беглеца, которому все равно некуда было деваться. Единственное правдоподобное объяснение состояло в том, что его, Ильина, надо было непременно поймать раньше, чем о побеге узнает Ленуар. Судя по тому ужасу, который капитан внушал своим подчиненным, это предположение было вполне вероятным.

Часы протекали медленно и тоскливо, суeta по всему острову стала заметно уменьшаться, зато где-то, как раз позади, шум и крики все усиливались, временами переходя в общий рев.

Ильин поднял голову и оглянулся вокруг. Стенка канавы мешала видеть назад, но восточный край неба заметно побелел, и через час-полтора, очевидно, должен был наступить рассвет.

Если еще имелась какая-нибудь возможность спастись, то действовать нужно было немедленно.

Ильин поднялся, стряхнул с себя песок и посмотрел назад. Рев, крики и суeta в той стороне, казалось, еще воз-

росли, но огоньков кругом уже не было видно, и он, хотя поспешно, но осторожно двинулся в ту сторону, где, как он полагал, находились ворота. Расчет оказался более или менее правильным: перед ним выросла серая громада бетонной стены.

Однако, идя влево, он вскоре уперся в болото и должен был вернуться назад. Еще несколько десятков шагов — и он остановился и замер. Из мрака вырисовалась темная, шевелящаяся масса, от которой доносились негромкие и невнятные звуки. Медлить все же не приходилось, и Ильин, улегшись на землю, снова пополз вперед.

Масса разделилась пополам и превратилась в двух гориллоидов, сидевших на земле и что-то бормотавших. Затем раздались уже совсем явственные звуки рвоты, и ветерок донес отвратительный запах спирта.

«Пьяны!..»

XXIV.

ПЕРЕХОД В НАСТУПЛЕНИЕ

Ильин почувствовал, что гнетущая тяжесть, обручем давившая его в последние дни, свалилась, рассыпалась и покрылась ослепляющей радостью. Дюпон, значит, сделал свое дело и сделал как раз вовремя! До спасения еще бесконечно далеко, но он уже не один. Где-то во мраке действует верный и храбрый товарищ, и солнце, которое через час взойдет, вероятно, осветит дикий бунт опьяневших зверей.

Может быть, он сам погибнет при этом, но хорошо уже то, что сломалась жестокая дисциплина лагеря гориллоидов, а в сумятице бунта, хотя бы и пьяного, всегда есть шансы на какой-нибудь случай, и теперь уже во многом от него самого, от его решимости, силы и мужества будет зависеть исход борьбы.

Немного подальше валялся на земле и громко храпел третий гориллоид, а в двух шагах сбоку лежала брошенная на песок винтовка.

«Часовой! А у часового на шее должен находиться ключ от запора с этой стороны ворот»... Эту деталь Ильин хорошо запомнил во время предыдущих посещений лагеря.

Храп чудовища был таким громким и указывал на такой глубокий сон, что Ильин смело подполз вплотную. Ключ действительно оказался на мохнатой груди. Быстрое и осторожное движение ножом — и он перешел в руки беглеца, после чего Ильин уже без всяких предосторожностей пошел прямо к воротам.

Может быть, это был результат той вспышки поднимающей радости, которая охватила его минуту назад, но Ильин действовал, как во сне, быстро, не обсуждая обстановки, с той мгновенной интуицией, которая в критические минуты жизни часто дает победу.

Подойдя к воротам, он повернул ключ в замке и дернул за веревку. На звонок отворилось небольшое окошечко в дверях и высунулись глаза и нос часового.

— Кто это? Почему ночью? Что это за шум у вас? — раздался голос часового.

— Кто? Сам видишь, что человек, а не обезьяна! Отворяй скорей! В лагере пьяный бунт, и гориллоиды гонятся за мной!

В голосе Ильина было, естественно, самое неподдельное беспокойство беглеца.

— Да кто ты такой? Я что-то тебя не могу признать.

— Отворяй, чертова кукла! Вон они уже близко! Да отворяй ради бога!

Калитка открылась. Часовой с ружьем наперевес загородил дорогу, внимательно вглядываясь в лицо вошедшего. Все дальнейшее случилось не больше чем в две секунды, потому что Ильин был несравненно сильнее любого среднего по сложению и росту человека.

Прикладом вверх взлетела вырванная из рук винтовка и с глухим стуком обрушилась на череп часового. Солдат охнул и мешком свалился на землю, а Ильин, не заперев калитки, уже летел по направлению к стоявшему слева под группой пальм дому капитана.

Несомненно, что всего за минуту перед тем у него не было никакого определенного плана действий, да и сейчас он не знал еще, что сможет предпринять в оставшиеся полчаса ночного мрака, и тем не менее решительно бежал вперед. Только одно было для него ясно: он увидит сейчас Мадлен, а все дальнейшее выяснится после...

* * *

Комната Мадлен выходила двумя окнами в сад. Перешагнув через забор, Ильин несколькими прыжками подбежал к окну и заглянул внутрь. В комнате было темно, и за исключением бесформенных теней мебели ничего не

удалось рассмотреть. Первое побуждение — постучать — сразу было отброшено.

«А если там Ленуар?..» От бешеной злобы Ильин скрипнул зубами. Подойдя к окну, капитан легко сможет сверху вниз пристрелить его. Нет, надо сначала влезть внутрь, и если эта гадина окажется там, Ильин свалит его на пол и ногою прижмет горло к земле.

Москитная сетка, натянутая на деревянную раму, вывалилась внутрь от слабого нажима. Одним прыжком Ильин вскочил на подоконник и легко спрыгнул в комнату.

— Кто здесь?..

В крике Мадлен был безумный ужас.

— Это я, Мадлен, — прошептал Ильин, — это я...

— Андрей?!

Молодая женщина порывисто бросилась ему навстречу:

— Это ты!.. Это ты!.. — Все тело Мадлен трепетало, и слезы теплыми каплями стекали по щеке Ильина. — Я так боялась... я думала... — молодая женщина вздрогнула.

— Да!.. Я бежал из заключения, где сидел, ожидая смерти. Нужно действовать быстро, потому что рассвет приближается. Необходимо использовать каждую минуту ночного мрака. Если твой муж обнаружит, что...

— Он не муж мой! — Мадлен выпрямилась, и даже в темноте было видно, как загорелись ее глаза. — Не смей, Андрей, слышишь, никогда не смей говорить мне это!

Ильин секунду неподвижно смотрел на молодую женщину, затем поднял ее как перышко на руки, поцеловал и снова бережно поставил на землю, тихо смеясь.

— Одевайся, да в один момент. Я буду пока рассказывать, а ты помогай советом. Я бежал, как видишь, с большими приключениями, но о них после... Профессор Идаев бежал со мною, получил пулю в голову, и это его кровь у меня на лице... В лагере гориллоидов какая-то суматоха. Они сначала ловили меня в темноте, затем, очевидно, пользуясь ночной суетой, добрались до винного склада и перепились... Ворота в стене открыты, и часовой лежит, оглушенный ударом приклада...

Ильин предусмотрительно умолчал о своем участии в этом деле.

— Через час или, может быть, даже в любую минуту гориллоиды будут здесь. Администрация удерет по дамбе, но нам этот путь закрыт. По крайней мере, мне. Если бы здесь был Дюпон, знаешь — механик, мой товарищ, — мы смогли бы захватить аэроплан, потому что он был раньше летчиком, и с ним мы могли бы улететь из этого пекла, но я не знаю, где он. Поэтому я думаю так: беги через дамбу, а я уже как-нибудь вывернусь, когда начнется возня и суматоха и когда всем будет уже не до меня.

— Никогда! — Мадлен с возмущением подбежала к нему. — Я буду с тобой, Андрей, что бы с нами ни случилось! Понял? И ни одного слова больше об этом!

— Хорошо! — Ильин утвердительно кивнул головой. — Постой, мне пришла в голову следующая мысль: бежать через дамбу можно, только когда начнется суматоха. Раньше нас все равно не пропустят. Значит, где-нибудь надо ждать. Попробуем подождать в ангаре. Мы будем там около аэроплана и постараемся увидеть и перехватить Дюпона, а в крайнем случае будем отсиживаться, потому что бетонные стены ангара можно прошибить разве пушкой. Но тогда новый вопрос: как туда попасть? Дверь всегда заперта на замок. Послушай, ты не обратила случайно внимания, какой толщины там дужка замка?

Молодая женщина задумалась.

— Дужка замка? Тракар несколько раз водил меня в ангар. Постой! Последний раз замок долго не отпирался. Да, почти помню. Приблизительно в мой палец.

— В твой пальчик? — Ильин весело рассмеялся. — Да если он будет вдвое потолще, я выверну его без труда, потому что мои-то пальцы, к счастью, потолще, да и покрепче... Ну, ты готова? Идем!..

Одним прыжком соскочив в сад, он принял на руки Мадлен, поставил ее на землю и, взяв под руку, быстро повел к ангару.

БУНТ ГОРИЛЛОИДОВ

Дужка замка оказалась значительно толще пальчика Мадлен, но в нескольких шагах от стены валялись металлические брусья и прутья. Ильин засунул под дужку подходящий кусок в метр длиною, раздалось негромкое царапанье и шуршание, затем замок звонко хрустнул, и дужка вывернулась наружу.

— Ну, вот и готово! Теперь входи.

Ильин ввел Мадлен внутрь ангара и притворил тяжелую железную дверь, оставив только небольшую щелку. После этого, чувствуя себя уже сравнительно в безопасности, он принялся внимательно осматриваться.

*Замок звонко
хрустнул...*

Ночной мрак уже разошелся, и вся восточная сторона неба пылала пурпурным золотом. Ворота на обезьянью территорию отсюда не были видны, но, очевидно, они были открыты, потому что на площади бродили, переходя с места на место, несколько гориллоидов, чего никогда еще не бывало.

Из-за стены доносился глухой шум, прорезавшийся отдельными резкими выкриками. Судя по тому, что расстояние от ангара до стены было порядочное, толпа чудовищ буживала уже совсем недалеко от ворот.

Потом сухо и гулко прогремел одиночный ружейный выстрел.

Из-за угла караульного дома, где помещалось человек двадцать солдат, высунулась какая-то физиономия, оглянулась кругом и моментально скрылась.

Через несколько минут из дома выбежала группа солдат с капралом во главе. Они быстро построились и, держа винтовки наперевес, бегом бросились к воротам, а один, пересекая площадь, со всех ног кинулся к дому капитана.

Гориллоиды попятились. Солдаты, обогнув угол ангара, скрылись из глаз, но почти в ту же минуту глухой гул перешел в потрясающий рев ярости, вспыхнула учащенная ружейная стрельба, и несколько солдат в панике пробежали обратно, удирая в сторону дамбы.

В следующий момент целый поток вооруженных чудовищ неудержимо хлынул на площадь...

* * *

Удиравшие со всех ног уже еле виднелись в глубине площади, когда Лемуар с кольтом в одной руке и хлыстом в другой вышел из дома и быстрым твердым шагом направился к ревушей, беснующейся толпе гориллоидов.

Привычный страх сразу раздвинул в стороны массу чудовищ. Ближайшие трусливо пятились назад и, спотыкаясь, пытались спрятаться за других, задние поспешно удирали, и казалось — еще мгновение, и бунт будет ликвидирован. Но вдруг волосатый гигант, весь в кровавых рубцах и с горящими яростью глазами, вырвался из толпы и бросился на Лемуара.

Две пули, пробившие могучее туловище, не преодолели инерции, кольт выпал из переломанной руки капитана,

и в тот же миг его тело, охваченное гигантской лапой, бес-
сильно повисло у мохнатой груди. Кровавые глаза чудови-
ща точно впивали предсмертный ужас человеческих глаз,
затем страшные челюсти с хрустом сомкнулись, и два тела
забились на залитой кровью земле...

Гигант с горящими яростью глазами бросился на Лемуара...

Смерть капитана разорвала остатки страха и повинове-
ния. Если пал тот, кто был повелителем этих приученных
к борьбе и натиску чудовищ, то что значили остальные! И
кого же еще можно было бояться?

Всеобщий оглушающий рев приветствовал гибель Ле-
муара, и толпа чудовищ в беспорядке ринулась к жилым
строениям и складам; угол стены ангара закрывал эту сто-

рону, и о дальнейшем можно было судить только по доносившимся справа звукам разрушения и борьбы. Оттуда раздавался рев опьяненных спиртом и победой гориллоидов, пронзительные крики боли и ужаса и выстрелы.

Мадлен забилась в угол ангара и тихо плакала.

Стрельба затихала. Видимо, короткое сопротивление было сразу сломлено. А Дюпона все еще не было... Ильин, охваченный острым беспокойством, прислушивался к долетавшим звукам, и его тревога становилась нестерпимой. Если Дюпон погиб, то неизбежна и их гибель, потому что только он мог управлять аэропланом.

Оставаться на месте — это значит, что чудовища, овладев окончательно островом, направятся к ангару и, конечно, один Ильин, несмотря на высокие бетонные стены, не сможет отбить нападения. Выйти наружу на разведку? Но это значит оставить Мадлен одну. Это значит, что, если он погибнет за стеной, Мадлен окажется добычей опьяневших зверей. Когда Ильин представил себе эту картину, его охватил такой непреодолимый ужас, что он был почти готов направиться к молодой женщине, чтобы, пока не поздно, покончить с ней и затем с собой.

В следующий момент толчком воли он взял себя в руки. Не так же он слаб, чтобы не прибегнуть к этому исходу в последнюю минуту, когда не останется уже ни одной возможности спасения...

Между тем, раздававшийся ранее по всему острову ружейный огонь теперь сосредоточивался лишь в двух пунктах: у ближайшего к ангару дома, где жил летчик Тракар, и в самом конце острова, вероятно, около казармы, замыкавшей выход на дамбу. Очевидно, только здесь еще продолжалось сопротивление.

В глухой бетонной стене ангара с этой стороны не было никаких окон. Если бы имелась лестница, по ней можно было бы добраться до окон в нижней части крыши, но лестницы нигде не оказалось. Ильин окинул взглядом внутренность ангара и вдруг сообразил, что добраться до верха, пожалуй, и удастся. Крыша на уровне верха стен стягива-

лась железными поперечинами. Если попробовать перекинуть через одну из них канат?

Он поспешно вытащил из угла связку веревок, быстро навязал на веревке узлы и, сделав на конце петлю, бросил вверх. Веревка перекинулась сразу, но болтавшийся сверху конец был слишком короток. Ильин зацепил его за петлю крючком, наскоро согнутым из толстой проволоки, подтянул вниз, и путь к перекладинам был готов. Связав вместе концы, он посадил на них Мадлен, чтобы веревка не качалась, быстро вскарабкался наверх, отворил раму и осторожно выглянул наружу.

XXVI.

ВЗРЫВ

Из-за деревьев полыхало пламя и валил густой дым. Судя по месту, это должен был быть провиантский склад. Оттуда доносился сильнейший шум, и волосатые фигуры то выскакивали с какими-то предметами в руках на берег болота, то снова бежали обратно. Очевидно, гориллоиды грабили склады и, судя по крикам и суете, там, по-видимому, и находилась главная масса победителей. Еще дальше, в стороне дамбы продолжалась стрельба, но что там делается — из-за деревьев не было видно.

У стены дома летчика лежала груда тел. Вероятно, опьяневшие чудовища бросились на приступ без соблюдения предосторожностей и были сметены огнем защитников. Нападающие были скрыты густыми кустами, но из-за деревьев раздавались одиночные выстрелы, и было видно, как пули выбивали стекла и щелкали по карнизам и рамам. Дом мрачно молчал, но количество трупов на земле наглядно показывало, что защитники решили дорого продать свою жизнь. Немного поодаль, под деревом, лежало тело Кроза без всяких видимых следов повреждения. Даже одежда профессора была в порядке. Очевидно, он погиб от пули, и тело, находясь под огнем защитников, не подверглось насилью чудовищ.

Дом был совсем близко от ангара. Вопрос лишь, кто там находится. Когда с целью лучше осмотреться Ильин высунул голову наружу, две пули щелкнули в стену почти рядом, и несколько мелких камушков рассекли щеку, но зато из дальнего окна дома раздался голос Ахматова:

— Ильин! Эгей, Ильин! Как вы попали в ангар? И где вы были все эти последние дни?

— Через дверь с той стороны, — ответил Ильин на первый вопрос. — А кто с вами в доме?

— Тракар и еще один рабочий.

Ильин почувствовал, что сердце его усиленно забилося.

— Какой рабочий?

— А черт его знает! Просто — рабочий. Слушайте. Как нам попасть в ангар?

Ильин молчал некоторое время.

— Ахматов, я сам ничего не могу придумать. Где Тракар и рабочий? Позовите их сюда или сменитесь с ними, если им нельзя отойти. Только один Тракар знает все, что есть в ангаре, и сможет дать какой-либо совет.

Наступило молчание, изредка прерываемое выстрелами, и пули с такой меткостью били наискосок в окно, что молодой ученый уже не рисковал высовываться и, скрывая голову за выступом стены, ждал ответа.

Затем раздался тонкий пронзительный голос Тракара:

— Ильин, вы меня слышите?

— Слышу.

— Вот что. Единственное спасение для нас — попасть в ангар. Выскочить из дома и обежать кругом до двери — нечего и думать: Ленуар так выучил стрелять этих мерзавцев, что мы не успеем достигнуть угла, как будем убиты. В дальнем углу направо в большом ящике лежат аэроплан-ные бомбы — в пятьдесят и в двадцать кило. Возьмите мень-шую. Стена в промежутках между пилястрами* не толще пятнадцати сантиметров, и двадцати кило хватит. Там же в соседнем ящике — тротил-овые шашки, капсюли и бикфор-дов шнур**. Привяжите шашку к бомбе, вставьте капсюль и

* Пилястры — полуколонны, выступающие из поверхности стены. Служат для усиления стен или (чаще) для украшения.

** Тротил (тол, тринитротолуол) — сильно взрывчатое вещество, сравнительно безопасное в обращении; употребляется для подрывных работ и снаряжения артиллерийских гранат и бомб. Капсюль заключает в себе еще более сильный взрывчатый состав, детонатор, легко воспламеняющийся и передающий взрыв основному заряду. Бикфордов шнур, заключающий в полужесткой оболочке горючую смесь, передает огонь капсюлю от спички или фитиля.

возьмите шнур подлиннее — метра два. Изнутри взрывать нельзя. Вы, может быть, и уцелеете, но аэроплан будет взрывом подброшен и смят. Поднимите бомбу по веревке, спустите ее наружу с зажженным уже, конечно, шнуром, пока она не ляжет на землю. Поняли? И не бойтесь. Осколки будут направлены выступом стены и полетят только вперед, а не вбок. За аэроплан тоже нечего опасаться, потому что он у другой стены. Действуйте как можно скорее. Если сюда соберутся остальные дьяволы и бросятся со всех сторон, то второй атаки мы не выдержим.

Ильин приподнялся выше, чтобы его ответ был хорошо слышен:

— Тракар, кто кроме Ахматова с вами в доме?

— Какой-то рабочий.

— Какой именно?

— Да вам-то какое дело! Механик, и больше ничего. Все равно аэроплан поднимает только трех. Поняли? И валяйте скорее.

Ильин отвечал, отчеканивая слова:

— Тракар! Теперь нужно, чтобы поняли вы. Этот рабочий — мой товарищ, и он полетит с нами, и так как я вам не очень верю, то пусть он будет здесь у окна и ответит мне. В противном случае, оставайтесь. А я — разобьюсь или нет, — а попытаюсь улететь хоть один.

Летчик злобно выругался:

— Не будьте болваном, Ильин! Я вам толком сказал, что машина не поднимает больше трех. Можете вы вместиť в своей башке эту простую вещь?

— Не могу вместиť, Тракар, и повторяю: если механик Дюпон не будет здесь, я вам помощи не окажу.

После короткого молчания летчик ответил уже спокойно:

— Хорошо, я позову его...

— ...Товарищ Дюпон, это вы?

— Я думал, что вы уже погибли, товарищ Ильин. Вы оказались молодцом, а я растрепой, и чуть не погубил себя и вас. Но сейчас не время разговаривать. Тракар сказал, что

вы будете подрывать стену. Действуйте, поговорить успеем после.

Когда Ильин спустился вниз, его встретили сияющие счастьем глаза Мадлен.

— Андрей, значит, мы сейчас улетим, значит, нас не убьют?

Ильин засмеялся;

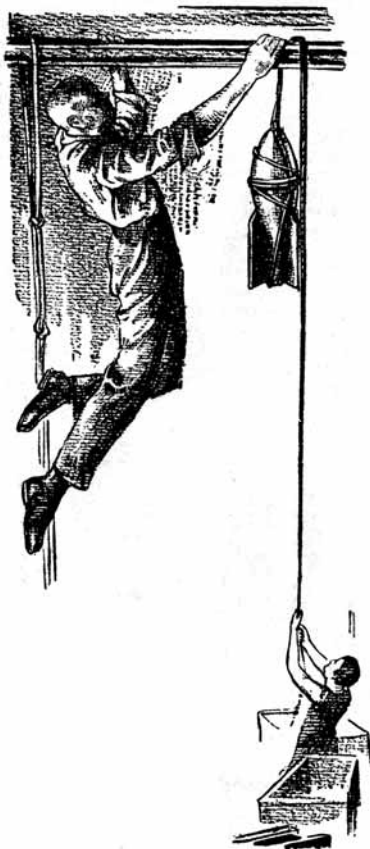
— Улетим, дорогая. Сейчас с нами будет товарищ Дюпон. Он умеет управлять аэропланом и, когда он будет с нами, тогда не страшно.

Приготовления с бомбой были недолги. Через пять минут новая веревка была перекинута через перекладину, снаряд подтянут к крыше, и Мадлен, наваливаясь изо всех сил на веревку, с ужасом глядела на доверенную ее слабым силам и висящую у нее над головой тяжелую бомбу.

Раскачиваясь как маятник, Ильин взобрался по узловатой веревке на балку, поставил на нее бомбу и зажег шнур. Еще несколько секунд — и снаряд опустился на веревке вдоль наружной стены, а Ильин, скользнув вниз, схватил молодую женщину на руки и прижался с ней в угол за широким бетонным выступом.

Затем потрясающий взрыв всколыхнул все здание.

Осколки стекол посыпались дождем, аэроплан, как раненая птица, подскочил вверх и черкнул крылом стену перед самым лицом прижавшихся к ней людей. Еще мгмо-

вение, и столб черного дыма погрузил в непроницаемую тьму всю внутренность ангара. Снаружи густо затрещали выстрелы, и последним восприятием Ильина был револьвер, неожиданно вынырнувший из мрака перед его глазами...

XXVII.

ДРАМА В АНГАРЕ

Откуда-то совсем издалека раздавались голоса. Страшная боль в голове.. Почему-то никак нельзя поднять повернутую под спину руку, и все покрывалось непрерывным гудящим, все наполняющим шумом... Никак не удавалось чего-то вспомнить и как следует проснуться.

Потом любимый голос зазвучал такой тоской и страданием, что сознание сразу вернулось, и Ильин открыл глаза.

— Так значит, вы спутались с этим канальей? Хорошее дело...

Тракар стоял у аэроплана и торопливо возился около пропеллера.

Туман от взрыва еще наполнял помещение, но различать все можно было уже легко. Инстинктивная попытка двинуть рукой, и положение разъяснилось. Руки за спиной были связаны.

— Как вам это понравится, Ахматов? — говорил Тракар. — Когда этот прохвост-рабочий назвал его «товарищем», меня словно кипятком ошпарило, и всю их махинацию я понял сразу. Ну, того-то я хорошо угостил пулей, да и этот получил свою порцию. Пусть меня посадят переписывать в канцелярии бумаги, если весь этот дикий бунт не является делом рук их шайки.

Голос Ахматова донесся откуда-то слева:

— Скоро ли у вас будет готово?

— Не торопитесь. Нельзя поспеть скорей скорого. Вы думаете, очень легко сменить в одну минуту пропеллер, особенно, когда смята резьба у гайки? Если бы не этот проклятый осколок, мы бы уже летели. Впрочем, ничего. Смотрите хорошенько за своей дырой еще десять минут — и мы будем в воздухе.

— А что мы будем делать с мадам Лемуар? — спросил Ахматов.

— С мадам Ленуар?.. — Летчик на мгновение перестал работать, и голос его зазвучал серьезно и глухо.

— Ведь я вас любил, мадам. Вы это знаете. И мне не было обидно, когда вы не ответили на мое чувство. Ведь вы были женой фашиста, вождя и героя. Но как вышло, что вы связались с этой дрянью? Вот чего я не могу понять! — Летчик передернул как от боли головой и снова взялся прилаживать пропеллер.

Голос Мадлен дрожал, но слез в нем не было:

— Я его люблю. Поняли? Я его люблю. Вашей я не буду. Вы думаете, что я слабенькая девочка?.. Нет, умереть и я сумею.

Мадлен замолчала, потом сказала тихо и с мольбой:

— Тракар, будьте человеком. Сделайте для меня только одно, оставьте меня здесь. Андрей убит... — Рыдания прервали слова молодой женщины.

Летчик расхохотался:

— Оставить здесь? Ну, нет, милочка! Вчера бы я полез к черту на рога, если бы вы того пожелали, а сегодня... Сегодня другое дело. Что касается смерти, то это от вас никогда не уйдет, но раньше вы еще пригодитесь на что-нибудь путное... Готово. Ахматов, что там делают эти обезьяны?.. Ничего поблизости не видно? Идите сюда, и подкатим машину к воротам.

Ильин, лежавший до сих пор без движения и тщетно пытавшийся выдавить из головы хоть какую-нибудь дельную мысль, бешено рванул веревки и завозился на земле. Мадлен с криком бросилась к нему, но в следующий момент она уже билась в руках Тракара.

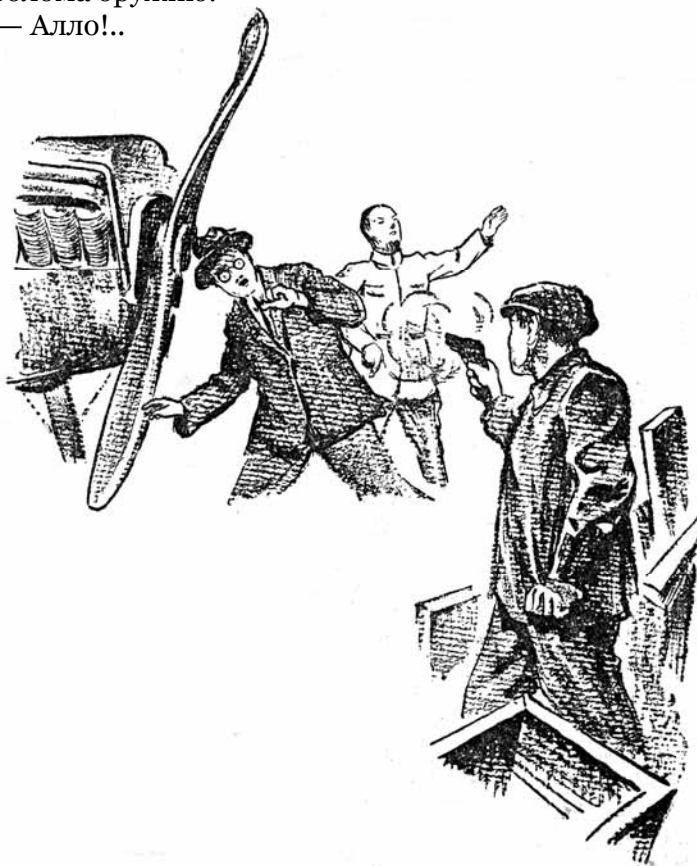
— А ну-ка, Ахматов, дайте мне веревочку. Ничего не поделаешь, придется связать ей лапки... Осторожнее! Я не имею никакого желания повредить вам кожу. Ну, так хорошо. Теперь лезьте, Ахматов, в машину, а я ее вам подам... Теперь ремнями к сиденью, и покрепче. Пойдите, я сам... Готово. Слезайте, заворачивайте хвост машины.

Машина медленно покатила к воротам. Несколько мгновений Ильин с холодным отчаянием провожал взглядом бледное лицо, склоненное над бортом самолета, за-

тем сломилась воля, и не стало силы смотреть. Тогда бес-
сильным движением он опустил голову... и вдруг невольно
вздрагнул всем телом.

Темная, залитая кровью фигура выползла из-под кры-
ши большого полуразбитого ящика и, тяжело припадая на
ногу и придерживаясь за стену, наклонилась к лежавшему
у пролома оружию.

— Алло!..

Без перерыва загремели выстрелы...

Оба фашиста стремительно обернулись, и рука летчика
уже опустилась к кобуре у пояса, когда почти без перерыва
загремели выстрелы... Продолжением чудовищного сна по-

казался Ильину Дюпон, весь измазанный кровью и поспешно развязывавший у него на руках узлы веревок.

Тракар лежал на спине близ левого крыла. Его лицо, белое от сильного внутреннего кровоизлияния, сохраняло выражение изумления. В двух шагах от него еще хрипел и дергался Ахматов.

Когда распахнулись массивные железные ворота и яркий свет залил внутренность ангара, странно было, что солнце еще едва перевалило за полдень. Рокочущий гул мотора покрыл отдельные беспорядочные выстрелы, и когда мангровые деревья болота темными точками упали в пропасть, Ильин с бесконечной нежностью обнял склонившуюся рядом с ним в глубоком обмороке молодую женщину и принялся развязывать узлы веревок.

XXVIII.

КОНЬЯК, ДЫРКИ И РАССКАЗ ДЮПОНА

Выключив мотор, Дюпон широкими крутами спускался вниз. Чаша горизонта сжималась и делалась плоской, узенькая ниточка реки стала широкой лентой, затем далеко убежали края поляны, минуту назад казавшейся лоскутком среди бескрайней пелены леса, — и аэроплан мягко запрыгал по высокой траве.

Дюпон перегнулся назад. Его лицо было белым.

— Андрей, я уже не думал, что дотяну до земли. Ты тоже ранен. Если у тебя хватит сил, посмотри... — голос Дюпона прервался, — посмотри, у меня, кажется, две дырки. Если бы их перевязать... я бы немножко отдохнул и потом опять... — Он обращался к Ильину на «ты», и это было вполне естественно.

Ильин с глубокой нежностью прервал его.

— Постой, я помогу тебе слезть на землю. Я тоже получил чем-то по голове. Еще не могу сообразить, чем.

Собрав силы, он попытался поднять ослабевшее тело механика и беспомощно опустил руки:

— Ну, кажется и я... не могу... похвастать крепостью...

Дюпон с напряжением приподнялся, перешагнул на крыло и, увлекая питавшегося его поддержать товарища, мешком упал на землю. Тяжелый толчок словно расколол голову, радужные круги метнулись перед глазами, и Ильин, теряя сознание, свалился у аппарата...

* * *

Как тогда в ангаре, его у пробудил голос Мадлен. Смутные, как сквозь туман, воспоминания кошмарного дня, бледное истомленное лицо, склонившееся над ним, тревожное и вдруг озарившееся радостью... Несколько глот-

ков обжигающей жидкости сразу смыли остатки тумана, и Ильин без усилия поднялся на ноги.

*Ильина пробудил
голос Мадлен...*

Мадлен смотрела на него сияющими глазами.

— Я уже перевязала тебе голову, Андрей. Это было очень удобно сделать, потому что она у тебя обрита. Пуля только разорвала кожу. Я вымыла рану коньяком, потому что нет воды, тебе, конечно, стало больно, и ты зашевелился. И начал, должно быть, ругаться, только я не поняла, потому что ты ругался по-русски.

И молодая женщина залилась счастливым смехом.

Ильин, улыбаясь, смотрел на ее горящее радостью лицо, затем решительно повернулся к лежавшему на земле Дюпону.

— Я его тоже осмотрела, — сказала Мадлен, — у него на левой руке, видимо, оторван палец. Уже перевязан; кровь не идет. Я побоялась трогать. Может быть, опять начнется кровотечение, а я не сумела бы его остановить.

Ильин осмотрел руку лежавшего неподвижно товарища.

— Да, кровь не идет. Значит, с этим можно пока не торопиться. Надо его раздеть, ведь не от одного же пальца он потерял сознание.

— Я думаю, что сначала лучше попытаться привести его в чувство, — сказала молодая женщина.

— Правильно. А ну-ка, дай сюда коньяк.

Однако обморок Дюпона был довольно глубоким. Только минут через десять глаза его открылись. Некоторое время механик мутным взором, как будто ничего не видя, смотрел вперед, затем начал медленно говорить:

— Теперь я как будто соображаю. Значит, из ямы мы все-таки вылезли, только с дырявой кожей. Нога болит не очень, но отчаянно горит палец.

— Нога? Куда же ты ранен? — спросил Ильин.

— В бедро. Я держал винтовку в левой руке, а правой отворял дверь, когда в дыму взрыва этот дьявол выстрелил в меня сзади. Винтовка выпала и, зацепившись на бегу за порог, я грохнулся на землю, а он выстрелил еще раза два, но из-за дыма попал не туда, куда хотел.

Мадлен прервала:

— Об этом вы после расскажете, Дюпон, а сначала надо перевязать ваши, как вы их называете, дырки.

Рана на бедре оказалась сквозной, но кость не была задета. С одной стороны отверстие было закрыто сухим сгустком крови, с другой кровотечение снова началось, когда сняли прилипшее к ноге белье. Края раны вымыли коньяком. На перевязку пошла рубашка Дюпона и, с удовлетворением рассматривая аккуратно завязанную ногу, он глубокомысленно заявил:

— Черт возьми! На войне такая дырка была бы счастливым лотерейным номером. Нога будет цела; несколько месяцев в госпитале, и вместо тебя за это время кого-нибудь другого стукнут на фронте.

Палец по совету Ильина не стали трогать, поскольку кровотечения не было, и все трое разлеглись в тени крыла аэроплана.

* * *

— У нас есть пословица, — начал Ильин, — «дуракам счастье». Это специально про нас с тобой. Не знаю, что и как вышло у тебя, но я-то действовал наобум. Да впрочем, ничего другого в моем положении и не оставалось. Бежать надо было, во всяком случае, этой же ночью, хотя не было никаких шансов на успех. Ты знаешь, это было как выигрыш в сто тысяч, когда часовой у ворот оказался мертвецки пьяным; и уже вовсе не поверил я глазам, увидя тебя вылезаящим из-под ящика в ангаре. Слушай, как это тебя занесло именно в квартиру летчика?

Механик засмеялся:

— Могу тебя уверить, что это вышло без всякого заранее обдуманного плана. Я проснулся перед рассветом от страшного гвалта и суматохи возле барака (я ведь ночевал в лагере, на постройке). Луи найти сразу не удалось; думаю, что он проявил свою инициативу, так как я увидел его только в толпе пьяных зверей возле разбитого склада спирта. Что тут было!..

Дюпон покосился на Мадлен и продолжал:

— Я видел раз еще на фронте погром винного склада. Но ведь там были люди, а здесь ошалелые чудовища, да еще с заряженными винтовками в лапах. Должно быть, перед моим приходом вышла какая-то драка, потому что на земле лежало несколько трупов, а Луи сыпал направо и налево удары, от которых эти двухметровые отродья валились на землю как соломинки. В общем, это была такая сумасшедшая каша, что я еле унес ноги. Кинулся, конечно, к домику, где ты сидел. Часовых не оказалось, а старик Идаев лежал с вдребезги разбитой головой. Мне это не понравилось. Когда все двери оказались запертыми, а твоя камера пустой, я сначала стал в тупик. Потом в голову пришла дельная мысль, и я начал осматривать землю от трупа Идаева к дому, — ведь не ангелы же на крыльях перенесли его за сто шагов от клетки, — да вдобавок я знал, что у тебя подготовлен подкоп. Естественно, наткнулся на дыру в земле, — и здорово, знаешь, тебя похвалил. Ну, так. Прежде всего надо было тебя отыскать и, конечно, не на обезьянней

территории. Поэтому я подался к воротам, выбрался без затруднения наружу... И вот тут-то мне никак и не пришлось в голову, что ты первым делом займешься...

Дюпон взглянул на Мадлен и вовремя поперхнулся.

— ...А то бы я, конечно, отыскал тебя сразу. Почти вслед за мной стали один за другим выходить из ворот гориллоиды, и я решил держаться поближе к ним, чтобы при случае через Луи попытаться направлять события. В этот момент капрал с несколькими солдатами выскочил из караульного здания, бросился к воротам и сразу же за стеной наткнулся на целую толпу. Все-таки молодец был покойник: нисколько не оробел и первую же попавшуюся обезьяну ударил в грудь прикладом. Но только результат-то вышел совсем непредвиденный. Винтовка тут же вылетела из его рук и, прежде чем капрал смог что-нибудь понять, обрушилась на его лысину. Нормально — черепок лопнул. Остальные солдаты, отстреливаясь, бросились бежать, несколько этих чудовищ за ними, а одно почему-то кинулось за мной. Зря я задержался там дольше времени. К двери ангара мне бежать было уже нельзя, потому что дорогу загораживали другие черти, и я подался полным ходом в ближайший домик — к летчику.

— А он уже знал о бунте?

— Преспокойно выпивал с этим пучеглазым лаборантом и выругал меня, когда я влетел к нему в комнату. Потом, надо отдать ему справедливость, он весьма отчетливо и первой же пулей прямо в голову положил ворвавшуюся за мной образину. В доме было несколько винтовок, и мы выскочили уже вооруженные. В это время поднялся невероятный рев, и вся масса ошалелых демонов с ружьями в руках бросилась в нашу сторону. Мы заперлись в доме и открыли огонь. Помню еще, что профессор Кроз бежал навстречу своим питомцам и размахивал руками. Должно быть, пуля угодила ему в хорошее место, потому что он как упал, так и не пошевелился. Нас, конечно, спасло только то, что почти вся толпа пробежала мимо и занялась продуктовым складом... Но это было с моей стороны, а что бы-

ло с вашей? И почему все эти дьяволы сразу вдруг словно сорвались с цепи?

Ильин опасливо посмотрел в сторону Мадлен и сделал предостерегающий знак.

— Погоди. Об этом успеем потом. А как вышло, что ты уже раненый оказался все-таки в ангаре?

Дюпон поднял брови и пожал плечами:

— Не дожидаться же мне, пока обезьяны сделают из моей головы яичницу! Рана мне не мешала, и нога затекла уже потом, так что я просто вошел в дыму взрыва в ангар и залез под первый попавшийся ящик. Рассуждать долго не приходилось, потому что ты ведь был в ангаре, и если у нас и был какой-нибудь шанс, то, конечно, только вдвоем, а не поодиночке...

— Ну, а потом?

— Потом? Ты не издавал ни звука. Думаю, они с тобой покончили; значит, расчет совсем простой: во-первых — надо дать Тракару сменить пропеллер, потому что сам я с дырявой ногой и без пальца с ним не справился бы; во-вторых, я один и без оружия, а их двое, значит, надо подождать, пока они кончат и подкатят машину, чего я сам также не сделал бы. Мне оставалась одна задача: за их спиной подойти к пролomu и взять револьвер. И видишь: вышло как по-писаному.

— А зачем ты их окликнул? — недоумевающе спросил Ильин.

Дюпон рассмеялся:

— Знаешь, захотелось посмотреть цвет лица Тракара, когда он увидит покойника с оружием в руке. Ну, теперь выкладывай твою историю.

Ильин рассказал про ночные и утренние события, вплоть до момента взрыва, умалчивая о Ленуаре.

XXIX.

БИВАК НА ПОЛЯНЕ

Дюпон слушал с напряженным вниманием, затем с усилием повернулся набок и взглянул на опускавшееся к горизонту солнце.

— Во всем этом деле, — сказал он, — есть только одна слабая сторона: мы не захватили с собой еды. После всей этой передрыги я до того хочу есть, что съел бы ломовую лошадь. И главное — неизвестно, когда в следующий раз нам удастся пообедать.

— У нас есть кое-что, — сказала Мадлен.

Дюпон даже привстал:

— Так за чем дело стало!.. Где вы нашли?

— В сумке сбоку сиденья. Там несколько коробок консервов и четыре бутылки вина. Хлеба нет, воды тоже нет. Тракар говорил, что воду могут пить только утки.

Молодая женщина быстро достала консервы и бутылки. Ильин с некоторым затруднением открыл ножом коробки и, когда голод был утолен, Дюпон начал обсуждать план дальнейших действий.

— Большая половина дела сделана, но и над остальной частью надо еще хорошенько поломать мозги. Главный вопрос, конечно, не в том, чтобы улететь. Это-то сделать мы всегда сумеем, а в том, чтобы начатое дело довести до конца.

Ильин обернулся к молодой женщине:

— Я думаю, что прежде всего надо, пока светло, подумать о ночлеге. Дюпон пока полежит здесь, а мы вдвоем сходим за ветвями вон к той группе деревьев. Правда, у меня голова сильно болит и кружится, но как-нибудь я все-таки дотащусь.

Мадлен с возмущением прервала его:

— Как тебе не стыдно говорить такие глупости! Как будто я сама не могу сходить и нарезать веток! И лежи, пожалуйста, смирно, слышишь!

Когда она отошла на несколько шагов, Ильин быстро заговорил:

— Я нарочно так повернул, чтобы Мадлен ушла. Я вовсе не хочу, чтобы она возненавидела и нас. Все-таки ведь это мы были причиной смерти ее мужа. Правда, она чувствовала к нему только ужас, но все-таки...

— Так значит, Ленуар убит?

— Ну конечно. Ты же видел, как я сворачивал в сторону, как только разговор подходил к этому пункту. Раненая обезьяна перегрызла ему горло.

— Здорово!

— Так видишь, — продолжал Ильин, — дело надо доводить до конца, но надо, чтобы она этого не знала. Перед насилием и кровью у нее болезненный ужас, и если она узнает, что разгром и резня в Ниамбе дело наших рук, она отвернется от меня.

Дюпон засмеялся:

— Любовь, следовательно! Ну ладно, пусть будет так. Теперь о деле. Когда мы спускались, я, уже теряя сознание, все же запомнил громадный столб дыма над Ниамбой. Доблестные воины покойного капитана, да, кстати, и их долготерпеливые черные мамы теперь уже, вероятно, начисто разнесли и спалили все заведение. Луи был в толпе и направлял ее к складу. Но, конечно, руководить пьяными чертями во всем он не мог. Все-таки мне кажется, что это он нарочно отвлек толпу к продуктовому складу, иначе они мигом сломили бы наше сопротивление. Конечно, у него свои соображения, и я никогда не мог влезть в его дикую сумасшедшую башку. Но я потому за него спокоен, что его чудовищные мечты о крови и власти требуют для осуществления как раз тех действий, которые нам сейчас нужны. Уговор же был такой: разнести Ниамбу, захватить большой катер на пристани, переправить зверей на ту сторону реки, чтобы двинуться на институт. Один молодой негр, с которым у меня завязались сношения и который работал на ка-

тере, должен был для этого вынуть на время какую-нибудь часть из машины и помешать отвести его от пристани, когда начнется суматоха. Радио я испортил сам сегодня ночью и испортил на совесть. По этой стороне реки пути нет ни направо, ни налево из-за болота, да кроме того, институт на той стороне. Значит, там еще ничего не могут знать. Впрочем, я не думаю, чтобы птенчики сегодня переправились через реку. Несомненно, все обезьяны пьяны в доску, а с ними, конечно, и негры, кроме разве двоих наших.

— Так ты убежден, что они не тронули негров? — спросил Ильин.

— Ну конечно. Все-таки ведь «родственники».

— Но в таком случае нам здесь нечего делать. Надо скорей лететь в институт и предупредить своих.

Дюпон отрицательно покачал головой:

— Сегодня я еще очень слаб, и скоро вечер — это во-первых и во-вторых, а в-третьих — армия генерала Луи прибудет туда берегом только завтра, во второй половине дня. Значит, самое правильное — сегодня отдохнуть и выспаться, а завтра утром двинуться в путь.

Когда Мадлен притащила охапку ветвей, Ильин, несмотря на протесты молодой женщины, сходил за остальными нарезанными ею ветками и устроил довольно приличную постель.

Ночь пришла сразу, как это бывает под тропиками, и когда звездами загорелось черное небо, все трое, накрывшись брезентом, улеглись рядом под крылом аэроплана.

Мадлен скоро задремала, положив голову на руку Ильина. Несколько раз она быстро-быстро начинала говорить жалобные и бессвязные слова, два раза во сне по-детски всхлипнула, затем постепенно успокоилась и крепко заснула. Дюпон давно уже тихонько насвистывал носом. Ильину не спалось.

Ночь была тихая и теплая. Яркие звезды глядели с бездонного неба. Со всех сторон неся переливающийся немолчный звон цикад. Жутко кричала вдали на опушке леса какая-то ночная птица. Черные тени огромных летучих мы-

шей ныряли откуда-то сверху к белевшему на поляне силуэту аэроплана и снова исчезали во мраке.

Прислушиваясь к звукам ночной жизни тропического леса, Ильин медленно перебирал в памяти сумбурные воспоминания сегодняшнего дня. Дикий рев толпы гориллоидов, окровавленная, с перегрызенным горлом бессильно закинувшаяся назад фигура Лемуара, злорадные нотки в голосе Тракара и сверкающая победная радость, когда глубоко внизу остались выстрелы и пылающие развалины Ниямбы и когда, обнимая одной рукой хрупкое безжизненное тело Мадлен, он развязывал узлы веревок.

Потом, как на экране кинематографа, на мгновение почему-то вырисовались залитые весенним солнцем колонны Большого театра в Москве, красивые розовощекие девушки в легких ярких платьях и сказочно прекрасный Кремль, нависший высоко над рекой, — и в звенящей радости жизни постепенно растворились остатки засыпающего здоровым сном сознания...

XXX.

СНОВА В ВОЗДУХЕ

Утром Дюпон, крихтя и ругаясь, попробовал пройти несколько шагов и, убедившись в безнадежности этой попытки, определил положение следующим образом:

— Ногу хоть выбрось. Сейчас в ней меньше толку, чем если бы ее вовсе не было. Голова в порядке. Следовательно, беру ответственность в воздухе не только за себя, но и за вас обоих, дорогие товарищи.

У Ильина только слегка болела голова. Повязок трогать не стали и, опорожнив на троих две жестянки консервов, принялись общими силами водружать механика на аппарат. Задача оказалась довольно трудной, потому что простреленная нога затекла и потеряла способность двигаться; зато железные плечи механика приняли деятельное участие в «погрузке», и в конце концов он был помещен в сиденье пилота. Через несколько минут, оправившись от перенесенной встряски, Дюпон оглянулся на уже сидевших позади спутников, включил самопуск, и аппарат после короткого разбега стремительно рванулся вверх.

Несколькими громадными кругами Дюпон забрал высоту, затем направился в сторону Ниямбы.

Прозрачная завеса светло серого дыма еще покрывала остров. Черная точка медленно переплывала реку. Аэроплан круто скользнул вниз, и шевелящееся пятнышко ясно вырисовалось на том берегу реки.

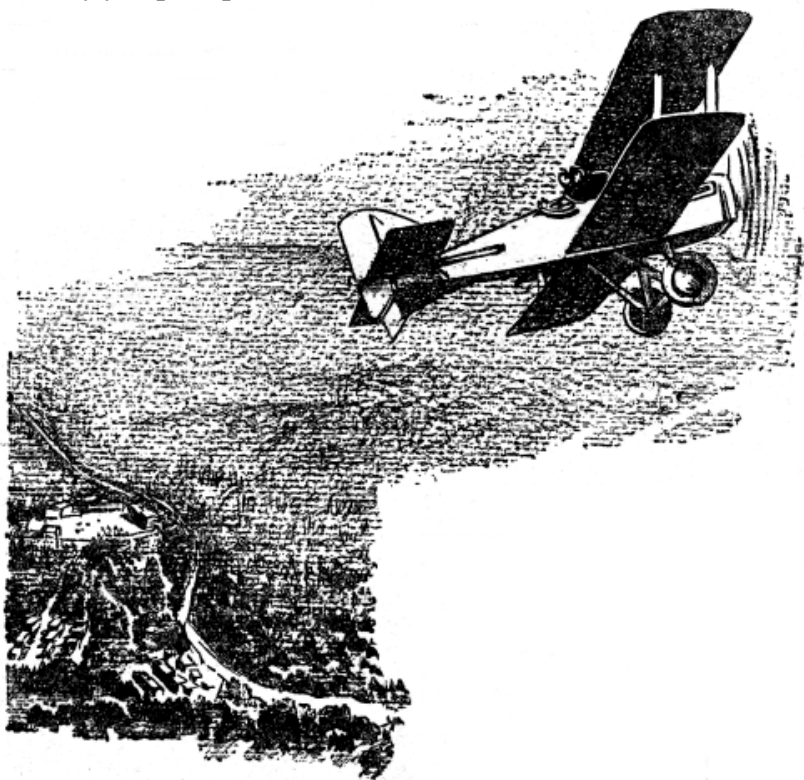
Ильин наклонился к летчику и, стараясь покрыть рев мотора, крикнул ему в ухо:

— Есть! Уже переплыли!

Дюпон утвердительно кивнул и снова направил аппарат круто вверх.

Широко развернулась чаша горизонта и тоненькой блестящей ниточкой казалась потонувшая в лесной чаще река. Не доходя до резко выделявшихся угловатых пятен зда-

ний института, аэроплан повернул вправо и на далеком расстоянии обошел их громадной дугой. Затем мотор был выключен, и аппарат красиво спланировал на большую поляну у берега реки.

Широко развернулась чаша горизонта...

Когда аппарат остановился, Дюпон обернулся к Ильину.

— Вот что, дружище. Идти, конечно, придется тебе, и это очень скверно, потому что я бы легко обладил там наше дело, а тебе устроить все как следует будет трудно.

— Ну, я хорошо знаю все здания и окрестности института.

— Да. Но ты не знаком с рабочими. Это во-первых, — Дюпон критически осмотрел измазанную кровью физиономию и одежду товарища. — А во-вторых — если бы только ты мог сейчас посмотреть на себя в зеркало! Сомневаюсь, чтобы твой вид мог внушить доверие честному человеку. — Он рассмеялся. — В таком виде, конечно, нечего и думать идти. Прежде всего, спустись к реке, вымой физиономию и выполощи, насколько удастся, рубашку.

— Я это ему сделаю, — вмешалась Мадлен.

— Отлично! Значит, умойся и возвращайся скорее, нужно еще обдумать как следует план дальнейших действий.

Когда через несколько минут Ильин с мокрым, но уже чистым лицом подошел к аппарату, Дюпон сидел глубоко задумавшись.

— Чем больше я думаю, — сказал он, — тем труднее кажется задача. Во-первых, надо предупредить и снять всех рабочих, а это мудреное дело. Во-вторых, — как ты думаешь, поглядят ли их — да и нас также — по головке, если рабочие придут в порт, бросив в беде свое начальство?..

— А если, — сказал Ильин, — без всяких хитростей: просто предупредить всех в институте, а самим махнуть по воздуху в порт. Там нас, как спасшихся от катастрофы, несомненно встретят с распростертыми объятиями.

Лицо механика загорелось непримиримой ненавистью.

— Ну, нет! Все, что угодно, только не это! Значит — спасти своими руками гнездо гадов, которые готовили здесь это чудовищное дело? Свести все только к бою, где через несколько дней мобилизованные негры и гориллоиды будут избивать друг друга? Нет, этого мало, Андрей! Расправа должна быть такой, чтобы там, в Европе, вздрогнули от ужаса, чтобы раз навсегда отбить охоту заниматься таким делом. Всю чашу развлечений, которую они готовили для рабочих кварталов, — пусть эту чашу они сами выпьют до дна! Они сотворили дьявола, так пусть до конца дьявол сделает дело! Пойми, что это нужно не из мести (хотя и она

была бы естественна), а для надежности действия лекарства.

Несколько секунд Ильин стоял молча, опираясь локтем на крыло аппарата, потом поднял голову:

— Ты прав. Пусть будет так.

— И если даже мы погибнем, — добавил Дюпон, — и если подвергнутся преследованиям наши здешние товарищи, это не будет дорогой ценой за окончательную ликвидацию дьявольского плана. Теперь вот что. Идти советую берегом, чтобы не заблудиться в лесу. К счастью, рабочий поселок построен отдельно и далеко от ограды парка, притом как раз с этой стороны. Я для того сюда и опустился. Зайди к шоферу. Его домик — крайний слева. Передай его жене эту записку. Она ничего женщина, но все-таки лучше много ей не говори. Я пишу, чтобы он и еще один товарищ сговорились с тобой, как провести это дело. Путь туда займет не больше часа, и времени до прихода отряда Луи хватит за глаза, тем более, что ребят — во избежание подозрений на них — надо будет снять, если можно, в самый последний момент.

Когда через минуту Ильин надел принесенную Мадлен мокрую, но уже более или менее чистую рубашку, Дюпон снял с головы фуражку.

— Повязку на голове, — сказал он, — надо закрыть. Теперь ты будешь иметь менее сенсационный вид. И возьми револьвер: кто знает, может быть, он тебе пригодится.

XXXI.

НЕ ВСЕ ДЕЛАЕТСЯ ПО ПЛАНУ

На опушке леса Ильин обнял молодую женщину.

— Дальше, дорогая, идти нельзя. Ты будешь мне мешать и поставишь меня в опасное положение. Возвращайся к аппарату, жди меня и будь умной. Не беспокойся, я скоро вернусь, и завтра мы, вероятно, будем уже вне всякой опасности.

Некоторое время Мадлен провожала его глазами, затем зеленая завеса скрыла мелькавшую между деревьями фигуру...

* * *

Вдоль берега шла тропинка, местами углублявшаяся в чащу, затем снова сворачивавшая к реке. Кругом было тихо, встречных не было, и, напряженно прислушиваясь к каждому звуку, Ильин быстро шел к поселку. Через час впереди, сразу в нескольких местах, мелькнули просветы и, еще увеличив осторожность, Ильин выбрался на опушку.

Домики для квалифицированных рабочих были расположены группой на холме близ края поляны. Ниже и ближе к реке виднелись многочисленные хижины негров. Осторожно обогнув по опушке край поляны и скрываясь за густым кустарником, Ильин оказался наконец против крайнего домика. Кругом было пусто, и, быстро пройдя по открытому месту, он постучался в дверь.

Открыла молодая, но болезненная на вид женщина. При виде незнакомого бледного лица и повязки, предательски выглянувшей из-под фуражки, она испуганно отшатнулась.

Ильин протянул ей записку.

—Эту бумажку Дюпон просил передать вашему мужу.

*Мадлен провожала
его глазами...*

— Дюпон!.. — молодая женщина еще откровеннее по-
пятилась. — Кто вы такой? Дюпона давно отправили в Ев-
ропу.

Ильин улыбнулся.

— Дорогая хозяйка, Дюпон не в Европе, а здесь, недале-
ко отсюда. И не пугайтесь моего немного странного вида.
Произошли события, которые ставят в опасное положение
вашего мужа и вас, и я пришел для того, чтобы сообщить
ему крайне важные для него вещи.

Молодая женщина растерянно засуетилась.

— Ну, конечно, я так и знала. Я всегда этого боялась. Я всегда ему говорила, чтобы он не путался с этим Дюпоном и не ввязывался в политику. Вот теперь и вышло. Его, значит, хотят арестовать?

Ильин снова улыбнулся.

— Вовсе нет. Дело не в том. И мой вам совет, если вы хотите избежать очень большой опасности для него и себя, то как можно скорее передайте ему эту записку. Кроме того, постарайтесь не иметь взволнованного вида и никому, понимаете, никому ни слова об этой записке и моем приходе.

Молодая женщина несколько секунд испуганно на него смотрела, затем снова бесцельно засуетилась, схватила записку, выскочила за дверь, снова вернулась и уставилась на странного гостя.

Как ни серьезно было положение, Ильин от души расхохотался.

— Я вижу, вы боитесь оставлять меня одного в квартире. Заприте ее, а я посижу в саду; и поверьте, я пришел вовсе не затем, чтобы забрать ваши горшки.

Смех Ильина почему-то успокаивающе подействовал на молодую женщину, и голос ее сразу стал приветливым:

— Посидите здесь, товарищ, — сказала она. — Я вовсе этого не думала, только я так боюсь за мужа и так измучилась последнее время, особенно когда исчез Дюпон... — И, приотворив дверь, она быстрыми шагами направилась к видневшейся за деревьями высокой крыше лаборатории.

* * *

Высокий чернобородый хозяин квартиры был поражен встречей и не сразу получил дар слова.

— Я ничего не понимаю, мсье, — пробормотал он в конце концов. Вы ведь находились в Ниямбе?

Ильин улыбнулся.

— Да, я был в Ниямбе, товарищ, и я только что прибыл оттуда на аэроплане после разразившейся там страшной катастрофы. Вы слышали, что в Ниямбе скрещивали людей с обезьянами?

Шофер заволновался.

— Какая чушь! До нас доходили слухи, но этой сказке, конечно, никто не верил.

— Это было, — возразил Ильин, — и в больших размерах. Десять тысяч женщин должны были в ближайшее время прибыть для этого в Ниямбу. Затем то же самое было решено широко развернуть по материку. Пользуясь тем, что эти чудовища к восьми годам делаются взрослыми, военное министерство предполагало создать из них свирепую армию для подавления революционных выступлений рабочих.

Шофер медленно попятился назад и, делая жене знаки глазами, занял позицию у двери.

Легкая усмешка, мелькнувшая на его губах, объяснила молодому ученому, какой эффект произвели его слова, и он сделал усилие, чтобы остаться спокойным.

— Я вижу, что вы считаете меня душевнобольным. Не торопитесь, товарищ, с заключением и выслушайте меня внимательно. Вчера среди этих чудовищ разразился пьяный бунт, после того, как они овладели складом спирта. В результате Ниямба разрушена до основания и почти все жители перебиты. Я — один из троих, уцелевших от погрома.

Шофер еще раз провел глазами по бледному лицу и истрепанному костюму молодого ученого, затем, составив себе уже окончательное заключение, внезапно захлопнул дверь и щелкнул засовом.

Ильин потерял у двери несколько драгоценных мгновений и, когда бросился наконец к окну, сквозь стекло мелькнуло как тень лицо хозяина и раздался стук запираемой ставни. Несколько секунд он беспомощно метался во мраке, затем зацепился, очевидно, за столик, с грохотом опрокинул его и растянулся на полу. Поднявшись, он заставил себя сесть на подвернувшийся диван, чтобы возможно спокойнее обсудить положение.

«В ТЮРЬМУ ИЛИ В СУМАСШЕДШИЙ ДОМ?»

История была настолько дурацкой, что ничего хуже при всем желании нельзя было бы придумать! Ясно, что за ним вскоре явятся. Совершенно ясно также и то, что администрация института уж никак не признает его сумасшедшим. Значит через час он будет сидеть за решеткой, а затем придут гориллоиды...

Свежие воспоминания вчерашнего дня вспыхнули с такой остротой, что Ильин невольно вздрогнул. Слепая, нерассуждающая ярость ударила в голову, и, схватив подвернувшийся под руки табурет, он изо всех сил принялся бить по оконной раме. Дождем посыпались стекла, рама затрещала, но ставня упорно не поддавалась. Потом с треском разлетелся на куски табурет, и он сразу опомнился.

«Теперь кончено! Теперь ни у кого не останется ни малейших сомнений в моем безумии!»

Через минуту за стеной раздались шаги и истерический озлобленный крик хозяйки:

— Это ты, несчастный идиот, сошел с ума. А?! Запер сумасшедшего у себя в комнате! Да ты мог же, дурак, сообразить, что он там все переломает. Что здесь без тебя было! Ведь там во всей комнате не осталось ни одной целой вещи.

Несмотря на трагизм положения, Ильин не мог удержаться от смеха.

— Черт бы его взял. Он вовсе не произвел на меня впечатление буйнопомешанного, — ответил голос хозяина.

Второй, низкий, медью отливающийся голос вмешался в разговор:

— Я одного не понимаю, Жан: ведь у него была записка Дюпона.

— А почему ты думаешь, что это записка Дюпона?

— Но ведь ты смотрел на его почерк? — продолжал тот же голос.

— Почерк как почерк. У всех людей почерк более или менее одинаковый. Нужно быть экспертом в суде, чтобы отличить их друг от друга.

— Но разве у тебя не было какого-нибудь письма Дюпона для сравнения?

План института и прилегающей местности

— Если бы оно и было, я давно бы его уничтожил, и ты сам понимаешь почему. Но ты напрасно сомневаешься. Как только жена показала мне бумажку, я уже заподозрил, в чем дело. Ведь все мы отлично знаем, что Дюпон отправлен в Европу. Когда я взглянул на его лицо и блуждающие глаза и выслушал этот дикий бред, так всякие сомнения исчезли. Как-то я в Льеже долго болтался без работы и дошел до такой крайности, что поступил сторожем в сумасшедший дом и проработал там месяца два. Так что отличить такого больного я всегда сумею. Могу тебя уверить, что большинство тамошних квартирантов казались вполне

здоровыми по сравнению с этим несчастным... Но жена права. Я поступил как круглый идиот, заперев его в комнате. Он там должно быть переломал всю мебель.

Ильин, который до этого момента тихо слушал, чтобы уяснить окончательно положение, теперь постучал в стену.

— Товарищи, послушайте минутку толком, что я вам говорю. Я вовсе не сумасшедший, и письмо действительно от Дюпона, и я могу сейчас проводить вас к нему. Наш аэроплан стоит километрах в шести или семи отсюда, за лесом. Дюпон находится там, но он ранен и не мог сам прийти. Не будьте идиотами. Пройдемте туда вместе, и вы убедитесь в правильности моих слов. Но раньше оповестите всех рабочих — собраться сюда и готовиться к бегству. Большой отряд помесей человека с гориллой идет из Ниямбы, которую они разрушили до основания. Это громадные, ростом в два метра, волосатые и свирепые животные, и горе тому, кто попадет им в руки. Они вооружены винтовками, замечательно метко стреляют, великолепно обучены воинскому строю самим Ленуаром, и здешним солдатам не задержат их и пяти минут.

— Слышишь, Менье, — голос хозяина звучал торжеством. — А ты еще сомневался. Беги предупредить администрацию, а я покараулю здесь снаружи, и черт бы их взял! Если они пораспустили здесь по лесу сумасшедших профессоров, я заставлю их заплатить мне за поломанную мебель!

Ильин в полном отчаянии схватился за голову и заметался по комнате, натываясь в темноте на разбросанные и поваленные вещи.

Со всех точек зрения положение было безнадежным. И самое скверное, что невозможно придумать разумного выхода!.. Под ноги снова попался тот же диван. Охваченный внезапно наступившей апатией, Ильин вытянулся на нем, бессмысленно уставившись глазами в узкую как ниточка полоску света, проникавшую между ставнями.

Время тянулось медленно, снаружи было тихо, и утомленное сознание уже стало завлакиваться туманом, когда послышались шаги идущих к дому людей.

Дверь отворилась, поток яркого света залил комнату, и в тот момент, когда сначала ослепленные глаза Ильина вернули способность видеть, от двери раздался громкий и оскорбительно наглый смех.

Впереди вошедших стоял знакомый по давнишней встрече в столовой хлыщеватый лейтенант в белоснежном кителе и шлеме, с моноклем в глазу. Похлопывая хлыстиком по щегольским коричневым крагам, лейтенант внимательно осмотрел оборванное платье Ильина, затем только одной головой повернулся немного влево.

— Нельзя сказать, чтобы этот ученый... — он по-особенному протянул последнее слово, — имел слишком элегантный вид. Вы знаете, я не люблю русских главным образом за то, что с ними никогда не знаешь, надо ли их сажать в тюрьму или в сумасшедший дом. — И лейтенант снова рассмеялся.

Ильин никогда впоследствии не мог сообразить, как это случилось, что, взяв на прицел монокль, он нажал гашетку парабеллума.

Стоявшие в дверях с ужасом шарахнулись в стороны и, перешагнув через упавшее поперек коридора тело лейтенанта, Ильин с размаху ударил дулом револьвера в рыжий затылок оказавшегося перед ним начальника местной полиции и одним прыжком выскочил наружу.

Перед домом толпой стояли, с любопытством вытягивая шеи, рабочие. С этой стороны забор палисадника загораживал путь, и Ильин метнулся между кустами влево.

Сзади раздался выстрел, потом другой, у самого уха свистнула пуля... какая-то фигура бросилась навстречу с распростертыми, как для объятий, руками — и сразу замерла, увидев револьвер в руках беглеца. Ильин нырнул в калитку, выскочил на улицу и кинулся бежать, сам не зная куда.

ГИБЕЛЬ ТРОПИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

Ослабленное потерей крови сердце колотилось, разрывая грудную клетку, и дыхания уже не хватало, когда, спотыкаясь от усталости, он подбежал к крайнему домику поселка. Впереди был кусок открытого поля. За ним ограда института. Бежать туда было незачем, да он бы и не смог бежать дальше.

Шум толпы раздался совсем рядом, какая-то женщина с визгом выскочила из дверей дома и метнулась в сторону. Тогда почти машинально, уже не зная, зачем он это делает, Ильин из последних сил вбежал во двор, вскорабкался по приставленной к стене лестнице на крышу и спрятался за трубой, под густо сплетавшимися ветвями стоявшего рядом с домом дерева.

Через несколько секунд двор наполнился шумящей и кричащей толпой.

— Ты, я вижу, очень умный! Лезь, коли хочешь, сам на крышу. Видел, как он смазал прямо в глаз лейтенанта?

— Приставляй лестницу правой, ребята?

— Какую там лестницу, здесь надо с чердака проломать дыру на крышу.

Потом, покрывая отдельные выкрики, раздался уже знакомый Ильину медный голос рабочего, который давеча разговаривал с шофером.

— Стой, ребята, не валяй дурака. Это вам не кролик. И вовсе незачем нам подставлять лоб под пули.

— А с чего это он взбесился, дядюшка Менье?

— Черт его знает с чего! Ну, расходишь, пускай администрация достает его как знает. Нам ведь не положат прибавки к жалованью за лишнюю дырку в шкуре.

Шум на дворе начал стихать, и толпа, прекратив наступательные действия, рассеялась по краям двора, не желая упускать зрелище.

Ильин из последних сил вскарабкался по лестнице на крышу...

Ильин, весь залитый потом, лежал под ветвями без мыслей в голове, наслаждаясь, как усталое животное, покоем отдохавших мускулов и прислушиваясь, как сердце все медленнее, тише и ровнее билось в груди.

Через несколько минут он поднял голову. Группа черных солдат с офицером во главе быстрым шагом направлялась сюда от ворот института. Рядом с офицером, твердо ступая негнушимися от подагры ногами, шел высокий старик с длинной бородой, в котором Ильин узнал директора института, молчаливого и сурового профессора Делярош. Подойдя к дому, часть солдат развернулась со стороны улицы, часть вошла во двор и оцепила само здание.

Ильин долго и жадно оглядел бездонное синее небо и темную полоску опушки леса, глубоко вздохнул и вложил в револьвер новую обойму. Страх и беспокойство исчезли. На этот раз через несколько минут все будет кончено. Он твердо знал одно, что живым его не возьмут.

Слабо шумевшая до сих пор толпа замолкла. Справа за углом слышался звук неторопливого разговора: очевидно, там обсуждался план действий. Ильин еще раз глубоко вздохнул, медленно повел взором по четко вырисовавшимся на фоне неба вершинам пальм парка — и внезапно расширившимися глазами впился в дальнюю опушку леса.

На поляне, развернувшись фронтом к реке, молчаливо и быстро двигалась длинная черная цепь.

Несколько секунд Ильин смотрел, еще не веря своим глазам. Да, это были они, в этом не было ни малейшего сомнения. Громадные даже на таком расстоянии фигуры, волосатые, неуклюжие и стремительные. Сутулые плечи и длинные, ниже колен, руки, со взятыми наперевес винтовками... И все же это было нечто совсем другое, чем вчера. Как тогда, на памятном ученье в Ниямбе, цепь шла неуловимо правильным шахматным порядком — каждое заднее звено в промежутке двух передних, — и мощь несокрушимого натиска чувствовалась в стройном и стремительном движении чудовищ.

В эту минуту справа, по ту сторону институтских зданий, раздался короткий отрывистый залп, затем другой, и

разом закипела сильная ружейная перестрелка. Внизу на дворе началась суматоха, но Ильин уже ни о чем более не думал, весь отдавшись наблюдению развертывавшегося перед ним небывалого боя.

Характер происходившего был ясен. Очевидно, часть гориллоидов повела наступление в лоб вдоль реки и, судя по выстрелам, уже ворвалась в институтские здания; другая часть шла в охват, в промежуток между институтом и рабочим поселком.

Во дворе паника усиливалась. Солдаты, не видя снизу происходящего, но слыша в стороне института разгорающийся ружейный огонь, выскакивали на улицу и быстро выстраивались, повинаясь резкой отрывистой команде. Затем отряд бегом двинулся обратно, к воротам института. Позади них, неторопливо шагая своими длинными негнущимися ногами, одиноко шел по полю старик-директор. Обходящая цепь гориллоидов, видная Ильину с крыши как на ладони, была для находящихся внизу еще скрыта складкой местности.

Когда солдаты подошли к ограде парка, ворота открылись, и оттуда вырвался поток людей, в дикой панике бежавших по направлению к рабочему поселку. Затем выскочили десятка три солдат, кативших за собой два пулемета, но в тот же момент на гребне холма уже совсем близко показалась цепь гориллоидов.

Вопль ужаса огласил равнину, и толпа беглецов в полном беспорядке рассеялась — назад к институту, в сторону реки и вперед к поселку. Густо и дробно застучали выстрелы пулеметов, и струи пуль облили шеренги нападавших.

Ильин, забыв обо всем — о своей безопасности, о задании Дюпона и даже об оставшихся за лесом товарищах, — поднявшись во весь рост на крыше, впился глазами в картину начинавшегося перед ним на равнине необычайного боя.

Как только первый пулемет хлестнул по рядам гориллоидов, их шеренги, словно придавленные лопатой, пали на землю, и сейчас же короткими, но непрерывными пере-

бежками снова рванулись вперед. Те звенья, на которые лился поток пуль, лежали, словно вросшие в землю, или лежа стреляли, и в то же время другие звенья стремительными скачками бежали вперед.

Перебежки как искры непрерывно вспыхивали и гасли по фронту наступавших цепей, и, почти не веря глазам, Ильин видел, что, несмотря на кажущуюся сумятицу падавших и вскакивавших фигур, обе шеренги сохраняют известное равнение, а каждое звено по-прежнему остается в промежутке позади или впереди двух соседних. И несмотря на сильный ружейный и пулеметный огонь, позади цепей почти не видно было павших.

Да, Лемуар знал, что делал! Горе человечеству, если бы это оружие уцелело в его руках...

Соппротивление было коротким. Через две-три минуты солдаты, бросив пулеметы, кинулись туда, где, собственно, не могло быть спасения, то есть к реке, — и гориллоиды с победным ревом рассыпались по всей равнине, осыпая пулями и преследуя бегущих. Небольшая часть беглецов, сохранивших остатки хладнокровия и удержавшихся от панического бегства к реке, все же прорвалась к поселку. За ней гнались отдельные гориллоиды.

Оставаться далее на месте — грозило гибелью.

Спускаясь с крыши, Ильин увидел в хвосте бегущих задыхающегося и еле передвигающего ноги барона Делярош, тащившего за руку свою молоденькую дочь.

Последнее, что врезалось в память из этой картины, был штык в волосатой руке, поднятый над спиной барона, тонкая в голубом шелковом платье фигура, перекинутая через плечо чудовища и пронзительный, полный нечеловеческого ужаса вопль...

Лавируя между деревьями и перескакивая через клумбы, Ильин уже бежал к противоположному концу поселка. Население его имело достаточно времени для бегства, и дома были уже пусты. Местами на земле валялся разный домашний хлам, наспех захваченный хозяевами и затем брошенный, когда пули гориллоидов засвистали вдоль улицы.

За полем, там где большая дорога в порт углублялась в лес, белели фигуры последних беглецов.

Так как дорога эта, срезая широкую извилину реки, далеко отходила от нее в сторону, Ильин направился полем к черневшей невдалеке лесной опушке. Преследования не было, и он не торопясь шел, изредка оглядываясь назад.

ТЯНУТЬ НА ПОСЛЕДНИХ КАПЛЯХ

До леса оставалось не более тридцати-сорока шагов, когда у правого уха зычно взвизгнула пуля и Ильин, сломя голову, бросился к спасительной опушке. Вторая пуля взбила пыль в двух шагах впереди, третья щелкнула в землю где-то у самых ног сзади. До ближайшего куста оставалось не больше двух метров. Еще секунда и он выйдет из-под прицела.

Небольшой толчок в бок, как от удара веткой — но Ильин уже несея в лесном сумраке, лавируя между деревьями. Там, где бок зацепило веткой, немного саднило. Он машинально провел по этому месту рукой и, вытирая пот со лба, увидел, что ладонь в крови.

«Что за черт! Неужели это была пуля?» — подумал Ильин.

Выстрелов больше не было, он остановился и поднял рубашку. Весь правый бок был залит кровью, обильно вытекавшей из дырочки в мышце под плечом. Короткий осмотр показал, что рана была пустяшная, но допускать вторичную потерю крови нельзя было никоим образом.

Вряд ли следовало опасаться преследования одинокого беглеца. Поэтому, обернувшись на всякий случай лицом к опушке, он разорвал пополам рубаху, связал концы вместе и, как мог, туго стянул себе этим жгутом под мышками грудь. Кровотечение уменьшилось, но не прекратилось. Тем не менее, больше ничего уже нельзя было сделать своими силами, и Ильин повернул влево, чтобы поскорее выйти на знакомую тропинку. Последняя оказалась в двух шагах, и он поспешно зашагал в направлении, обратном пройденному утру пути.

...Часто впоследствии, как закрепленная на фотографии, вставала перед его глазами картина этой узенькой тропинки, извивавшейся в лесном сумраке между громадными де-

ревьями. Стройные стволы гигантских пальм, высоко в небе сплетавших в густую крышу свои кроны, светлые круглые блики света на зеленом мху — и светлая, какая-то детская радость. Такой легкой была голова, так легко переливались одна в другую мысли. Такими пустяковыми представлялись все опасности предшествовавшего дня, и легким, невесомым и порхающим казался он себе в сравнении с этими тяжелыми и беспомощно медлительными чудовищами. Временами, как от шампанского, светло кружилась голова и только геометрическими телами представлялись деревья и даже товарищи — там впереди, на поляне.

Ильин не знал, какое расстояние он прошел, когда головокружение и слабость постепенно стали тягостны и неприятны. Светлая радость потухла, и через внезапные провалы в холодном сознании скользко пролез и расползся страх. Кровотечение, хотя и слабое, продолжалось. Сколько он потерял крови, и хватит ли остатка, чтобы дотащить до поляны?

А если он свалится на тропинке? Потом наступит ночь и придут обыскивать лес гориллоиды?.. Нет, он не сдастся! Воли у него хватит. Выжав последнее из слабеющего тела, до аэроплана он все-таки дойдет...

Когда между деревьями показались просветы, голова закружилась с такой силой, что удержаться на ногах Ильин не смог. Через минуту, сжав зубы, он вспышкой воли снова поднял свое тело и, хватаясь поминутно за деревья, пошел вперед. Когда он был уже в нескольких шагах от опушки, земля как карусель завертелась под ним, он упал и, вероятно, лежал долго, потому что, поднявшись с первым проблеском сознания на ноги, заметил и запомнил большое пятно крови на смятом зеленом лопухе.

Затем — огненный блеск солнца на поляне и донесшийся издали крик ужаса и радости.

На этот раз он не потерял сознания и довольно ясно увидел склонившееся над ним лицо Мадлен, потом ощутил острый и противный вкус коньяка, затем рокот машины, которую Дюпон по земле подвел к нему, и, наконец, звучавший несомненным уважением голос товарища:

— Однако, дружище, ты, видно, был в новой перделке. Как они тебя разделали!

Каким образом он попал внутрь аэроплана, этого Ильин не помнил. Как рассказывала впоследствии Мадлен, он влез туда сам.

*Огненный блеск солнца на поляне и донесшийся издали крик
ужаса и радости...*

Но совсем непонятным было то обстоятельство, что в правой руке у него оказался парабеллум, поставленный на предохранитель, с шестью пулями в обойме. Судя по тому,

что ни кобуры, ни пояса, ни даже карманов в брюках не было, он после перевязки все время нес револьвер в руке. Ничего подобного он не помнил.

Новая перевязка сразу остановила кровотечение, и через несколько минут, откинувшись с закрытыми глазами на спинку сиденья, Ильин уже вполне сознательно расслышал слова Дюпона:

— Он молодец, ваш Андрей. Что он там натворил, это мы узнаем после, сейчас не до того. Но во всяком случае, он до места дошел, сам стрелял, что видно по закопченному стволу, в него стреляли, что видно по новой дырке, и во всяком случае он сумел выбраться из заварившейся там каши. А вы знаете, когда там разгорелся бой и его долго не было, я вам ничего, конечно, не говорил, но думал, что вряд ли увижу нашего товарища... И потом — знаете, если бы вы... были летчиком, то знали бы, что не особенно легко на последние капли бензина дотянуть аппарат до места. А он дотянул себя на последних каплях крови.

После паузы Дюпон опять заговорил:

— Теперь о деле. Наши задачи здесь кончены, и мы можем подумать о себе. Я рассчитал запас бензина, — хорошо, что мы запаслись тогда в ангаре, — горючего вполне хватит до Капштадта. Переночевать придется на второй трети пути, и завтра к вечеру в нашем распоряжении будут постели, доктора и прочее. Я решил по прибытии направиться прямо к товарищам, и мне кажется, что наиболее умным будет отдохнуть там денек-другой. Идет?..

Очевидно, Мадлен жестом выразила согласие, потому что Дюпон включил самоспуск, и гулкое эхо ответило со стороны леса на рев мотора.

ОТКЛИКИ В ПРЕССЕ

Первая весть о катастрофе в Ниамбе была сообщена европейским читателям короткой телеграммой агентства Гавас:

«10/XII 19 . . . г. В Тропическом исследовательском институте в Гвинее вырвалась из закрытых помещений группа диких животных. Несчастье сопровождалось человеческими жертвами».

Однако вслед за этим известия стали более тревожными. Вот что можно было прочесть в эти дни в телеграммах и газетных статьях:

«Journal de Paris» 12/XII 19 . . . г.

«В министерстве просвещения получено сообщение о тяжелом несчастье в нашем Тропическом институте на реке Габун в Нижней Гвинее. Гориллы, над которыми велась в институте научная работа, вырвались по недосмотру из клеток и напали на обслуживающий персонал института. По-видимому, число человеческих жертв довольно значительно».

«Matin» 13/XII 19 . . . г.

Загадка Ниамбы.

«Последние сведения о несчастье в Тропическом институте были настолько странны, что наш талантливый репор-

тер Клод Борегар получил специальное задание собрать по этому поводу исчерпывающие данные, и мы надеемся быстро снять покров тайны с этого дела».

Дальнейшие строки принадлежат перу К. Борегара (в той же газете):

«Поскольку первые сведения о катастрофе в Ниамбе исходили от министерства просвещения, мы направились прежде всего туда и были приняты заведующим отделом научных учреждений мсье Дориньи. Последний казался чрезвычайно потрясенным.

— Я счастлив дать сведения вашей уважаемой газете, — сказал он, — но я должен предупредить вас, мсье Борегар, что эти сведения очень тяжелы. Несомненно, наша прекрасная Франция лишилась нескольких выдающихся ученых, и наш Тропический институт значительно пострадал. Какое несчастье, дорогой мой, какое несчастье!

После короткой паузы профессор продолжал:

— Я должен информировать вас, что в институте велась работа громадного научного значения над выяснением столь интересующего широкую публику вопроса о происхождении человека. Нашим талантливым ученым профессором Крозом, отсутствие сведений о котором вызывает сильнейшее беспокойство, были получены интереснейшие помеси человекообразных обезьян друг с другом и с неграми...

При этом необычайном сообщении у меня невольно вырвался возглас изумления. Профессор развел руками.

— Конечно, Кроз не торопился с опубликованием своих открытий ранее конца начатого широкого исследования... Животные отличались колоссальным ростом и силой, и многочисленная стража не смогла их удержать. Кроме того, они были вооружены. Надо сказать, что в этих опытах было несколько заинтересовано военное министерство, но это уже выходит из сферы моей компетенции...

Откланявшись и выразив мсье Дориньи соболезнование от имени нашей газеты, я приказал шоферу развить

максимальную скорость, и через несколько минут был у подъезда военного министерства.

Начальник отдела колониальных войск отказался нас принять. Тем не менее, после часа ожидания мне удалось захватить его в коридоре. Генерал де Монвер был чрезвычайно раздражен и не пожелал что-либо сообщить.

— Я совершенно не понимаю, мсье, — сказал он, — чего вам от меня нужно?

— Но катастрофа в Тропическом институте...

— Такого по военному министерству не числится.

— Но мсье Дориньи сказал...

— Не знаю никакого Дориньи, — и генерал захлопнул передо мною дверь своего кабинета.

Несомненно, что за всеми этими загадочными событиями и, по-видимому, под нежеланием генерала де Монвера дать нам какие-либо сведения — нечто скрывается! Наши читатели знают, что для «Матэн» нет тайн и что в самое ближайшее время они узнают все! Все!

К. Борегар».

«Humanite» 13/XI 19 . . . г.

Кровь и грязь

«Катастрофа в Ниямбе вскрыла новую чудовищную заготовку капитала (и его агентов), целью которой было прибавить лишнее звено к цепям, сковывающим трудящиеся массы. По-видимому бесспорно, что «научная работа» пресловутого Тропического института была лишь ширмой для каких-то невероятных по ужасу опытов военного министерства.

Совершенно бесспорно, что там ставились — и широко ставились — опыты скрещивания человека с обезьяной. Наконец, бесспорно, что созданных чудовищ планомерно обучали обращению с оружием и военному строю.

Для чего это делалось? На этот вопрос, конечно, нетрудно ответить.

Рукоять меча уже выпадает из рук мирового капитала. Уже опасным становится доверить оружие народным массам. И вот была сделана попытка сотворить рабов, бессловесных и свирепых, которых можно было бы в любой момент направить против трудящихся.

Но они просчитались. Оружие обратилось против них самих. Жертвы ужасны. Пусть же они послужат уроком для прочих!»

Агентство Гавас сообщало:

«14/XII 19 . . . г. Войска, посланные против чудовищ, разрушивших Тропический институт, вчера были атакованы по пути в густом лесу. Потери чрезвычайно тяжелы. Остатки отряда прибыли к устью Габуна. Спешно принимаются меры обороны».

Правительственное сообщение от 15/XII 19 . . . г.

«События, имевшие место в результате неудачных опытов в Тропическом институте, вызвали необходимость серьезных мероприятий. Наши войска вследствие тяжелых условий боя в густом лесу понесли значительные потери. Необходимые меры обороны приняты. Два транспорта завтра высаживают войска на побережье. Посланы военные суда. Мирное население опасного района эвакуируется.

Правительством назначена следственная комиссия, которая произведет всестороннее и беспристрастное расследование причин происшедших событий».

«Action Francaise» 15/XII 19 . . . г.

«Опубликованное сегодня правительственное сообщение говорит само за себя. Сгнивший и разлагающийся стра-

ну парламентаризм несомненно постарается сейчас же переложить ответственность на предыдущее министерство и на тех, которые понимали, что для борьбы с надвигающейся и растущей красной опасностью нужны совершенно особые меры.

Преклонимся перед памятью молодого героя, который всю жизнь свою отдал делу молодого фашизма и теперь погиб в силу какой-то нелепой случайности. Все те, которые знали высоко талантливого капитана Лемуара, согласны, что мы потеряли в его лице нашего будущего вождя, доблестного и энергичного. Крепче сомкнем ряды — и пусть живые будут достойны погибших!..»

Агентство Рейтер сообщало из Капштадта:

«15/XII 19 . . . г. 10 декабря сюда прибыли спасшиеся на аэроплане из Ниамбы русский ученый Ильин, жена погибшего коменданта Ниамбы капитана Лемуара и механик Дюпон. Ильин и Дюпон, вследствие полученных ими ран, посетили больницу. По словам Дюпона, из населения Ниамбы спаслись только они трое».

Агентство Гавас сообщало в двух телеграммах:

«16/XII 19 . . . г. После тяжелого и упорного боя на равнине в 15 километрах от порта Либревильль наши только что высаженные войска принуждены были отойти. Гориллоиды сражались в правильном боевом порядке, и атака их была настолько стремительна, что части правого фланга, слишком долго задержавшиеся на позиции, не смогли отступить и, по-видимому, погибли. Часть населения успела погрузиться на пароходы. Остальные под прикрытием войск отходят к северу».

«17/XII 19 . . . г. Негры, бежавшие из института, показывают, что отрядами гориллоидов командует индивидуум

исключительного даже для этих существ роста и обладающих в отличие от них человеческим разумом. В Ниамбе его звали Луи. Есть сведения, что в его отряд входят, кроме гориллоидов, небольшие группы негров».

«Journal de Paris» 18/XII 19 . . . г.

«Фирмы Гагенбека и Руэ, торгующие дикими животными, обратились в военное министерство с предложением закупить всех пленных, которые будут взяты во время предстоящих военных операций. Предложение это министерством обсуждается».

«Matin» 21/XII 19 . . . г.

ТАЙНА НИАМБЫ РАСКРЫТА!!!

ПОТРЯСАЮЩИЕ РАЗОБЛАЧЕНИЯ

КОРОЛЯ РЕПОРТЕРОВ

КЛОДА БОРЕГАРА.

Мрачная тайна, окутывавшая ужасные события, так глубоко потрясшие нашу страну, как известно, до сих пор оставалась нераскрытой. Но читатели «Матэн» должны знать истину, и потому мы отправили на место событий человека, для проникновенного гения которого, как это хорошо знают читатели «Матэн», не существует преград и препятствий.

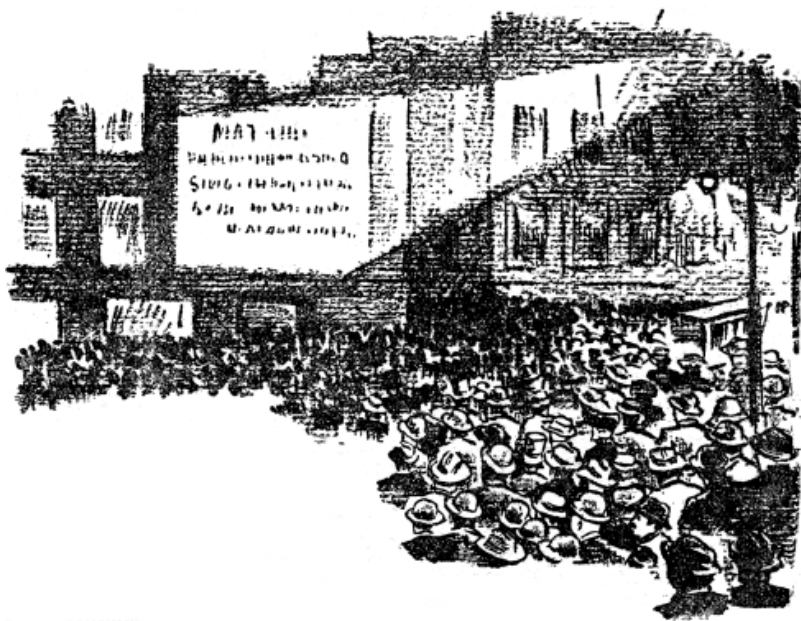
Наш талантливый репортер вылетел из Парижа пять дней назад на специальном трансокеанском аэроплане. За это время он собирал сведения по побережью среди бродящих там несчастных беженцев, посетил развалины Ниамбы, проследил до Капштадта конец найденной им в предыдущих поисках нити, и мы можем сообщить читателям

«Матэн», что тайна Ниямбы перестала быть тайной. Послезавтра статья Борегара будет помещена в «Матэн».

И конечно, **23 декабря** (запомните это число) каждый грамотный человек во Франции купит номер «Матэн».

* * *

Статья Борегара в номере «Matin» от 23/XII, набранная громадными буквами, занимала первых две и часть третьей страницы газеты.

Еще с ночи толпы ожидающих стояли перед типографией. Первые партии номеров расхватывались и разрывались в клочья. Мальчики-газетчики в течение дня сбились с ног, но зато получили крупный заработок. Все ротацион-

ные машины работали круглые сутки до самой ночи, и тираж достиг десятикратных размеров.

По выдержкам из обширной и потрясающей своими разоблачениями статьи «талантливейшего из репортеров Франции» можно судить о всей статье Борегара и легко проследить наиболее интересные моменты финала трагедии в Ниамбе.

ИХ ТОЧКА ЗРЕНИЯ

(Статья Борегара)

«Дважды два только четыре, а не двадцать пять и не стеариновая свечка», — так начиналась статья Борегара. — «Много запутанных и кошмарных преступлений были бы легко раскрыты, если бы следователи и прокуроры наших трибуналов не забывали этой простой, но великой истины. Истина всегда проста, но почему-то простота особенно трудно постигается человеческим мозгом. Однако переходим к фактам.

Ключ тайны был, несомненно, в Ниамбе. От этого простого факта я исходил в своих поисках. Из населения Ниамбы в живых осталось только трое, не считая, конечно, негров и чудовищ, разрушающих сейчас прекраснейшую часть нашей цветущей и доходной колонии. Значит, только по пути движения троих спасшихся от катастрофы можно было найти и раскрыть тайну.

Первый след беглецов зафиксирован в памятный день 8 декабря в рабочем поселке института, в домике шофера Жана Лаланда.

В результате напряженных поисков среди толп беженцев на морском побережье мне удалось найти ряд очевидцев событий, в том числе (что особенно важно) жену Лаланда. Сам шофер погиб. Жена покойного, убитая горем, тем не менее дала нам, как увидят далее читатели «Матэн», ряд ценнейших справок и сведений.

Восстановим основные факты.

Русский ученый Ильин в момент появления в поселке находился в состоянии острого помешательства.

Этот факт, подтверждаемый всеми очевидцами, находится, п о - в и д и м о м у, вне сомнений. Достаточно указать на совершенное им убийство лейтенанта виконта

де Керюзеля и на его бегство по крышам, чтобы все сомнения в этом отношении отпали. Вот первый факт, на который я обращаю внимание читателей.

Однако это помешательство имело направление, я бы сказал, социалистическое (прошу извинения за этот термин у уважаемых депутатов входящей в правительственный блок объединенной социалистической партии).

Это видно, во-первых, из того, что он с и с т е м а т и ч е с к и (заметьте!) обращался к шоферу, его жене и некоторым другим из присутствовавших, именуя их т о в а р и щ а м и; во-вторых — из того, что он пустил пулю в голову лейтенанту, а не стоявшим рядом и также загораживавшим ему выход рабочим; наконец, из того, что, как сообщает вдова шофера, Ильин просил предупредить об опасности только рабочих. На этот второй факт также обращаю внимание наших читателей.

Перейдем далее. Рабочий Дюпон, несомненно, был на аэроплане с Ильиным. Это видно из того простого обстоятельства, что они затем вместе прилетели в Капштадт. Констатирую это как третий факт.

Рабочий Дюпон, несомненно, принадлежал к местной коммунистической организации, был за это арестован и предназначен к отправке в Европу, но вместо этого переведен в Ниамбу. Вот четвертый факт высочайшей важности.

На выяснение обстоятельств перевода Дюпона в Ниамбу я потратил наибольшие усилия. Департамент полиции, который я запросил по радио, сообщил, что он получил сообщение об аресте Дюпона и о нахождении у него уличающей коммунистической литературы. Д р у г и х с в е д е н и й д е п а р т а м е н т н е и м е е т.

Я понял, что многое мог бы сообщить начальник полиции на территории института, раненый, как известно, Ильиным и находившийся в госпитале на борту парохода. К счастью, к моему приезду лихорадка оставила бедного малого, и он передал мне следующее: Дюпон действительно подлежал после ареста отправке в Европу, но был переведен в Ниамбу п о п р е д л о ж е н и ю к а п и т а н а Л е н у а р а. Отмечаю этот пятый факт.

Третьей из спасшихся была вдова капитана. Вопрос, почему именно жена известнейшего и убежденнейшего фашиста была спасена убийцей бедного де Керюзеля Ильиным и коммунистом Дюпоном, привлек мое внимание.

Должен сознаться, что сначала я предположил здесь романическую подкладку, но тщательное изучение дела показало, что о последнем не могло быть речи. Спасшаяся, к счастью, одна из горничных института показала, что Ильин отличался нелюдимым характером и совершенно не интересовался женщинами, хотя и был, по словам той же горничной, весьма недурен собой.

Мои очаровательные читательницы, конечно, согласятся с невозможностью допустить, что красивая и элегантная дама из общества могла бы увлечься нелюдимым, угрюмым и неряшливым русскими ученым. Кроме того, известно, что русские не отличаются темпераментом.

Таким образом, гипотеза о романической подкладке отпадает, и на этом факте я также останавливаю внимание читателей.

Увидеть лично Ильина, Дюпона и мадам Ленуар я не мог, так как на другой же день по прибытии их в Капштзтдт они улетели на аэроплане в Европу. Лечивший Ильина врач расхохотался, когда я сообщил ему, что его пациент душевнобольной. В следующий момент он пришел в ужас, узнав, что он лечил убийцу лейтенанта де Керюзеля.

«Во всяком случае, мсье Борегар, — сказал он мне, — я могу категорически заявить вам одно: что бы ни представлял собою этот таинственный русский ученый, он не более нас с вами является душевнобольным».

Чтобы покончить с вопросом о душевной болезни Ильина, остается указать на недавно полученную из Харькова и всем уже известную телеграмму, сообщающую, что известный ученый Андрей Ильин сделал двухчасовой доклад о ниямбских событиях в железнодорожном клубе, переполненном многочисленной аудиторией местных рабочих. После доклада была единогласно принята резолюция, утверждающая, что «только мировой социальный переворот мо-

жет предупредить повторение подобных чудовищных экспериментов».

Наконец, остается указать, что, по справке конторы воздушного транспорта, билеты на Ильина, Дюпона и мадам Лемуар были взяты *via* Капштадт-Харьков (через Каир и Константинополь).

Вывод? Я думаю, что для того, чтобы его сделать, не нужно быть первым репортером газеты «Матэн». Сама цепь приведенных мною фактов с железной необходимостью приводит к заключениям, которые может сделать любой ребенок.

1. Был ли Ильин сумасшедшим?

Конечно, нет! Его поведение 8 декабря было просто симуляцией — для того, чтобы избежать ответственности на случай ареста.

2. Если Ильин бежал на аэроплане именно с Дюпоном, а ни с кем другим, если он убил де Керюзеля и ранил начальника полиции, если Дюпон бесспорно был коммунистом, если все трое получают возможность спешно отправиться по воздуху в СССР — то что это значит?

Нужно быть круглым идиотом, чтобы найти два возможных решения. Совершенно ясно, что они делали одно дело, и конечно не случайность, что катастрофа произошла через какие-нибудь два-три месяца по прибытии Ильина в Ниамбу.

3. Ильин и Дюпон спасают именно жену своего злейшего политического врага Лемуара, причем, повторяю, не может быть и речи о какой-нибудь романической подкладке; Лемуар добивается освобождения арестованного коммуниста Дюпона и устраивает его на службу у себя; любимый солдат и сподвижник Лемуара, чудовищно свирепый и бесспорно талантливый гориллоид Луи, принимает после смерти капитана командование обученными им чудовищами, избивает без пощады население целого ряда местностей и опустошает значительную территорию одной из лучших колоний нашего дорогого отечества. Что все это значит?

Если дважды два четыре, а не двадцать пять, если две величины, равные порознь третьей, равны между собой, — то ответ может быть только один.

Капитан Ленуар никогда не был фашистом. Это был один из самых хитрых и опасных агентов Коминтерна, разбросанных, как известно, по всему миру для подготовки мировой революции.

Он погиб, погиб по какой-то неизвестной для нас случайности, но созданный им ужас и бедствия растут и ширятся. Избиваются в войне с чудовищами офицеры и солдаты наших доблестных войск, гибнут вложенные в колонию капиталы.

К ответу виновных! Пусть самыми решительными мерами будет в корне пресечена возможность проникновения агентов врага в сердце национальной обороны: пусть строжайшее следствие обнаружит соучастников Ленуара среди высших чинов военного министерства!».

ПОСЛЕДНИЙ ТУР

Рис. В. Сварога

ВСЕМИРНЫЙ СЛЕДОПЫТ

11

ЦЕНА
50 КОП.

И-во „ЗиФ“

І. По воле княгини

Лесник Дзыга вышел из халупы, взглянул в сторону дороги, недовольно что-то пробурчал и сел на бревно возле двери. Справа за деревьями заходило солнце, и в конце просеки, совсем у земли, слепили глаза сверкающие брызги. Такие же искорки прыгали на вершине сухого дуба над хатой, но с травы уже поднималась тонкая пелена тумана, и конец длинной черной тени от свисавшего к крыльцу сука, торопясь, убегал к тесной опушке.

Потом искры потухли, и тень от сука стала тусклой и серой. Дзыга встал, откинул назад мешавшие смотреть космы седых волос и внимательно уставился вдоль дороги.

— Накроешь стол, Марыся! — крикнул он, не оборачиваясь. — Паны едут.

Тоненькая девочка лет четырнадцати шмыгнула из халупы наружу, прищурилась на появившиеся в конце просеки движущиеся точки и снова проворно зашлепала в хате босыми ногами.

— Хлеба положишь, — продолжал, не спеша, старик. — Хлеба паны с собой не возят. И пиво возьми из погреба. А насчет остального... Пана лесничего я уж знаю. Да! На один хлеб да на капусту он не поедет. Уж он привезет чего-нибудь с собой.

Дзыга поднялся с бревна, еще раз для порядка провел рукой сначала по косматым седым кудрям, потом вдоль холщовой рубахи, поправил пояс с висевшим сбоку длинным кривым ножом и торопливо зашагал по дороге. Тени от деревьев ступились. Белая стена тумана как-то сразу нахлынула со всех сторон и сомкнулась над хатой, а освещенное оконце выделялось из надвигающегося мрака красным мерцающим пятном.

Потом спереди раздался топот копыт, и из тумана выросли силуэты трех всадников. Передний, высокий бородатый шляхтич, легко спрыгнув с коня и кинув поводья кланявшемуся и суевившемуся леснику, шагнул в дверь сторожки. Второй всадник зацепился, слезая, за седло, выругался и наконец с помощью Дзыги благополучно сполз на землю. Третий принял коней и повел их в хлев позади сторожки.

Бородатый шляхтич, войдя в хату, скинул с себя бурку, положил шапку на стол и, погладив бороду, насмешливо взглянул на входившего в хату спутника.

— Вы кажется устали, пане? — спросил он, чуть улыбаясь. — Я же советовал вашей милости проехать экипажем, а не трястись на солдатском седле.

Коротенький толстый человек в высокой суживающейся сверху черной шляпе и пышном плоеном белом воротнике, какие в ту эпоху носили врачи, брезгливо осмотрел закопченные стены хаты, обмахнул скамью концом плаща и, усевшись, ответил неожиданным для его фигуры резким, тонким голосом:

— Я вообще бы не поехал сюда, — он недовольно поднял странно выделявшиеся на бледном одутловатом лице тонкие черные брови. — Ведь пана Кричевского я давно знаю и уверен, что, взяв на себя поручение ее светлости, вы исполнили бы его точно, но княгиня... Что я могу сделать! Она потребовала, чтобы все произошло в моем присутствии.

Лесничий вместо ответа молча пожал плечами, потом снаружи раздался стук колес, дверь отворилась, и двое гайдуков втащили внутрь объемистые кожаные мешки. Через несколько минут гости уже закусывали, подливая друг дру-

гу из выставленных на стол бутылей. Гайдуки сидели в углу, а Дзыга, переминаясь с ноги на ногу, стоял посреди хаты в ожидании вопросов или приказаний. Паны ели молча, потом лесничий поставил кружку на стол, утер рукой рот и, подняв голову, отрывисто сказал:

— Ну, говори, старик.

Гости закусывали, гайдуки сидели в углу, а Дзыга стоял посреди хаты.

— Все, как вы приказывали, пане.

— Все на том же месте?

— На том, на том, пане. И вечером был там. Сам ходил смотреть. Куда ему деться? Так уж мы и живем. Он за болотом, что к Сохачеву, а я с внучкой вот здесь, в сторожке.

— Да? — Пан Кричевский немного помолчал, потом оперся обеими руками о стол и внимательно взглянул в глаза старику. — Так в последнее время его никто не пробовал зацеплять? А?

— Нет, пане, как вы приезжали сюда в прошлом году с королевичем и паном Слизнem, так с тех пор мы никого и

не видели. А мужики... Где же им пробовать с вилами да топорами!

Суровое лицо лесничего вдруг расплылось в широкую улыбку. Он взглянул на своего спутника и расхохотался так, что задребезжали стаканы на столе.

— Известно ли пану Згержу, — сказал он, немного успокоившись, — что мы собрались в гости к старому знакомому, знаете кого? — его милости королевича Владислава. Но только он вряд ли опять соберется навестить приятеля, хотя королевича никак нельзя назвать трусом. Под Хотин-ом вместе с гетманом Ходкевичем он отсиживался против полчищ самого султана Османа, а вот сюда на охоту второй раз что-то не собрался. Про пана же Слизня я и не говорю. — И лесничий снова залился смехом. — Это пан Александр Слижень, который ездил еще когда-то послом в Москву, — добавил он.

Княжеский лекарь опустил на стол недопитый стакан и уставился в лицо собеседнику.

— Следовательно, та охота прошла у вас неудачно, — спросил он у пана Кричевского, — и тур остался жив?

— Очевидно, раз одного и того же зверя никак невозможно убить два раза подряд. Прошлой осенью королевичу сообщили, что в Сохачевском лесу еще держится последний тур, и он приказал мне устроить охоту, только так, чтобы не сгонять много людей, а встретиться с ним небольшой группой. Как было приказано, мы выехали вчетвером: королевич, пан Слижень, я и пан Дростальский, маршалок литовский. Ну, конечно, с собаками и гайдуками. Взять его решили копьями с коней, как при королеве Ягелле. Я-то еще не знал тогда, что это за птица и почему он пережил всех остальных туров в лесу. Правда, Дзыга предупреждал, но королевич ничего не желал слушать. Обыкновенно зубр и тур от собак бегут, их загоняют и докалывают копьями, но этот кинулся прямо на собак и на нас — налетел как черная буря. И все кончилось в один момент. Конь пана Слизня взлетел на воздух и рухнул с переломанными ребрами и выпущенными кишками, а всадник спасся, уце-

пившись за низкую ветвь дуба, и просидел там как обезьяна, пока мы не вернулись полчасу спустя.

— А вы? — спросил несколько побледневший врач.

— То есть вы спрашиваете про королевича и пана Дростальского? Что произошло дальше? Тур катал по поляне тушу убитого коня, а королевич и маршалок неслись в сторону, настигая из всех сил коней, и я за ними, потому что я ведь не для себя устраивал охоту.

Одутловатое лицо пана Згержа стало растерянным. Он повернулся всем туловищем к рассказчику и, запинаясь, спросил:

— А как же мы... то есть вы — рассчитываете завтра убить это чудовище?

Лесничий пренебрежительно пожал плечами.

— Когда я устраивал охоту для королевича, — возразил он, — моей обязанностью было доставить рыцарское удовольствие его милости. А вам, пане, нужен мертвый тур и ничего больше. Значит, и охота будет совсем другая.

— Не совсем мертвый. Я же вам уже объяснял это...

— Ну да. Я знаю... — Пан Кричевский опустил голову на руки и задумался.

— А все-таки мне жаль... — сказал он после недолгого молчания. — Не этого старого героя — он один и уже не оставит по себе потомства... Мне жаль могучей и грозной породы, которую здесь еще со времен князей Мазовецких сторожили и берегли, а теперь вот на моих глазах их не стало. Ге, пане! Это были времена, когда Ягелло перед великой войной с Орденом целую зиму готовил в Беловежской Пуще провиант для сотысячного войска, и обозы соленого мяса туров и зубров тянулись из Пуци сюда, к Варшаве. Зубры там и теперь уцелели, но тура давно уже нет. Здесь, в этих вот заповедных дубовых рощах берегли мы последнее на земле стадо туров, и еще я застал их более полусотни штук. Хорошо берегли! Сам король не мог помыслить, чтобы на охоте заколоть турицу, и убить тура было все равно, что убить шляхтича. Каждое лето мы готовили им стога сена по полянам. Они были хозяевами и господами леса, и когда тур стоял на дороге и взрывал землю рогами,

любой проезжий, даже пан или магнат, сворачивал с дороги и далеко объезжал в сторону¹. Каждую неделю лесники давали введения о числе животных, и если одного не хватало, мы рыскали по лесам далеко кругом, пока не находили беглеца, а потом облавой возвращали его назад.

— Когда к осени звери отъедались желудями, — продолжал лесничий, — начинались бои между быками. Тогда, бывало, ночью мороз подирал по коже от их протяжного страшного рева. Случалось, что какой-нибудь старый бык побеждал и калечил остальных, а сам по старости уже не мог оставлять потомства. Тогда докладывалось королю, и только по его приказанию назначалась на этого быка охота. Помню, я отвозил раз тушу убитого тура в подарок от короля цесарскому² послу Герберштейну. Он был ученый человек и написал книгу, где упоминает об этом подарке. Одну книгу он прислал мне. В ней нарисован тур, только он там больше похож на свинью.

Лесничий сумрачно усмехнулся.

— Ну, что ж, а затем все пошло прахом. За заботами о московском престоле да о далеких Инфлянтах³ королю некогда стало думать о том, что творилось в его коронных землях и лесах. Да хоть бы здесь, под самой Варшавой. А потом, знаете сами, началась война с Москвой. Это не плохо. Речь Посполитая всегда воевала, и для того господь сотворил шляхтича, а Иисус Христос саблю ему привесил к поясу, чтобы она не ржавела попусту в ножнах. И уж я и не знаю, за что бог нас наказал, потому что мы довольно потрудились за его святое имя. Взяли и выжгли Москву. А сколько городов московских и еретических церквей поразорили дотла! Но видно, есть на нас грехи, потому что война проникла в самое сердце Речи Посполитой. Проникла с той самой разбойничьей вольницей, которая сначала громила Московию, а потом принялась и за своих. Помните,

¹ Исторический факт (*Здесь и далее прим. авт.*).

² Цесарскому — то есть австрийскому.

³ Инфлянты — Лифляндия.

пане, проклятый 1613 год? Наши же жолнеры⁴ брали королевские города, били и шляхту, и мужиков, и мещан — кого придется. Ну, тут почистили и этот лес. Где уж было ему уцелеть, когда все кругом горело в огне!

Княжеский врач вздохнул и горестно покачал головой.

— Да, плохие времена, — сказал он. — С тех пор, как мой господин князь Самуил Сангушко в 1622 году ездил послом в Московию и вернулся, не добившись прочного мира, прошло пять лет, а мир все еще не заключен. Княгиня тогда очень беспокоилась. Московиты такие варвары, что они могли бы посягнуть и на священную особу самого посла.

Пан Кричевский встал из-за стола и надел шапку.

— Не такие уж плохие времена, — возразил он, — если завтра мы будем охотиться на дичь, какую впредь никогда и никому не придется увидеть. А пока советую лечь спать. Вы в княжеском дворце не привыкли вставать рано, а завтра мы начнем дело еще перед рассветом.

Лесничий вышел наружу, и еще долго было слышно, как он кричал на дворе, отдавая приказания. Потом он снова вошел в хату, кинул на стол шапку и, завернувшись в бурку, мгновенно уснул на скамье.

II. Ночное свидание

На сеновале, куда забрались на ночлег хозяева хаты и приезжие слуги, слышался тихий неторопливый разговор.

— Они его завтра убьют, дедушка?

— Убьют, Марыся, убьют, А может и он кого убьет, пана лесничего или пана врача. Ведь это не теленок, Марыся.

— Не трепи языком, старик! — раздался грубый низкий голос из угла. — Если убьет, так тебя, старого, или меня, а не пана. На панов и смерти нет такой, как на нашего брата.

⁴ Жолнеры — польские солдаты.

— Может, и так, — согласился Дзыга. — Одним дураком, наверное, меньше станет, если ты попадешь к нему на рога. А меня тур не убьет. Не надейся. Я их знаю. Всю жизнь прожил в лесу, не то что ты.

— А мне его жалко, дедушка, — снова зазвенел девичий голос. — Ведь он один, дедушка?

— Один, внучка, и нету больше другого ни здесь, ни в Беловежской, ни в Гродненской Пуще, ни в Пруссии, ни в цесарской земле. Только и остались туры на свете, что в нашем лесу, а теперь и им пришел конец. — Он замолчал, и было слышно, как из старческой груди вырвался тяжелый вздох. — Жалко и мне его, хлопцы, — продолжал старик. — Правильно сказала Марыська, что он один. Убьем завтра, и не станет больше этого семени на Земле.

— И чего тебе жалеть? Ведь получишь за своего зверя червонец от пана лесничего.

— А пан лесничий сотню червонцев от княжеского лекаря, — добавил из темноты другой голос. — И чего это они делают, лекаря, из этого тура?

— Пояс из туровой кожи помогает при родах, — пояснил Дзыга. — Вот и королеве Боне, матери Сигизмунда, пан лесничий поднес в дар шесть поясов из спины тура, а она два из них послала самой императрице Римской.

Дзыга поднялся с места, старательно покрыл внучку своим плащом, пробрался к двери сеновала и уселся, свесив вниз ноги.

— Что-то не спится, хлопцы, — сказал он. — Мало я что-то стал спать... А приехал княжеский врач не за поясом, а за лоскутом кудрявой шкуры со лба зверя. Пан лесничий, хлопцы, мне сам говорил об этом. Топоры приказывал захватить. Потому что, когда тур будет ранен и свалится, нужно быстро срубить бревно, навалить на шею зверя и держать его, пока будут сдирать шкуру со лба. В этой шкуре страшная сила, хлопцы. Это издавна было известно еще дедам нашим, но только нужно, чтобы она была снята с головы еще живого быка.

— А я думаю... — вмешался один слуга, но не кончил, потому что из лесного мрака раздался далекий протяжный

рев. Этот звук был такой тяжелый и низкий, что казалось, он как туман стлался по земле и слышался даже не ухом, а словно всем телом.

— Ревет, — сказал Дзыга. — Это он ревет, хлопцы, в дубах, что за Сухачевым болотом... Чует, что мы говорим про его шкуру...

Наступила глубокая тишина, и чувствовалось, что каждый напряженно прислушивался к тому, что творится там, в черной лесной чаще. Ночь была тихая, холодная и ясная. Луна уже взошла, она блестела как стальной отполированный шлем. Туман уже опустился и тысячами искорок росы сверкал в чашечках листьев и цветов на поляне. За поляной стояла черная стена векового леса, и жуткая ночная тайна творилась там, под тяжело склонившимися ветвями.

Снова и уже как будто ближе заревел тур, и люди невольно вздрогнули. Казалось, в грозном реве тура чувствовался смутный ужас перед надвигающейся смертью, а может быть, ветер донес до него запах ворвавшихся в лес врагов, и он вызывал их на последний бой...

Оборвавшийся разговор уже не возобновился. Все лежали молча, сумрачно думая о завтрашнем дне. В дверях сеновала неподвижно чернела фигура старого лесника, и седые взъерошенные волосы, пронизанные лунным светом, казались прозрачным сиянием над его головой. Внезапно Дзыга нагнулся вперед. Ступеньки лестницы раза два скрипнули под его ногой, и дверь сеновала обрисовалась на фоне ночного неба четырехугольным пустым пятном.

Старый лесник быстро шел по узкой тропинке, извивавшейся во мраке между деревьями, и что-то бормотал про себя. Резкие блики лунного света прорывались сквозь листву, ярко освещая попадавшие по пути полянки, а затем ветви снова плотным сводом смыкались над головой, и тропинка исчезала во мраке. Дзыга шел быстро, не спотыкаясь о пересекавшие тропинку узловатые корни и ство-

лы упавших деревьев. Здесь был его дом.

Тут он вырос и провел всю жизнь, и вероятно, ему даже и не нужно было бы зрения для того, чтобы этой тропинкой пересечь лес.

После получаса ходьбы почва стала более мягкой, и ноги без шума опускались во влажный мох. Потом между стволами мелькнули просветы, и Дзыга остановился на краю громадной болотистой поляны.

Он едва ли бы смог объяснить кому-нибудь или даже себе самому, какое чувство заставило его спуститься с сеновала и в последний раз пойти взглянуть на обреченного на смерть зверя. Дзыга вырос в лесу и не привык много говорить, а тем более рассуждать о таких сложных вещах. За свой долгий век лесной жизни он не часто видал людей. Звери были ему ближе. Они жили кругом, тоже повинаясь темному мудрому призыву, исходившему из глубины существа.

Это была мудрость бесчисленных поколений, передававших по наследству опыт радости, борьбы и избегнутой опасности.

Этот голос шел впереди рассудка. Случалось, он приказывал бежать, хотя еще не было видно какой-либо опасности, иногда властно, не допуская возражений, посылал вперед.

Еще вчера Дзыга был здесь, чтобы проверить, не ушел ли куда тур с облюбованной им поляны. Потом он заботливо выбрал места, где поставить охотников и откуда пустить собак. Так приказал сам пан лесничий. А теперь пришла ночь. Она темным туманом заволокла серые мысли дня, и волнующе родной и близкой стала жуткая жизнь погрузившегося во мрак леса. Тогда, не рассуждая, он двинулся навстречу тоскливому, грозному призыву, донесшемуся до него из лесной чащи.

Луна поднялась еще выше, и на сверкающей от росы поляне можно было разглядеть каждую травку. Посреди луга ярко блестела узкая извилистая полоса ручья, местами скрывавшегося за группами ивняка. Слабый, но холодный ветерок тянул с противоположной лесной опушки. По-

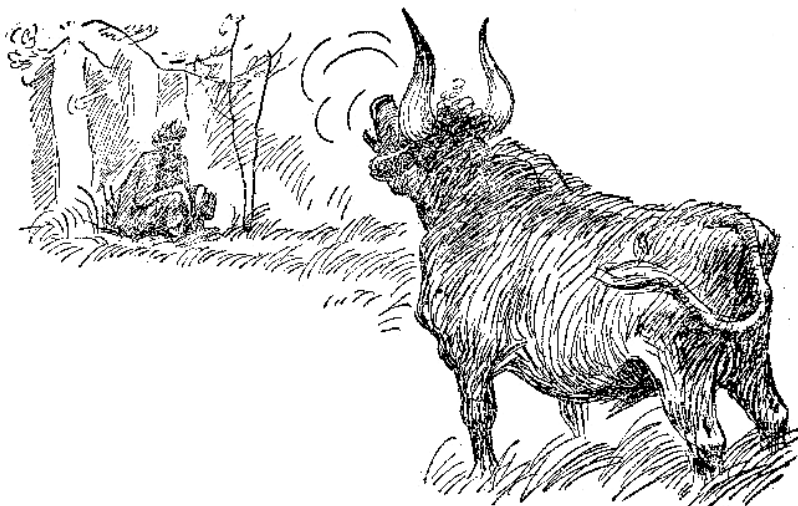
ляна была пуста, и Дзыга с недоумением пробежал по ней взглядом из конца в конец. Потом позади одной из ивовых зарослей послышались тяжелые шаги, несколько раз хлипнула болотная жижа, и массивная черная фигура, не спеша, вышла на открытое место.

Тур остановился, высоко поднял голову и несколько раз втянул воздух расширенными ноздрями. Его голова с гигантскими, чудовищно толстыми и изогнутыми внутрь и вверх рогами четко вырисовывалась на фоне неба. Дзыга, опершись локтями о колени, неподвижно сидел у подножья сосны на опушке леса.

Несколько минут зверь напряженно прислушивался, потом опустил голову и тяжелым размашистым шагом направился к лесу. Он двигался наискосок к опушке и постепенно приближался к леснику, прижавшемуся у подножья сосны. Шагах в пятидесяти от него волна теплого дыхания леса принесла человеческий запах, и тур, как пораженный стрелой, резким движением повернулся вбок. При свете высоко поднявшейся луны он стоял перед Дзыгой как олицетворение первобытной мощи. Серебристо-серая полоса вдоль хребта резко выделялась на смоляно-черной шерсти. Голова с грозными рогами и кудрявым в крутых завитках лбом наклонилась вперед. Гигантское туловище подбралось как для прыжка... и вдруг животное успокоенно выпрямилось.

Отразившись от лесной опушки, ветер принес давно знакомый запах человека, жившего там, за дубовой рощей, человека, которого он знал с самых первых дней своей жизни в лесу и который не был врагом. Зверь дружелюбно замычал, встряхнул кудрявой головой и медленно направился к лесу. Еще момент, и его черная громада слилась с опушкой.

Дзыга почувствовал, что его сердце сжалось. Тур узнал и приветствовал его, а он завтра поведет панов, чтобы его затравить и с могучего лба содрать кудрявую шкуру... Но ведь пан лесничий приказал... И разве можно послушаться пана лесничего?..

Тур узнал и приветствовал Дзыгу.

Старик поднялся на ноги, оперся спиной о ствол дерева и оторопело уставился на опустевшую, ярко озаренную лунным светом поляну. В голове теснились самые невозможные и страшные мысли. Такие страшные, что их нельзя было даже самому себе высказать словами. Моментами делалось мучительно тяжело. И вдруг старик осознал, что сейчас, уже на склоне своей долгой жизни, он в первый раз ничего не понимает и не знает, что будет делать завтра...

* * *

Раздвинув рогами кусты опушки, тур медленно углубился в лес. Низко склонившиеся ветви столетних дубов сразу скрыли небо, и бархатно-черный мрак прорезывался лишь редкими лучами лунного света. Тур шел к своему верному убежищу в непролазном молодом дубняке, покрыв-

шем огромную вырубку почти в середине леса. Здесь он проводил день и укрывался от преследований охотников, наводнявших последние годы лес.

В тупой памяти старого зверя проходили смутные образы прошлого. На открытых полянах спокойно паслись бурые самки с прыгающими кругом желтовато-серыми телятами. Огромные, черные, с серой полосой на спине быки бродили поодаль, и какому обитателю леса могло прийти в голову посягнуть на стадо, защищаемое этой грозной стражей?

Потом начали приходить люди с громом и собаками, и стада не стало. Если бы они знали тогда, что от лающих и беснующихся собак незачем бежать и что нельзя стоять, взрывая землю рогами, против человека с громом в руках?

Был день, когда, казалось, весь лес наполнился криком людей и собачьим лаем. Преследуемые собаками животные бешено неслись между деревьями и вдруг остановились перед молчаливой цепью людей с палками в руках. Тур видел, как могучий вожак стада медленно подошел к человеку, взрыл дерн рогами, и грозный предостерегающий рев пронесся по лесу. Затем раздался удар грома, все закрылось облаком тумана, отвратительный запах обжег ноздри, и старый тур рухнул на землю. Спереди гремел гром. Сзади раздавался крик людей и лай собак. На маленькой полянке между деревьями стоял, согнувшись, человек с палкой в руках и загораживал путь в дальний угол леса, где все было тихо и где было спасение. Тогда, обезумев от страха и ярости, тур бешено бросился вперед. И оказалось, что человек совсем слаб. Его тело было не тяжелей ветви, а еще через мгновение крик, лай и раскаты грома остались где-то позади. С этого дня тур понял, что если человек далеко, следовало бежать и скрываться, а если враг рядом, нужно бросаться и бить...

Годы шли. Таяло рассеянное на группы стадо, и настал день, когда ни одного тура ему уже не удалось найти в лесу. Теперь охотники появлялись все реже, но иногда, особенно зимой, люди еще пытались ходить по его следам. К этому времени он окончательно поселился в непроблаженной мо-

лодой чаще, где увидеть что-нибудь можно было лишь в двух-трех шагах. Здесь не было высоких деревьев, на которые мог бы спастись охотник, и ни разу не случилось, чтобы в густом кустарнике он успевал обернуться со своей тяжелой, испускающей гром палкой. А в то же время, что значили эти кусты перед бешеным порывом метнувшегося вперед почти полутонного тела?

И когда в глубине зарослей появились в нескольких местах кучки изломанных и обглоданных волками человеческих костей, охотники оставили в покое слишком опасную и не дающуюся в руки добычу...

Небо на востоке чуть посветлело. Звуки ночи замолкали. Трудовая ночь подходила к концу, и обитатели леса спешили в свои убежища в недоступных глухих утлах. На ветвях дуба что-то вдруг хрустнуло, потом пронзительный цокающий визг прорезал тишину. Старый тур даже не поднял головы. То, что творилось наверху, в ветвях деревьев, было слишком ничтожно для него, и какое ему дело до того, что сейчас куница вытащила из дупла забившуюся туда на ночлег белку?

Справа вдоль опушки мелькнули и снова исчезли две серых тени. Тур проводил их взглядом и долго втягивал расширенными ноздрями волчий запах. Они не представляли для него опасности даже стаяй, но их запах был отвратителен и ненавистен с самого детства и теперь, много лет спустя, все же поднимал в теле мутную слепую ярость. Потом старый бык медленно двинулся вперед. Крупный лес оборвался резко обрубленной стеной, затем густая поросль раздвинулась и снова сомкнулась за черным могучим телом.

III. Паны ссорятся

Солнце только начало подниматься, когда охотничья партия показалась на дороге. Белая стена тумана еще закрывала тесные поляны, и холодные струи утреннего ветра

скользкими змейками ползли по земле. Дзыга, как и вчера, без шапки шагал впереди опустив лохматую голову.казалось, он приглядывался к комьям земли на дороге, словно боялся споткнуться о них. За лесником ехали верхом оба пана, а позади шли слуги с тяжелыми бомбардами на плечах.

Пан Кричевский весело окидывал взором порозовевшие вершины деревьев. Наверху сквозь клочья тумана уже просвечивали пятна синего неба, и день обещал быть свежим, радостным, ясным. Врач ехал молча, уставясь отеками глазами в шею коня. Всю ночь он ворочался, будучи не в силах уснуть на жесткой лавке. В хате было жарко, тепло жгло от укусов насекомых, а на рассвете веселый грубый окрик лесничего болезненно оборвал с трудом доставшийся предутренний сон.

Лесничий, чуть улыбаясь, провел взглядом по измятому лицу спутника. Свежесть яркого утра зажигала беспричинную радость. Тяжелое жилистое тело плавно качалось в такт размашистому шагу лошади. И до жалости беспомощным показался ему этот ученый, такой чужой и нелепый здесь, в лесу, человек.

— Я вижу, что пан плохо провел ночь, — насмешливо заметил он. — Ну что ж, один раз в жизни можно поспать и на деревянной лавке, зато будет о чем рассказать по возвращении домой. А кроме того, уже недалеко край сечи, куда зверь забирается на день, и я думаю, что пан сразу забудет о сне при виде тура, несущегося с наклоненными рогами.

Лесничий уже совсем без стеснения широко улыбнулся и самодовольным жестом расправил кудрявую бороду. Пан Згерж отвернулся и нервно закусил губу. Откровенная насмешка Кричевского больно резнула по самолюбию, и может быть, тому виной было испорченное настроение после бессонной ночи, но широкое бородатое лицо лесничего вдруг показалось ему враждебным и противным.

Пан Кричевский, не замечая настроения спутника, чуть задержал коня и, пропустив врача немного вперед, весело заговорил:

— По возвращении с охоты с удовольствием выпью, но сегодня утром, заметьте, я не дотронулся даже до пива. Может, это и пустяки, но я никогда не пью перед боем или серьезным делом вроде сегодняшнего. Почему? — А мне вот кажется, что если я перед боем выпью, меня обязательно убьют. Глупость, вы говорите? Я и сам так думаю.

— Тур лежит днем в густой молодой чаще, к которой мы сейчас подъедем, — продолжал он, — но туда нам соваться незачем. Я все-таки думаю, что это не совсем простой зверь, и ему помогает здешняя «лесная сила». Иначе почему он выжил до сих пор и почему он прячется непременно к Поганому болотцу, что в самой середине сечи? Добрые христиане и раньше туда не ходили, а кто не слушал умных старых людей, тот оставил возле болотца свои кости. Мы зайдем с другой стороны, против ветра, а в сечу я пошлю Дзыгу с собаками. Старик уже все равно отжил свой век, да может быть, и он тоже якшается с здешней лесной нечистью... Задержите коня, пане, — добавил лесничий. — Мы слишком перегнали стрелков.

Он повернул своего рослого, вороного жеребца и оглянулся назад. Солнце поднялось уже высоко, и золотисто-оранжевые стрелы, пронзая вершины деревьев, яркими точками сверкали на влажной от росы земле. Крутой поворот дороги закрывал отставших слуг. С другой стороны, в конце просеки, уже совсем близко синело пятно незакрытого деревьями неба. Потом из-за поворота показался Дзыга с группой собак на коротких сворках, и пан Кричевский тронул вперед коня.

— Мы подъезжаем, — сказал он, обращаясь к врачу, — и я советую пану точно исполнять мои указания. Хотя, будь я на вашем месте, я давно потерял бы всякое желание жить подольше. Вот уж никогда бы не думал, что шляхтич благородной крови может променять саблю на возню с лекарствами.

Пан Згерж резким движением остановил коня, и его бледное отекавшее лицо вспыхнуло от обиды.

— С моей стороны, — раздраженно сказал он, — свое обычное общество я предпочитаю компании, в которую по-

попал со вчерашнего дня!

Лесничий на момент грозно нахмурился, но в сердце пела радость близкого боя с могучим зверем, да и что значила для него оскорбительная фраза этого человека? Он пренебрежительно пожал плечами и, мгновенно забыв обо всем, кроме предстоявшей встречи с туром, стегнул коня и вынесся на окраину леса.

От опушки по направлению к молодой сече начинался пологий спуск. Дальше местность снова поднималась, и гребень возвышенности был покрыт старым нарубленным лесом. С того места, где стояли охотники, было видно, что старый лес длинным узким языком врезался в молодой дубняк, отделяя его от остальной вырубки.

Кричевский остановил на опушке коня и, прикрыв глаза ладонью, долго и внимательно осматривал местность. Дзыга молча стоял сбоку, опираясь на тяжелую рогатину.

— Так ты говоришь, старик, — начал лесничий, — что он утром лежит вон там, в лощине, в чаще, не доходя до угла сечи?

Дзыга молча поднял на пана пустые, словно невидящие глаза и утвердительно кивнул головой.

Кричевский еще раз окинул взглядом расстилавшуюся перед ним лесистую долину, потом повернулся к княжескому врачу.

— Обратите внимание, пан Згерж. Справа над сечей — дуб с сухим суком. Не тут, а правее... Не видите? Это оттого, что вы жили возле аптекарских банок, а не в лесу. Так вот, где-то там и лежит ваша кудрявая шкура.

— И ваши сто червонцев, пане, — любезно и язвительно добавил врач.

Пан Кричевский резко повернулся в седле и словно рубанул вдруг почерневшим взглядом по лицу собеседника.

— А сколько вы добавите... за свою шкуру, пан врач? — спросил он. — Сто червонцев — это за то, что пан королевский лесничий доставит княгине королевского тура — последнего тура Речи Посполитой. Но я не брался вдобавок еще беспокоиться о здоровье княжеского врача. — Он усмехнулся и с наслаждением взглянул в растерянные гла-

за собеседника.

— Я потому об этом напоминаю, — добавил лесничий, — что пану поручено быть как раз в том месте, где тур получит смертельный удар, а это не бой петухов...

Он резко нажал шпорами бока коня и, прежде чем пан Згерж успел что-нибудь ответить, вороной жеребец Кричевского уже неся крупной рысью вдоль опушки, по направлению к поднимавшемуся невдалеке пологому, почти лишенному растительности холму. Постояв с минуту на вершине, лесничий шагом повернул обратно и, подъехав к Дзыге, властным движением протянул руку в сторону молодого леса.

— Слушай внимательно, старик, — сказал он. — Ветер отсюда к сече. Мы с бомбардами огибаем ее слева и становимся вон там в мысу — в старых дубах позади вырубки. Возьми глаза в руки и смотри на крайнее справа дерево. Когда увидишь на нем белую рубаху Яна, спускай собак. Понятно?

— Понятно, пане.

— А теперь, пане, прощу вас направиться со мной. — Кричевский обернулся к стоявшему позади врачу и вежливым жестом руки пригласил его проехать вперед.

Пан Згерж молча тронул коня.

В тот момент, когда лесничий, не ожидая ответа, пришпорил коня и поскакал прочь вдоль опушки, страх и смущение вдруг покрылись вспышкой напряженной, нерассуждающей злобы. Так значит, для него он, Згерж, был только слабым ничтожным трусом? Хорошо! Они увидят...

Он резким движением выпрямился в седле. Поручение княгини и возможная опасность вдруг ушли из сознания и залились волной светлой опьяняющей отваги. Свежий ветер порывами рвал плащ на плечах, и казалось самое тело было наполнено жадным нетерпеливым ожиданием.

Лесничий взглянул на бледное, странно изменившееся, совсем чужое лицо Згержа, пренебрежительно улыбнулся и, ударив коня, выехал вперед к двинувшейся вдоль опушки группе охотников.

IV. Лесничий на суку

Ехали молча краем старого леса, огибая слева спускавшуюся по склону густую молодую поросль. Местность постепенно понижалась. Лес редел, и гигантские дубы уже одиночными колоннами поднимались на светлых лесных полянках. Потом слева между деревьями блеснули просветы неба.

Лесничий задержал коня и осмотрелся кругом. Двигавшиеся сзади охотники также безмолвно остановились. Справа, по ту сторону обойденной уже вырубki, виднелись вдали вершины старого леса, где они стояли два часа назад. Слева и спереди лес также видимо кончался. Пан Згерж оглянулся на суровые, словно изменившиеся лица охотников и вдруг понял, что они уже приехали.

Кричевский соскочил с коня, бросил слуге поводья и, осторожно подойдя к опушке, прижался к стволу старого дуба. Его фигура в темном кунтуше, казалось, срослась с бугристой корой дерева. Потом он обернулся назад, предостерегающе поднял руку, и сбившиеся в кучку охотники замерли на своих местах.

Стало тихо, словно никого и не было в лесу. Только ветер, налетая порывами со стороны сечи, гудел в вершинах деревьев, да молодая белочка раздраженно цокала, высываясь из-за ствола поднимавшейся за полянкой одинокой полусухой сосны. С холодным ярким светом, прорывавшимся сквозь листву, и с возбуждающей свежестью сентябрьского утра в сердце вливалась беспокойная радость ранней осени.

Постояв несколько минут на краю сечи, лесничий медленно обернулся назад, долгим ощупывающим взглядом провел по дубам, поднимавшимся вдоль опушки, и направился к кучке охотников. Суровое лицо его, казалось, как-то все посветлело, резкие тени легли под глазами от опустившихся бровей, и не было уже ни вызова, ни оскорбления в том, что он прошел мимо, почти задев плечом и в то же время не видя Згержа. Потом лесничий взял бомбарду

из рук ближайшего гайдука и отдал приказание тихо и отчетливо:

— Слушать, хлопцы! Ян, взлезь на сухой дуб, вон там на опушке, и сиди, пока не услышишь лая собак. Остальные за мною молча. Когда тур вырвется из чащи, стрелять в упор. Целить в грудь или под лопатку. Затем не зевай и прыгай на сук.

Он направился вдоль опушки, расставляя стрелков у толстых корявых деревьев шагах в ста от окраины леса, потом вернулся назад, молча взглянул на бледное лицо врача, жестко улыбнулся и так же молча прошел к разбитому грозой дуплистому дубу, одиноко поднимавшему изуродованную вершину близ самого края сечи.

Конюх, взяв под уздцы обеих лошадей, направился с ними назад по только что пройденному пути и вскоре исчез за зеленой стеной подстилавших лес кустов орешника.

Наступила мертвая, давящая тишина.

Пан Згерж почувствовал, что недавняя волна радостной отваги куда-то схлынула, сменившись беспокойной гнетущей жутью. Впереди, на опушке, просвечивало бледное, затянувшееся дымкой небо. Справа и слева серые фигуры охотников казались бесформенными наростами на бугристой коре деревьев.

Затем вдруг вдали зазвенел яростный лай собак. Он донесся откуда-то с левой стороны сечи и круто повернул вправо, мимо вдавшегося в сечу языка старого леса. Затем короткий замирающий визг тревожно, как ножом, разрезал дружный рев стаи, и гон резко оборвался, сменившись испуганным нестройным тьяканьем. Однако через минуту голоса снова слились в один общий, надрывающийся вопль, и гон начал стремительно приближаться по направлению к охотникам.

Тяжелым комком бросилось в сторону и замерло сердце. Потом словно само время остановилось и до просвета между двумя деревьями сузился широкий мир. Тесно прильнув всем телом к стволу дуба и выставив сбоку лишь голову, пан Згерж видел перед собой только эту светлую дыру между уходящими в высь мшистыми колоннами.

Так велико было ожидание зверя почему-то именно здесь, в этой точке лесной опушки, что непонятым показался выстрел, гулко и тяжело прогремевший слева. А еще через мгновение гигантская черная масса пронеслась в расстоянии полусотни шагов и исчезла в облаке дыма, с грохотом метнувшегося оттуда, где только что стоял лесничий. Следом нестройной массой высыпали собаки и с разбегу вплотную налетели на тура, бешено катавшего по земле разряженную бомбарду.

Огромное тело зверя с неожиданной для него легкостью и быстротой волчком повернулось в сторону нового врага, и одну бесконечно долгую секунду все застыло видением неправдоподобного жуткого сна.

Пан Кричевский, нелепо изогнувшись, сидел на суку почти над головой тура. Пола разорванного кунтуша длинным лохмотом спускалась за его спиной. Окровавленные рога зверя наклонились до самой земли, на мгновение неподвижно замерло упруго изогнувшееся тело...

А дальнейшее произошло слишком быстро, чтобы можно было что-либо разобрать.

Гигантская черная тень вихрем мелькнула, какое-то пестрое пятно с жалобным, сразу умолкшим визгом взметнулось над вершинами кустов... и стало пусто, словно ничего и не произошло здесь несколько секунд назад.

Пан Кричевский перегнулся через сук, тяжело спрыгнул вниз и, не удержавшись на ногах, упал, ободрав лоб о выступающий корень. В следующее мгновение он уже стоял на ногах, размазывая кровь по лицу, потом схватил изломанную зверем бомбарду, снова бросил ее, со злобой оборвал и кинул под ноги болтавшуюся сбоку половину кунтуша и вдруг сломя голову кинулся к опушке сечи.

Оттуда неся надрывающийся истошный лай. Двое хлопцев с ружьями в руках бежали к лесничему вдоль опушки. Пан Згерж, захваченный общим возбуждением, спотыкаясь о корни, поспешно спускался по косогору в том же направлении. Лесничий обернулся к подбегавшим слугам. Его разодранное лицо со слипшейся от крови бородой стало от-

*Пан Кричевский, нелепо изогнувшись, сидел на суку почти над самой
головой разъяренного тура.*

вратительно страшным, и ближайший хлопец невольно попятился от яростного крика пана.

— Промаяхнулся по зверю в десяти шагах! Будешь пасти свиней, подлый хам, а не ходить на охоту!

— Вы ж тоже стреляли, пане! — возбужденно возразил гайдук. По его взволнованному голосу и горящим глазам чувствовалось, что эти минуты стерли грань между слугой и всемогущим паном и что сейчас только охотник говорил с охотником.

Должно быть, то же переживал лесничий, потому что, не отвечая на невозможные в другое время слова холопа, а быть может, и не слыша их, он снова повернулся в сторону сечи, где, не умолкая, ревел гомон стаи, и поспешно принялся заряжать выхваченную из рук слуги бомбарду.

— Живей заряжать! — крикнул он. — Зверь ранен. Вся морда в крови. Сейчас мы догоним его в сече. Стецко, сюда с топором! Мы!..

V. С туром против панов

Он остановился на полуслове, увидав Дзыгу, поспешно карабкавшегося вверх по пригорку.

— Зверь прошел мимо меня, пане, — с трудом переводя дух, пробормотал старик. — Голова и рога в крови. Плечо тоже. Собаки идут прямо за хвостом.

— Знаю, что ранен, — нетерпеливо прервал его лесничий. — Это я всадил пулю в плечо. Мы идем в сечу и сейчас кончим его.

— Опасно, пане! — Дзыга медленно качнул головой и, пошатнувшись от утомления, схватился обеими руками за ствол дерева. — Может быть, это только собачья кровь, пане.

— Сам ты пся крев! — бешено заорал Кричевский. — Струсил? К собакам! Держи зверя, пока мы подойдем.

Старик медленно величаво выпрямился. Один момент он смотрел широко раскрытыми глазами на возбужденное,

обезображенное лицо пана, потом молча повернулся и твердым быстрым шагом углубился в чащу. Однако через несколько сот шагов он был принужден снова ухватиться за ветвь и опуститься на землю. Скорчившись в полумраке у подножия высокого обомшелого пня, со своей седой головой и огромными жилистыми руками, старик казался каким-то лесным «духом», прикорнувшим в недоступной для людского глаза жуткой первобытной чаще.

Лай собак раздавался уже явно на одном месте, где-то в стороне болотца, и в редком разрозненном тьяканье не чувствовалось азарта.

— Сидит на месте, — тихо бормотал старик, — а псы кругом... Это значит, я пся крив?

На момент он замер без слов и движений, потом как-то толчком сорвался с места и почти закричал с надрывной злобой:

— Всю жизнь служил панам, а на старости лет дождался...

Он взглянул назад, туда, где остались охотники, поднял руку, словно хотел погрозить кулаком, но не закончил начатого движения и, резко повернувшись, углубился в чащу.

— Какого зверя им отдал, — бормотал на ходу старик. — И на что извели?.. На лекарство старой бабе, которой надо бы думать о смерти да о грехах. А он ведь на моих глазах бегал проворным теленком, а потом рос и стал грозой и красой леса. А теперь и вовсе уцелел один-единственный и последний...

С огромной яркостью, как живой, встал перед глазами Дзыги могучий бык, каким он видел его на поляне сегодня ночью. Громадное черное тело дышало несокрушимой силой. Лунный блеск отражался на тяжелых, круто изогнутых рогах, когда зверь, почуяв запах человека, наклонил их к опушке леса. А потом он признал и приветствовал его, Дзыгу...

Острая как нож и томительно тоскливая жалость волной залила сердце, и решение пришло сразу — отчеканенное и простое. Покорное, растерянное выражение исчезло

с лица лесника, как пятно дорожной грязи под струей воды. Волчьим блеском загорелись глаза под седыми кустистыми бровями, и он торопливо зашагал вперед, напряженно вслушиваясь во все оттенки звуков, доносившихся со стороны болотца. Пройдя еще несколько сот шагов, старик начал загибать влево, обходя место, где, судя по лаю, остановился или залег в густой чаще раненый тур.

«Рана, если и есть, то пустая, — рассуждал Дзыга. — На брюхе крови не было, а если от пули в плечо он не свалился и даже не захромал, значит, либо, только кожа порвана, либо шея пробита, но в неопасном месте. Теперь он засел в чаще и, окруженный собаками, ждет охотников».

Злобная улыбка на миг скользнула по плотно сжатым губам. Разве они первые пробуют забираться в эти страшные заросли? Значит, завтра будет работа ксендзам в Варшаве...

Он прошел дальше в лес, все время обходя со стороны ветра, и наконец оставил зверя между охотниками и собой. До болотца, к которому обыкновенно укрывался тур, было еще далеко. Возможно, рана действительно была тяжелой. Старик покачал головой и, крадучись как зверь, стал подбираться ближе к месту, откуда раздавался лай собак. Потом он остановился и несколько раз негромко, протяжно свистнул. Голоса собак на миг замолкли. Старик чуть улыбнулся и повторил призыв.

В кустах спереди раздался шорох, и собачья морда, поводя носом из стороны в сторону, просунулась между ветвями. За ней появилась вторая собака, и оба животных, повизгивая от радости, прижались к ногам хозяина. Торопливо погладив собак, Дзыга оглянулся назад и поспешно зашагал по направлению к болотцу.

Сзади все еще раздавалось редкое тьяканье, и старик удовлетворенно качнул головой. Два пса убиты. Два его — здесь. Два же, которые там остались, — это слишком мало, чтобы занять зверя, когда подойдут стрелки. А если тур и на этот раз отобьется от врагов, кто тогда рискнет тронуть его в страшной чаще у Поганого болота?

Радостная и жесткая усмешка снова пробежала по лицу старика. Как странно! Утром вместе с паном лесничим с тоской в сердце он шел убивать тура. Теперь он охотится вместе со зверем за паном лесничим и этим вырожденком из Варшавы, а сердце его горит большой, нетерпеливой и жадной радостью.

Он уселся на землю, придерживая за ошейник собак, и стал напряженно вслушиваться в звуки, доносившиеся из лесной чащи.

VI. Два удара и позорная рана

Зарядив бомбарду, лесничий оглянулся на столпившихся кругом слуг и с удивлением увидел пана Згержу, стоявшего также с ружьем в руках. Презрительная улыбка скользнула по лицу Кричевского.

— Попрошу пана, — сказал он, — отдать бомбарду человеку, который не вывихнет себе рук, таская такую тяжелую вещь... Одна бомбарда сломана туром, — уже раздраженно продолжал лесничий, видя, что врач невозмутимо стоит на месте с ружьем в руках. — Остались три, считая эту, и я не могу позволить, чтобы оружие таскалось без дела.

Пан Згерж медленно поднял глаза и ответил холодно, язвительно и спокойно:

— Я не побоялся бы в отличие от присутствующих идти вперед безоружным, но мне наскучило смотреть, как вы метко стреляете и лазаєте по деревьям.

— Положите бомбарду! — яростно заорал Кричевский.

— И не подумаю, — резко ответил Згерж. — А кроме того, помните, пане, что вы н а н я т ы княгиней, — врач особенно протянул это оскорбительное слово, — и что мне поручено наблюдать за правильностью ваших действий.

Лицо лесничего посинело от безудержного гнева, он схватил из ножен кинжал и шагнул вперед, но, заскрипев зубами, остановился в двух шагах от противника. За наси-

лие над княжеским врачом пришлось бы иметь дело с самим князем.

Страшным напряжением воли он сдержал себя, вложил кинжал в ножны, круто повернулся и почти бегом начал спускаться в чащу. Рядом, также с бомбардой в руках, шел верный Стецко. Пан Згерж, спотыкаясь о корни и сгибаясь под тяжестью непривычного оружия, ковылял сзади в десяти шагах. Вплотную за ним, недоуменно переглядываясь, следовали двое хлопцев с рогатинами.

Лесничий прокладывал себе дорогу как медведь, раздвигая плечами и головой кусты, и такой яростью горело его сердце, что даже мысль о туре стала далекой и тусклой. Само чувство опасности растаяло в мутно всколыхнувшейся злобе, и группа охотников уже без всяких предосторожностей стремительно приближалась к залегшему впереди и окруженному собаками раненому зверю. Треск ломающихся под ногами ветвей далеко разносился по чаще.

Внезапно совсем новая тревожная нота прозвучала в близких уже голосах собак, редкое тьяканье перешло в частый, испуганно злобный гон. Подняв бомбарду для выстрела, лесничий услышал хруст ветвей и гулкий топот зверя справа, а не спереди, где он его ожидал. Страшным усилием раздвигая стволом ветви, он все-таки успел повернуться и, уже не целясь, почти в упор выстрелил сбоку в тура, с треском прорывавшегося сквозь кусты. Второй выстрел Стецка слился с первым в один с грохотом раскатившийся удар и, уже ровно ничего не видя в густом дымовом облаке, лесничий услышал короткий, пронзительный, полный нечеловеческой муки вопль. Крик как-то сразу оборвался на низкой хриплой ноте, и на момент сделалось странно тихо. Только трещали вдали ветви под ногами удиравших хлопцев, да за спиной слышалось прерывистое дыхание Стецка, и в этот момент не покинувшего своего пана.

Еще через мгновение облако дыма улетело, смываемое порывом ветра, и лесничий увидел себя почти на краю крошечной лесной полянки. Врач лежал на земле, опрокинутый туром. Рядом, изогнув дугой спину и широко расставив ноги, стоял зверь. Кровавая пена с хрипом вытекала из

полураскрытой пасти. Вот здесь, под мокрой от пота складкой кожи позади лопатки, судорожными толчками билось его истомленное сердце.

Тяжелая рогатина стала легкой и острой, и с внезапной решимостью лесничий рванулся вперед, раздвигая ветви куста, но снова замер под кровавыми зрачками молниеносно повернувшегося зверя.

Был момент, когда, казалось, два ровных мощных усилия разрывали тело. Скользко прополз стыд бросить человека, беспомощно лежавшего на земле, но не стало порыва отваги для прыжка вперед, и отвратительным, но приятным оправданием показалась мысль о только что пережитом оскорблении... Затем могучие рога медленно склонились к земле, какая-то чужая, не связанная с волей сила толкнула лесничего в чашу кустов, а в следующее мгновение, охваченный тупым мутным ужасом, он несясь, сам не зная куда, раздвигая грудью и лицом колючие ветви.

Потом тяжкий удар пониже спины бросил его на землю. Что-то громадное, промелькнув над головой, с хрустом исчезло в чаще, и все покрылось острой болью, вырвавшей протяжный крик.

Он сделал попытку подняться и снова со стоном опустился на землю. Рука, которой он провел по бедру, измазалась кровью, струйкой вытекавшей из разорванных штанов. Несколько минут Кричевский лежал неподвижно, не решаясь разбудить движением начавшую утихать боль, затем медленно и осторожно согнул и снова выпрямил колено. Еще более осторожно, преодолевая боль, попытался пошевелить уже всей ногой и весь вспыхнул от яркой захватывающей радости. Нога сгибалась и в бедренном суставе. Он не искалечен, и кость не сломана. Значит, удалось отделаться простым ушибом и, должно быть, только поверхностной раной, судя по тому, что на земле растеклась лишь небольшая лужица крови.

Слегка приподнявшись, он осмотрелся кругом и закричал о помощи. Звук голоса вышел визгливым и хриплым. Мгновение он молча прислушивался, затем снова с перерывами принялся кричать. Опушка отдаленного леса глу-

хим двойным эхо возвращала его призыв, и может быть, виной тому было чувство глубокой затерянности еще минуту назад, но ответный возглас показался неожиданно скорым и близким.

Раздвинулись ветви кустов, и запыхавшийся Стецко вынырнул из чащи. При виде неподвижно распростертого на земле окровавленного пана глаза хлопца стали круглыми от ужаса. Он застыл на месте, затем, бросившись на колени, принялся торопливо и осторожно разрезать мешавшие рассмотреть рану лохмотья штанов.

Кричевский медленно и с усилием повернулся назад, пытаясь в свою очередь разглядеть рану.

— Ну, что там? — беспокойно спросил он.

— Рана пустая, пане, только он, гадина, сорвал вам всю кожу от этого места и вот досюда. — Стецко прикосновением руки показал направление и протяжение ссадины. — И как это кости остались целы от такого удара? Ведь, поверьте, кругом все кровью затекло и посинело.

— Ну, у меня-то кости крепкие, — самодовольно ответил лесничий. — Тебя таким ударом он бы расшиб в лепешку. Ну, а теперь скидывай с себя рубашку и перевяжи рану.

Хлопец осторожно покрыл ссадину листьями попавшего под руку подорожника и, разорвав свою рубаху на полосы, старательно забинтовал пана.

Уже окончательно успокоившись, лесничий вытянулся на левом боку, опустив голову на подложенную охапку ветвей, и первый раз после нападения тура вернулся мыслью к событиям сегодняшней охоты. Тур ранен двумя, а может быть, и тремя пулями и несомненно издыхает где-нибудь совсем недалеко. Нужно скорее спешить содрать с его лба кудрявую шкуру, иначе все вышло ни к чему — и зверь убит попусту, и пропали его сто червонцев.

Он обернулся к хлопцу, чтобы отдать распоряжение, и вдруг остановился на полуслове, пораженный внезапно скользнувшей по сознанию смешной и страшной мыслью. Ведь завтра придется быть при дворе князя и рассказывать о событиях сегодняшнего дня. Значит, прежде всего его засылят вопросами о его ране, и что будет, когда узнают,

что он получил удар в такое место? С острой беспощадной ясностью он представил себе помирающих со смеху придворных дам и трясущегося от хохота пана Сапегу, который сейчас был в гостях у князя.

Кровь горячей волной залила лицо. Был момент нестерпимо острого стыда, затем лесничий неизвестно для чего опасливо огляделся кругом и с внезапно вспыхнувшей злобой обратился к хлопцу.

— Слушай, Стецко, я ранен в ногу, выше колена, вот здесь. — Он указал рукой место на бедре. — Понятно?.. И помни, собачье отродье, если хоть одна живая душа узнает... я с тебя шкуру спущу, задеру насмерть!

— И помни, собачье отродье... — со злобой обратился лесничий к хлопцу.

Он умолк, впиваясь взглядом в побледневшее лицо холопа.

— Ты один перевязывал меня, — медленно продолжал он, отчеканивая слова. — За услугу получишь червонец. А если хотя бы во сне болтнешь чего не надо, так ведь ты меня знаешь...

В последних словах Кричевского зазвучала такая беспощадная угроза, что хлопец, только что бесстрашно встречавший выстрелом бегущего тура, вздрогнул и низко склонился.

VII. Смерть храброго

Упрямо следуя в нескольких шагах за лесничим, Згерж остановился на другом краю крошечной лесной полянки. Лай собак оборвался. Стало странно тихо. Нельзя было глаз оторвать от залитого осенним пурпуром пышного куста рябины.

Потом мохнатая лавина так неожиданно вырвалась из-за зеленой стены, что не было времени ни испугаться, ни стрелять, и пришел момент нечеловеческой боли...

Когда он очнулся, все кругом было странным, непонятным и чужим. Стерлись и растворились в сероватом полусвете резкие грани листьев, низко нависавших над его лицом. Странными переливами голубоватого и красного мягко сияла почти прижавшаяся к щеке белая ромашка. Что-то небывало громадное произошло с ним, но нельзя было вспомнить и понять, почему он лежит навзничь на лесной полянке, не в силах шевельнуть рукой или ногой и не чувствуя своего тела.

Упорным усилием воли, борясь с жутким сном, Згерж попытался вырваться из красочно сияющего полусвета. Смутные очертания предметов сгустились и отвердели. Разрезные ярко зеленые листья дуба отчетливо обрисовались на фоне неба, и внезапно сплошной стеной перед ним выросли страшные события дня. Черная масса, ринувшаяся из кустов, и нестерпимая, рвущая боль, потом странный сумеречно светящийся мир минуту назад и отсутствующее, уже не подчиняющееся воле тело...

Редкими судорожными толчками вздрагивало и снова замирало сердце. Что-то глухо булькало и клокотало в

груди, и черная непроглядная пелена все плотнее смыкалась перед глазами.

Вот она, смерть!

С какой тяжелой жутью он всегда отталкивал от себя мысль об этом неизбежном и грозном моменте, заканчивающем жизнь. А теперь не было даже тени страха. Да! И не только в эти минуты, так как с тем же веселым и беззаботным вызовом судьбе он углубился тогда в лесную чащу для последней отчаянной борьбы с могучим зверем. Значит, и в нем, Згерже, живет это — самое высокое, что есть в мире, потому что смерть побеждает все на земле, и только отвага сильнее смерти. Гордая радость волной залила сердце. Он выдавил из груди еще один слабый вздох и улыбнулся долгой счастливой улыбкой.

Потом на миг порвалась черная пелена, и во влажном сверкающем блеске зеленой листвы растворился мир...

VIII. Топь схоронила тура

Когда двойной выстрел гулким грохотом прокатился по лесу, Дзыга, болезненно сморщившись, низко опустил голову. Ему ли было не знать, что в такой чаще стрелять приходилось только в упор? Значит, туру не удалось напасть сзади или сбоку. Да, он отомстил за себя, потому что с порывом ветра донесся крик ужаса и боли, но и с ним, властелином леса, должно быть также было покончено.

Однако раздавшийся невдалеке треск ветвей показал Дзыге, что он все же ошибся. Было слышно, как зверь совсем близко медленно и с остановками прошел к болоту. Старик поспешно пересек кровавый след и, сдерживая рвавшихся собак, долго стоял на месте, не решаясь двинуться вперед. Потом из кустарника один за другим высочили два пса. Звон гона ушел прямо по направлению к трясине и там сразу оборвался. Дзыга горестно покачал головой и уже без всяких предосторожностей, торопливо продираясь сквозь кусты, двинулся к болоту.

Подернутая бурой ржавчиной кайма осоки причудливыми изгибами врезалась в чашу кустов. Посредине влажным блеском сверкал широко открытый глаз окна трясины. Дуплистый ствол склонившейся до земли старой ивы далеко рассекал водное зеркало изломанными концами ветвей.

В первый момент поляна показалась Дзыге почти пустой. Только собаки лесничего, высунув язык, суетливо метались взад и вперед по краю топи. Потом что-то шевельнулось за молодой порослью, густо покрывавшей низ дерева, и мелкая зыбь проворно побежала к противоположному берегу.

Выпустив из рук рвавшихся собак, старик торопливо шагнул вперед и замер на месте при виде тура, лежавшего за деревом на краю трясины. Задняя часть тела зверя была в воде, но голова и плечи еще оставались на берегу, и круто изогнутый конец рога плотно охватывал вывернутый из

земли корень. Тур умирал. Огромный синеватый язык, высунувшись между зубами, свешивался набок. Частая мерная дрожь пробегала по шее. Обращенный кверху глаз уже застыл — неподвижный и мутный.

Дзыга долго стоял, тупо уставясь на слипшийся от крови, взъерошенный завиток между рогами. Потом поверхность воды бурно всколыхнулась от судороги, в последний раз потрясшей могучее тело, и голова тура без движения вытянулась на измятой траве. Старик опустил на землю и несколько раз провел рукой по мокрому курчавому лбу зверя. Затем огляделся кругом, высвободил зацепившийся за корень рог и, напрягшись всем телом, слегка приподнял и сдвинул в воду голову тура. Зыбкая почва трясины заколебалась от толчка, и туша тура медленно поползла вниз. Теперь только плечо, нога и конец рога еще поднимались над поверхностью болота. Тяжело ступая по мягкому мху, Дзыга отошел к краю поляны и снова взглянул назад.

Да, топь кончала свое дело, и глубокую спокойную могилу нашел последний тур Сохачевских лесов. Здесь, в чаще у болота, он скрывался последние годы и здесь даже мертвым ушел из рук врагов. Теперь пусть приходят паны, если только они остались в живых. Тура им уже не достать.

Дзыга удовлетворенно улыбнулся, еще раз взглянул на медленно уходившее под воду плечо зверя и три раза протрубил в рог. Гулкий призыв пронесся над вершинами сечи и, не найдя ответа, потерялся в лесной глуши. Неподвижно лежало сверкающее зеркало в раме высокой побуревшей травы. Успокоенно засыпал взбудораженный борьбою день.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ФАРТОВЫЙ КОРНЕТ ФОРТУНАТОВ

Борис Фортунатов был заметной фигурой Гражданской войны в Поволжье. Он был одним из пяти депутатов Учредительного Собрания, подписавших первое воззвание Комуча 8 июня 1918 года, и стоял у истоков Поволжской народной армии. Однако даже в специальной исторической литературе невозможно отыскать каких-либо биографических сведений о нем. И уж тем более никто не связывал воедино имена белого партизана, спасателя заповедника Аскании-Нова и писателя-фантаста...

Начальные сведения о его жизненном пути находим в полицейском досье о «лице, привлеченном к дознанию в качестве обвиняемого по делу о террористической группе Московской организации партии социалистов-революционеров». Итак, перед нами «Фортунатов Борис Константинов, время рождения – 24-го января 1886 года; место рождения – Смоленск; вероисповедания – православного; происхождение – сын статского советника; на-

родность – великоросс; <...> занятия – студент Московского университета; место воспитания <...> – учился в Смоленской, Елецкой и 1-ой Московской гимназиях, которую окончил в 1904 году, и в том же году поступил в Московский университет; <...> основания привлечения к настоящему дознанию – сведения, сообщенные Московским охранным отделением и указывающие на принадлежность Фортунатова к террористической группе; место производства дознания – Московское губернское жандармское управление; <...> принятая мера пресечения <...> – содержание под стражей с 24-го сего Февраля в Москве»¹. Из дела Департамента полиции «О Борисе Фортунатове» видно, что 22 апреля 1905 года первоначальная мера пресечения была изменена: он был отдан под особый надзор полиции в селе Поджигородове Клинского уезда Московской губернии². На лицевой же обложке дела стоит штамп: «ПРЕКРАЩЕНО».

Сохранился и другой департаментский документ, из которого следует, что Фортунатов был задержан полицией 3 февраля 1907 года в Москве как участник «подготовительной» конференции областного комитета партии эсеров³. Из единственной, весьма краткой биографической справки о Фортунатове, напечатанной в 1918-м в книге «Революция 1917-18 гг. в Самарской губернии», известно, что он был членом партии с 1902 года, в 1905-м являлся одним из организаторов железнодорожной забастовки и участвовал в московском восстании, был ранен, а в 1907-м был выслан за границу. Очевидно, Фортунатов получил какое-то административное наказание, которое могло быть ему заменено высылкой за границу на тот же срок для продолжения высшего образования.

Помимо этого известно, что по профессии наш герой был химиком, печатался в специальных и популярных изданиях, опубликовав, к примеру, статью об успехах органической химии в журнале «Современный мир»⁴. В ноябре 1909 года Борис Фортунатов вернулся на родину, а спустя три года окончил естественное отделение физико-математического факультета Московского университета, к 1915 году еще три курса Московского высшего технического училища.

В 1917-м Фортунатов служил в армии в качестве нижнего чина. После Февральской революции он некоторое время являлся членом Петроградского комитета партии эсеров, участвовал в III партийном съезде в Москве (в начале июня), а затем очутился в Самаре, где был депутатом солдатского и крестьянского Советов.

Интересная характеристика отыскалась в воспоминаниях актрисы и режиссера Самарского городского театра Зинаиды Славяновой-Смирновой: «Фортунатов общий любимец всех почти без исключения.

Со сколькими людьми, своими или чужих партий, ни приходилось говорить, всегда слова «симпатичный», «располагающий» прежде всего срывались с уст при характеристике Фортунатова.

Есть что-то мягкое и задушевное в тонком и чистом овале его лица, в голубизне его открытых глаз, мягкой улыбке, в тонкой белизне лица и рук, в нестройной художавой фигуре с узкими плечами... Большие сапоги, с богатыря, военного образца, часто торчащие тесемочки из-под солдатской рубашки, всегда поношенные солдатские брюки – придавали детски симпатичную неуклюжесть его фигуре. <...>

Оратор... работник... преданный член партии..., но не в этих качествах главная сила Фортунатова... <...>

Его сила в какой-то внутренней симпатии, вызываемой им к себе и подчиняющей ему товарищей. Не в логических построениях его речи, не в словах и деятельности, а как-то внутренне чувствуешь исходящее из него чувство преданности революции, чуждое выгоды, расчета, трусости, мещанства, эгоизма, чувство, прорезанное жертвенным элементом...

Неугасаемая никогда готовность к порыву, к подвигу – способность редкая даже в наше ультрареволюционное время, – чувствуется в этом художавом теле и краснеющем по-девичьи лице. Эта способность тогда, в глазах рационалистически настроенных товарищей, в особенности меньшевиков, придавала в их глазах поступкам Фортунатова форму фантастической неделовитости, а секрет был в том, что таких, как Фортунатов, в нужное время оказывалось раз, два и обчелся. Большинство страдало скорее жаждой безопасности, чем фанатической готовностью очертя голову идти в борьбу, не жалея себя...

Фортунатов очень увлекается химией, любит природу, пение, может часами рассказывать о многоцветной радуге и переливах на раковинах, найденных им под Москвой...»⁵.

Осенью 1917-го Фортунатов был избран депутатом Всероссийского Учредительного собрания по списку партии эсеров и Совета крестьянских депутатов от Самарской губернии. По словам Славяновой-Смирновой, на вечеринке, устроенной эсерами по случаю отъезда Фортунатова и других депутатов на открытие Учредительного Собрания, он «взял слово с товарищей, что когда надо будет, они выступают с оружием в руках»⁶.

Действительно, оказавшись в Петрограде, Фортунатов примкнул к группе, выступавшей против позиции подавляющего большинства «учредилки». «Эту группу оппозиционеров составляли главным образом депутаты фронта или лица, так или иначе причастные к великой войне»⁷. Они разработали план защиты и готовились к активному отражению действий большевиков, однако разного рода обстоятельства помешали реализации этого плана.

Вернувшись в Самару, Фортунатов и его товарищи проигнорировали запрет местных советских властей на их выступления с рассказом о роспуске Учредительного собрания. Напротив, самарские депутаты повели довольно активную агитацию в его пользу на собраниях горожан и в казармах местного гарнизона. Значительным их успехом стал созыв губернского крестьянского съезда, из 600 участников которого не оказалось ни одного большевика. В ответ на это самарские ленинцы пошли на разгон съезда и закрытие партийного клуба эсеров, но тем самым они окончательно испортили отношения с гарнизоном.

Фортунатов и другие лидеры эсеров перешли на нелегальное положение и установили тесные контакты с подпольной офицерской организацией подполковника Н. А. Галкина. Тем временем 8-й Совет партии эсеров в мае 1918 года принял решение о переброске своих основных кадров на восток, в частности – в Поволжье, для подготовки антисоветского выступления. В Поволжье росло сопротивление крестьян начавшейся реквизиции хлеба. Фортунатову была поручена агитационная работа в воинских частях. Когда дошло до прямых столкновений с продотрядами, то на борьбу с «комиссародержавием» поднялись рабочие иващенковских заводов. Именно здесь, в Иващенкове, впервые прозвучало название Комитета членов Учредительного собрания (Комуч), инициативная группа которого была создана Фортунатовым, самарскими депутатами И. М. Брушвитом, П. Д. Климушкиным и тверским депутатом В. К. Вольским.

В это время части Чехословацкого корпуса с боями двигались от Пензы через Сызрань к Самаре. С ними, по свидетельству Климушкина, находились Брушвит и «люди Фортунатова». В начале июня пала последняя железнодорожная станция перед Самарой – Липяги. Оттуда, вспоминал Климушкин, «пробрался к нам делегат от Фортунатова и Брушвита, забрал план Самары, тайношвенно шепнул, что сегодня ночью «ждите», и ушел обратно»⁸.

Ему вторил известный капелелев полковник Вырыпаев: «Пришедший ходок сообщил, что чехи 6-го июня решили атаковать

Самару. <...> Вследствие малочисленности и неопытности участников организации (подполковника Галкина. — Я. Л.), о самостоятельном выступлении до прихода чехов думать не приходилось. Слухи же об успехах чехов все крепили и крепили. Уже слышалась орудийная стрельба между ними и красногвардейцами под Самарой у станции Липяги (17 верст на запад от Самары). Большевики отправляли навстречу чехам эшелон за эшелон.

Состоявший в противобольшевицкой организации видный эсер Б. К. Фортунатов, член Учредительного собрания (впоследствии член военного штаба от Самарского правительства), закладывая под полотно железной дороги близ моста через реку Самарку фугасы и простым аккумулятором, соединенным стосаженным проводом, из ближайшей ямы с демоническим спокойствием взорвал фугасы под поездом с красногвардейцами, шедшим из Самары против чехов. При этом после взрыва Фортунатов совершенно спокойно, чуть ли не по самому проводу, подходил к месту взрыва»⁹.

В ночь на 8 июня чехословаки вошли в город. Навстречу им выступили офицерский отряд Галкина и эсеровская дружина. В тот же день было выпущено первое воззвание Комуча, подписанное Фортунатовым и еще четырьмя депутатами.

Во главе военных сил Комуча стоял штаб Народной армии под предводительством Галкина. По словам начальника его оперативного отдела генерала П. П. Петрова, Фортунатов, будучи членом штаба, «почти не вмешивался в работу по устройству армии и большею частью участвовал в операциях как рядовой боец с винтовкой в руках. В Самарский период борьбы он был дважды ранен»¹⁰. По свидетельству того же генерала Петрова, наиболее боеспособными частями Народной армии были Особая Самарская бригада (командир — подполковник В. О. Каппель) и Самарский конный дивизион под командованием Фортунатова. Помимо участия в боевых действиях, Фортунатов по линии Комуча был назначен чрезвычайным уполномоченным (особоуполномоченным) Комитета на фронте. Он также участвовал в работе Государственного совещания в Уфе.

В первую очередь Фортунатов прославился как боевой командир. «Комитетская» деятельность была для него явно вторична. Он участвовал во взятии Казани, Ставрополя (ныне Тольятти); в бою под Ставрополем его находчивость спасла от верной гибели отряд Каппеля, по представлению которого «доброволец Фортунатов» был произведен в чин прапорщика¹¹ и, следующим при-

казом от того же числа, «за храбрость под Новодевичьем и Казанью – в корнеты»¹².

Полковник Вырыпаев рассказывал: «С отрядом Каппеля (Народной армией) всегда следовал член Учредительного Собрания Б. К. Фортунатов. Официально он считался членом Самарского военного штаба, в то же время выполняя успешно обязанности рядового бойца-разведчика. Сравнительно молодой (лет 30), он был энергичный и совершенно бесстрашный человек. Ему как-то на моих глазах удалось захватить в овраге четырех красноармейцев. Спокойно сказал всегда следовавшему за ним черкесу: “Дуко...” (его имя). Тот, не задумываясь, моментально по очереди пристрелил этих четырех пленников. Случайно я все это видел и потом вечером, когда мы отдыхали, спросил его, почему он приказал Дуко пристрелить красногвардейцев. Приказ – пленных не расстреливать. Он равнодушно ответил: «Но ведь был бой!» <...>

После непродолжительного боя красные оставили Климовку, уходя на запад бесчисленными повозками. Наша пехота вошла в Климовку. Б. К. Фортунатов просил не стрелять по отходящим красным и, взяв 6-7 человек разведчиков, ускакал оврагом, чтобы отрезать хвосты уходящей колонне красных. Мы наблюдали за ним, насколько нам позволяла пересеченная местность. Через полтора-два часа Фортунатов вернулся со своими разведчиками и привел четыре военные повозки с одним пулеметом и пулеметными лентами на каждой, а красногвардейцы убежали в кустарник»¹³.

Интересно сравнить его фронтовой образ с наблюдениями Славяновой-Смирновой: «Фортунатов никогда вовремя не поест, не попьет, спать может месяцами на полу, каждую ночь в разных местах и не любит в разгар революционной деятельности примитивного комфорта...»¹⁴.

Наконец, яркий образ Фортунатова дает в своей повести «Встреча» писатель Иван Вольнов, находившийся в 1918 году в Самаре. Фортунатов выведен там под именем начальника кавалерийского отряда имени Учредительного собрания Португалова, «о храбрости и жестокости которого так много говорили в добровольческих частях». В одном месте Вольнов нарисовал портрет Фортунатова: «Высокий, щетинистый, с длинным лошадиным лицом, пыльно-загорелый и угрюмый, в простой солдатской гимнастерке, измятом картузе с георгиевской ленточкой, он ни одеждой, ни наружностью не отличался от своих солдат»¹⁵. В другом месте читаем: «...он был прекрасный стратег, неустра-

шимый воин... наравне с рядовыми солдатами мужественно нес все неисчислимые тяготы Гражданской войны так же, как рядовые, питаюсь тем, что можно было добыть на пути, ночуя в поле, на сырой земле, в сараях или в седле, так же заботливо и нежно относясь к своему верному другу на войне – лошади... Португалов – член Учредительного собрания и мог бы, как другие члены Учредительного собрания, жить в лучших гостиницах, где-то заседать, куда-то торопиться на извозчике или в автомобиле, с озабоченным или непроницаемым видом носить под мышкой толстый портфель, обедать в ресторанах в обществе веселых и нарядных женщин. Он не делал этого, он рисковал жизнью – в поле, в грязи, в крови, под дождем, голодный, во вшах, в бессоннице, в неотпускающем напряжении»¹⁶.

После того, как 18 ноября 1918 года в Омске произошел переворот, приведший к власти адмирала Колчака, и среди членов Комуча были произведены аресты, кое-кто из «героев» тыла настаивал на аресте Фортунатова, но Каппель (произведенный к тому времени в генералы) взял под защиту своего боевого товарища. «Как ни странно, – писал генерал Петров, – под руководством Каппеля (настроенного монархически – Я. Л.) объединились группы, имевшие ранее на фронте эсеровскую окраску»¹⁷. Петров продолжал: «Про Фортунатова можно сказать, что с самого начала действий Народной армии он редко появлялся в штабе и все время проводил на фронте с Каппелем. Показал себя отличным солдатом и командиром. Судьба его очень интересна: им был сформирован конный отряд, развернутый в дивизион под его командованием; получил чин корнета; во время отступления от Самары он бесценно прикрывал отход, а когда произошел переворот в Омске и сотрудниками адмирала Колчака был отдан приказ об аресте членов Комуча, то в отношении Фортунатова он не был исполнен. По рассказам, Фортунатов явился к Каппелю и прямо спросил: когда меня арестуете? Каппель успокоил его, что не собирается. Фортунатов до лета 19-го года пробыл в войсках Колчака и только во время боя за Челябинск или после него решил не двигаться в Сибирь, а уйти в район действий оренбургских и уральских казаков. Случайно, уже в Америке, при чтении книжки уральского атамана Толстова о судьбе казаков, мне попало <с> имя Фортунатова. При отступлении Уральской армии к форту Александровскому зимой 19-20 года упоминается, что Фортунатовский дивизион был еще надежной частью. С уральцами в Персию он не пошел»¹⁸.

По сообщению московского историка А. А. Петрова, дивизион корнета Фортунатова на май 1919 года проходит по документам в составе Отдельной Волжской кавалерийской бригады генерал-майора К. П. Нечаева. Участник и исследователь Белого движения на Востоке России А. П. Еленевский отмечал, что Фортунатов, «несмотря на все партприказы с<оциалистов>-р<еволюционеров> о переходе к красным, остался непримиримым борцом с большевиками»¹⁹.

Историк Белого движения В. С. Пешков, выявивший в архивном фонде 1-й советской армии показания рядового Букреева из отряда Фортунатова, попавшего в плен и допрошенного 28 октября 1919 года, сообщил ряд интересных сведений.

Букреев рассказал, что одно время отряд назывался 1-м Егерским дивизионом и был в составе войск Каппеля. Отступив из-под Челябинска на Кустанай, дивизион по Тоболу дошел до линии Ташкентской железной дороги в районе Изембета, имея целью выйти на соединение к Деникину. Отряд насчитывал 5 эскадронов, 2 пулеметные команды (пешую и конную) и 1 артвзвод. В эскадронах было по 70-80 сабель, в артвзводе – 30 бойцов, в обеих пулеметных командах – 110. В обозе – 33 больных и 400 обозных. В эскадронах по 6-7 офицеров, в пулеметных командах – по 6, в артиллерии – 5. Выдано боеприпасов – по 150 патронов у добровольцев, и по 40 – у мобилизованных.

Отряд, в это время именующий себя «1-м Волжским партизанским отрядом», к моменту допроса партизана находился в пути уже около двух месяцев, выживая за счет реквизиций. У Кустаная «фортунатовцами» были взяты пленные, причем коммунистов расстреляли. По ходу движения отряд пополнялся дезертирами и белыми (очевидно, отставшими от отступающих или разбитых частей). Около 23 октября в одном из аулов для маскировки были сделаны из купленной у киргизов материи несколько красных знамен и красные ленты на фуражки²⁰.

До Деникина отряд не дошел. Следы его находим в гибнувшей Уральской Отдельной армии генерал-лейтенанта В. С. Толстова. Генерал-майор И. Г. Акулинин писал: «Из всех частей, двинутых из Гурьева на север, серьезную боевую силу представляли только две части: русско-сербский отряд штабс-капитана («воеводы») Киселева и партизанский отряд корнета Фортунатова. Первый из них прибыл к уральцам по реке Эмбе из Южной армии, а второй, оторвавшись от армии адмирала Колчака в районе Кустаная, долго скитался по киргизским степям, пока не вышел на жилую косу.

Однако посылка этих подкреплений, конечно, ничего изменить не могла»²¹.

Дальше следы отряда и его доблестного командира вновь теряются... Некоторые современники поторопились его похоронить. А Фортунатов неожиданно воскрес, оказавшись каким-то образом в... Конармии Буденного. Таким образом, он повторил судьбу ряда бывших эсеров, а то и офицеров-монархистов (например, литературного Рощина из «Хождения по мукам» или реального А. П. Перхурова, руководившего Ярославским мятежом).

По непроверенным данным Семен Михайлович назначил личного партизана командиром полка. Вместе с буденновцами Фортунатов осенью 1920-го дошел до Херсонщины. И тут случился новый неожиданный поворот в его жизни – он добился, чтобы его оставили охранять знаменитый на весь мир заповедник, основанный в 1874 г. владельцем Аскании-Нова бароном Фридрихом Эдуардовичем Фальц-Фейном.

Впоследствии Фортунатов вспоминал: «Не кучи, а буквально горы навоза, доходившие местами до крыш, покрывали дворы... Некоторые здания были разбиты тяжелой артиллерией, и на каждом шагу в стенах и крышах зияли широкие проломы. Ни лошадей, ни коров, годных в хозяйстве, не было». Обитатели Аскании-Нова тоже были жертвами бесчеловечной войны. Об увиденном им в октябре-ноябре 1920 года Фортунатов с болью писал: «Сотни людей сразу перелезли через забор, испуганные животные шарахнулись в противоположную сторону, разбили ветхую ограду, и часть их ушла в степь.... В этот день недосчитались: 14 штук ланей, 4 оленей, 13 гривистых баранов, 1 антилопы Гарна, 2 оленей. Сверх того, один африканский страус разбился с перепугу и пал». А 15 ноября, в ночь, несколько красных воинов тайком пробрались в зоопарк и порубили большое количество птиц: «Всего было убито: 6 лебедей, разных видов 15 гусей (серых, полярных и нильских), 20 казарок разных видов, а также несколько новозеландских огарей, нырков и уток»²².

По-видимому, для уставшего воевать Фортунатова теперь наступило время «собирать камни». Он налаживает работу в Аскании-Нова, а в январе 1921 года добрался до Харькова, в Наркомзем Украины, благодаря чему была создана комиссия по выработке декрета Совнаркома УССР от 8 февраля 1921 г. об Аскании-Нова. На основании его доклада у Д. З. Мануильского, Реввоенсовет отдал приказ, запрещающий военным частям останавливаться в заповеднике.

Фортуновата определили заведовать научной частью Аскании-Нова. В 1923-1924 годах он трудился в Московском зоопарке, в 1925-1928 годах – снова в Аскании-Нова, теперь уже в качестве заведующего зоопарком. Позднее, сделавшись членом-корреспондентом Украинского комитета охраны памятников природы, Фортунатов возглавлял также Крымский, Приморские и Кавказский заповедники. В 1929 году раскрылось еще одно дарование этого необычного человека: под псевдонимом Б. Туров в издательстве журнала «Всемирный следопыт» он публикует научно-фантастический роман «Остров гориллоидов», в котором была впервые разработана широко использовавшаяся впоследствии идея создания армии из «очеловеченных» обезьян.

Но вскоре Фортуна отвернулась от бывшего буденновца. В 1933-м по стране прокатилась волна арестов бывших эсеров. В показаниях на следствии в ГПУ Фортунатов поведал о своих научных заслугах: «Итогом этой работы прежде всего явился зоопарк Аскания-Нова, поднятый в 1928 году на такую высоту, какой он никогда в прошлом, а также и в будущем не занимал. Второй моей работой этого периода была борьба за охрану природы Украины, которая закончилась декретированием сети Приморских заповедников. Третьей и главнейшей работой была разработка теории генетического синтеза»²³.

Помимо этого Борис Константинович вел сложнейшие работы по скрещиванию, благодаря которым удалось восстановить практически исчезнувшего в годы Первой мировой и Гражданской войн зубра. Еще он занимался восстановлением в заповедной асканийской степи степного орла, стрепета, байбака.

Фортуноватов много публиковался в специальной научной печати, принимал активное участие в организации и проведении различных природоохранных съездов и конференций. В 1932 году он становится членом Комитета по заповедникам при Президиуме ВЦИК, и незадолго перед арестом руководил проектировкой нового Московского зоопарка в Останкино.

Среди предъявленных Фортунатову обвинений были пункты о согласии «на активное участие в к-р организации, ставившей своей целью свержение соввласти», а также «в составлении и осуществлении вредительских планов гибридизации животных, ...следствием чего явилась затрата впустую крупных государственных средств и гибель ценных экземпляров животных...», а также в пособничестве «созданию условий для широкого распространения заболеваний среди ценных стад животных в заповеднике»²⁴.

24 февраля 1934 года постановлением Судебной тройки при Коллегии ГПУ УССР Фортунатов был осужден к заключению в исправительно-трудовых лагерях сроком на 10 лет. Заключение он отбывал в Карлаге, был досрочно освобожден, а в 1957 году реабилитирован. В Карагандинском исправительно-трудовом лагере отбывали срок многие научные работники, попавшие в разряд «врагов народа». В лагере были созданы проектно-конструкторское бюро, сельскохозяйственная опытная станция (СХОС), накопившая исключительно ценный опыт работы в деле освоения пустынных степей Центрального Казахстана. Через Карлаг прошли многие профессора Тимирязевской академии, А. Л. Чижевский, А. Н. Туполев... Что касается Фортунатова, то по сведениям журналистов казахстанской ежедневной газеты «Экспресс К», жизнь его оборвалась в Долинской больнице, в печально-знаменитой «столице» Карлага.

Примечания

Автор благодарит за консультации А. С. Кручинина и Л. Г. Протасова.

1. ГАРФ. Ф. 102. 7 д-во. 1905. Д. 920. Л. 1-2 об.
2. Там же. Л. 3.
3. Там же. 4 д-во. 1907. Д. 42. Ч. 5.
4. Фортунатов Б. На пути к синтезу хлеба // Современный мир. 1911. № 7. С. 298-322.
5. Славянова З. Эсеры. (Воспоминания) // Революция 1917-1918 гг. в Самарской губернии. Т. 1. [Самара, 1918]. С. 122-123.
6. Там же. С. 125.
7. Соколов Б. Защита Всероссийского Учредительного собрания // Архив русской революции. Т. 13. Берлин, 1924. С. 33.
8. Цит. по: Иоффе Г. З. Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983. С. 60.
9. Вырыпаев В. О. Каппелевцы // Вестник первопроходника. 1964. № 28. С. 7-8.
10. Петров П. П. От Волги до Тихого океана в рядах белых (1918-1922 гг.). Рига, 1930. С. 21-22.
11. Приказ Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания № 251 от 24 августа (нового стиля) 1918 г.

12. Приказ № 252. Автор благодарит за помощь А. Б. Езеева.
13. Вырыпаев В. О. Указ. соч. С. 8-9.
14. Славянова З. Указ. соч. С. 124.
15. Вольнов И. Е. Круги жизни: Повести и рассказы. М. 1991. С. 291.
16. Там же. С. 338-339.
17. Петров П. П. Указ. соч. С. 84.
18. Он же. Роковые годы. 1914-1920. Калифорния. 1963. С. 109-110.
19. Еленевский А. П. Перечисление войсковых частей Поволжья и Сибири в 1918-1919 годах // Военная быль. 1968. № 89. С. 39.
20. РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 563. Л. 528-529.
21. Акулинин И. Г. Уральское казачье войско в борьбе с большевиками // Белое дело. Т. 2. Берлин, [1927]. С. 143.
22. Анисимов А. Апология невежества // Киевский телеграф. №24. 17 - 23 июня 2005.
23. Архив Службы безопасности Украины. Дело 208744, т. 3.
24. Там же.

Комментарии

В истории научной фантастики советской эпохи «Остров гориллоидов» Бориса Фортунатова должен был бы стоять рядом с «Человеком-амфибией» А. Беляева и «Собачьим сердцем» М. Булгакова. Но этого не случилось. Первый роман стал классикой советской фантастики, второй (впервые опубликованный за границей в 1968, а СССР в 1987 году) – классикой и советской НФ, и мировой литературы. «Остров гориллоидов» был впервые небрежно переиздан лишь в 2009 г. и так и не стал фактом широкого читательского сознания, оставшись достоянием любителей «ретро-НФ».

Вероятно, именно первая публикация «Человека-амфибии», растянувшаяся в 1928 г. на 13 номеров журнала «Вокруг света», натолкнула биолога, генетика, создателя зоопарков и бывшего «бело-красного партизана» Б. Фортунатова на идею романа. Уместно вспомнить, что в первом варианте романа А. Беляева были описаны, как можно понять, гибриды людей и обезьян – хвостатые индейские дети и бесхвостые, лишенные шерсти, но наделенные даром речи обезьяны. Другим источником, по-видимому, послужили опыты «омоложения» гремевшего в 1920-х гг. французского хирурга русского происхождения С. А. Воронова, пересаживавшего людям ткани яичек обезьян; эти опыты легли также в основу сюжетной канвы «Собачьего сердца».

Однако в романе Фортунатова фантазии была придана сутубо документальная окраска. «Чудовищной» гибридизацией занят в его романе советский ученый Идаев, опыты проводятся во Французской Гвинее – как раз там, где в питомнике Пастеровского института в 1927-28 гг. безуспешно пытался скрещивать человека и человекообразных обезьян крупнейший советский специалист в области искусственного осеменения проф. И. И. Иванов. Дикие опыты Иванова подробно освещены в соответствующих работах*; свое мнение о них Фортунатов высказал в романе. Несомненно, о деятельности Иванова ему было известно, не исключено и личное

* См. *Файман Г.* Дневник доктора Борменталья, или Как это было на самом деле // Искусство кино. 1991. № 7-10; *Шишкин О.* Красный Франкенштейн: Секретные эксперименты Кремля. М., 2003; *Россиянов К.* Опасные связи: И. И. Иванов и опыты скрещивания человека с человекообразными обезьянами // Вестник истории естествознания и техники. 2006. № 1.

знакомство ученых: восстанавливая исчезающие виды животных, Фортунатов широко занимался скрещиванием, работал в Москве и на Кавказе (где благодаря привезенным Ивановым обезьянам возник сухумский питомник); наконец, в заповеднике Аскания-Нова, научным руководителем которого был Фортунатов, Иванов до революции организовал зоотехническую станцию, выводившую гибриды млекопитающих и птиц.

Название романа отсылает читателя к «Острову доктора Моро» Г. Уэллса, служившему источником и для Беляева. Идею военного использования химерических гибридов человека и животных можно, на первый взгляд, возвести к Беляеву: в первом варианте «Человека-амфибии» Ихтиандр в роли подводного диверсанта защищает аргентинских рабочих и фермеров от алчных капиталистов. Но дело, видимо, не в Беляеве — слухи о солдатах-обезьянах, якобы состоявших в армиях союзников, были распространены в годы гражданской войны. В. Шкловский зафиксировал их в мемуарной книге «Сентиментальное путешествие» (1923): «Рассказывали, что англичане — рассказывали это люди не больные — что англичане уже высадили в Баку стада обезьян, обученных всем правилам военного строя. Рассказывали, что этих обезьян нельзя распропагандировать, что идут они в атаки без страха, что они победят большевиков. Показывали рукой на аршин от пола рост этих обезьян. Говорили, что когда при взятии Баку одна такая обезьяна была убита, то ее хоронили с оркестром шотландской военной музыки и шотландцы плакали. Потому что инструкторами обезьяньих легионов были шотландцы». Очевидно, что указанные слухи были хорошо знакомы Фортунатову; очевидно также, что он внимательно прочитал книгу Шкловского, соратника по партии эсеров — его буквально цитирует в романе капитан Лемуар: «Как вы думаете? Мог бы их <гориллоидов> спропагандировать самый талантливый советский агитатор?»

Любопытно привести свидетельство современника, где — вероятно, не без известной доли преувеличения — рассказывается о вызванном романом Фортунатова ажиотаже: «В 1929 г. вся Москва зачитывалась фантастическим романом “Остров гориллоидов”, который печатался в журнале “Всемирный следопыт”. В романе отрабатывается мысль о создании идеального колониального войска путем скрещивания белых женщин с гориллами. Мало того, одна из нэповских газетенки помещает объявление, что все желающие внести свой вклад могут прийти в обезьянник и поучаствовать. На Марабу жалко смотреть: каждодневно его заваливают письменными предложениями, а особо азартные дамочки являются лично.

Директор зоопарка, старый большевик Е. М. Климек, хочет дать в газеты «решительное опровержение», дядя Петя решительно возражает — для всяких дураков это будет лишняя реклама»*.

«Остров гориллоидов» был напечатан под псевдонимом «Б. Ту-ров»; судя по этому псевдониму и рассказу «Последний тур», также опубликованному в 1929 г., мечтой Фортунатова было воскрешение могучих вымерших туров (чем сегодня продолжают заниматься энтузиасты в ряде стран Европы). В рассказе несколько драматизирована судьба «последнего тура»: на самом деле им была самка, умершая от естественных причин в Якторовском лесу (Польша) в 1627 г. Романом и рассказом исчерпывается дошедшее до нас беллетристическое наследие Б. Фортунатова.

Роман Б. Фортунатова «Остров гориллоидов» был впервые напечатан в журнале «Всемирный следопыт» (№№ 4-8, 1929), рассказ «Последний тур» — в № 11 того же журнала за 1929 г. (оба под псевд. «Б. Ту-ров»). Тексты публикуются по первоизданиям с исправлением ряда устаревших особенностей орфографии и пунктуации. Иллюстрации взяты из журнальных изданий.

Статья кандидата исторических наук Я. Леонтьева «Фартовый корнет Фортунатов» была впервые напечатана в журн. «Родина» (№ 7, июль 2006); публикуется по сайту socialist.memo.ru с восстановлением оригинального заглавия.

М. Ф.

* Без четверти век: Воспоминания о КЮБЗе. М., 1999. С. 27-28. Упоминаемые в тексте «Марабу» и «дядя Петя» — соответственно, директор обезьянника Московского зоопарка М. А. Величковский (1858-1937) и зоолог-натуралист П. А. Мантейфель (1882-1960).

Оглавление

I. Письмо из Африки	7
II. В Тропическом институте	10
III. Механик Дюпон	15
IV. Призыв из Ниамбы	22
V. Ниамба	28
VI. «Хозяйство» Кроза	35
VII. Тайна Ниамбы	41
VIII. Снова Дюпон	46
IX. Каторжная выдумка	52
X. Гостиная в Африке	59
XI. Стрелковое учение с боевыми патронами	64
XII. Смерть гориллоида	73
XIII. Окультизм, фашизм и новая дружба	76
XIV. Рабочий вопрос решается просто	80
XV. От замысла до дела – один шаг	87
XVI. Встреча в саду	93
XVII. Гориллоид Луи	98
XVIII. В лагере гориллоидов	104

XIX. Ленуар во многом ошибается	113
XX. Драма в саду	121
XXI. Узники Ниамбы	126
XXII. Подкоп	130
XXIII. Побег	136
XXIV. Переход в наступление	142
XXV. Бунт гориллоидов	146
XXVI. Взрыв	151
XXVII. Драма в ангаре	156
XXVIII. Коньяк, дырки и рассказ Дюпона	160
XXIX. Бивак на поляне	166
XXX. Снова в воздухе	170
XXXI. Не все делается по плану	174
XXXII. «В тюрьму или в сумасшедший дом?»	178
XXXIII. Гибель Тропического института	182
XXXIV. Тянуть на последних каплях	188
XXXV. Отклики в прессе	192
XXXVI. Их точка зрения (Статья Борегара)	200
Последний тур	205

Приложение

Я. Леонтьев. Фартовый корнет Фортунатов 242

Комментарии 254

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.